

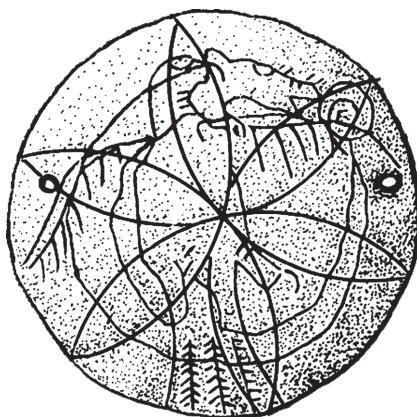
Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ **В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО**

ВЫПУСК 11

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2013

УДК 903.2:39(Р71)

ББК 634/5

X19

X19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого:
Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск:
Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 11. 276 с. 300 экз.

ISBN 978-5-7511-2192-1

Одиннадцатый ежегодный сборник научных статей, издаваемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, как и прежде, выносит на общественное обсуждение проблемы, результаты и перспективы деятельности в сфере выявления, изучения, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 17 публикаций приняли участие 23 автора из 5 городов и 11 научных, научно-производственных, учебных и культурно-образовательных организаций и учреждений. Предложен для обсуждения давно назревший проект «Концепции сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия бывшего села Самарова — исторической части города Ханты-Мансийска». Представлены научные статьи по теме сборника, сообщения с краткими результатами полевых работ 2011–2012 гг., публикация давнего и редкого издания об югорском культурном наследии, рецензия на новое научное издание, отклик на юбилей.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(Р71)

ББК 634/5

Редактор — Я.А. Яковлев

Использованы фотографии:
шмунтитулы — Я.А. Яковлев (из серии «Берёзово»),
в рубрике «Юбилей» — А.Н. Кондрашёв

ISBN 978-5-7511-2192-1

© Я.А. Яковлев, 2013 (компл.)

© Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2013

ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

АМБАР

Постройка конца XIX в.
Объект культурного наследия
Одна из немногих сохранившихся построек
одной из первых деревень, возникших
в результате присоединения края к Российской империи.

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа - Югры

**Список объектов культурного наследия
ХМАО – Югры, границы территорий и режим
использования которых установлены
нормативно-правовыми актами
(на 27 мая 2013 г.)¹**

---

¹ Нормативно-правовые акты Госкультохраны Югры доступны на сайте www.nasledie.admhmao.ru в разделе «Документы / Приказы Госкультохраны Югры».

№	Название объекта культурного наследия	№ и дата	Название	Приказ	
				4	5
1	2	3	Об утверждении границ территории объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) регионального значения «Городище Сургутское I» в Сургутском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2011. – 5 июля. – № 101	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2011. – 5 июля. – № 101
1	Городище Сургутское I	1-нп 23.06.2011	Об утверждении границ территории объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) регионального значения «Городище Сургутское II» в Сургутском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110
2	Здание первой электростанции г. Ханты-Мансийска	6-нп 18.09.2012	Об утверждении границ территории, режима использования объекта культурного наследия регионального значения «Здание первой электростанции г. Ханты-Мансийска»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110
3	Здание церкви Вознесения Господня	7-нп 18.09.2012	Об утверждении границ территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Здание церкви Вознесения Господня»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110
4	Городище Берёзовское	8-нп 18.09.2012	Об утверждении границ и режима использования территории выявленного объекта культурного наследия «Городище Берёзовское» в Берёзовском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110
5	Городище Кучиминское 33				
6	Селище Кучиминское 31				
7	Селище Кучиминское 32				
8	Селище Кучиминское 39				
9	Селище Кучиминское 40				
10	Селище Кучиминское 41	9-нп 18.09.2012	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия в Сургутском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110
11	Селище Кучиминское 42				
12	Селище Кучиминское 43				
13	Селище Кучиминское 44				
14	Селище Кучиминский Сор 1				
15	Могильник Сайтатинский 7				
16	Селище Хавронина 1				
17	Амбар усадьбы Е.И. Рязанцева	10-нп 18.09.2012	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Амбар усадьбы Е.И.Рязанцева»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 2 октября. – № 108	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 2 октября. – № 108
18	Ансамбль Никольской часовни (в составе: здание Никольской часовни, молитвенный Никольский)	11-нп 18.09.2012	Об утверждении границ территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Никольской часовни (в составе: здание Никольской часовни, молитвенный Никольский)»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 2 октября. – № 108	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 2 октября. – № 108
19	Дом рыбопромышленника Грушинко	12-нп 18.09.2012	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Дом рыбопромышленника Горюшинко»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 5 октября. – № 110

Список объектов культурного

1	2	3	4	5
20	Достопримечательное место «Барсова Гора»	13-нп 30.10.2012	Об утверждении границ территории, характера использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное Место «Барсова Гора»	Новости Югры. – Ханты- Мансийск, 2012. – 16 ноября. – № 128
21	Городище Самаров Городок			
22	Городище Увал			
23	Городище Самарово 5	14-нп 09.11.2012	Об утверждении границ и режима использования территории вы- явленных объектов культурного наследия в г. Ханты-Мансийске	Новости Югры. – Ханты- Мансийск, 2012. – 23 ноября. – № 131
24	Поселение Самарово 1			
25	Поселение Горное 2			
26	Селище Калинкинское 6			
27	Селище Барсова гора II/43	16-нп 11.12.2012	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры. – Ханты- Мансийск, 2012. – 21 декабря. – № 143
28	Городище Лянторское 2			
29	Селище Лянторское 3	17-нп 11.12.2012	Об утверждении границ и режима использования территории вы- явленных объектов культурного наследия в границах городского поселения Лянтор	Новости Югры. – Ханты- Мансийск, 2012. – 21 декабря. – № 143

1	2	3	4	5
30	Поселение Самаровский Ям	18-нп 11.12.2012.	Об утверждении границ и режима использования территории выявленного объекта культурного наследия «Поселение Самаровский Ям» в Ханты-Мансийском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 21 декабря. – № 143
31	Городище Понум-Яха 2			
32	Городище Согом 4			
33	Поселение Согом 6			
34	Поселение Согом 11			
35	Поселение Согом 12			
36	Поселение Согом 13			
37	Поселение Согом 14			
38	Поселение Согом 15			
39	Поселение Согом 16			
40	Поселение Согом 17			
41	Поселение Согом 18			
42	Поселение Согом 19			
43	Поселение Согом 20			
44	Поселение Согом 21			
45	Поселение Согом 22			
46	Поселение Согом 23			
47	Поселение Согом 24			
48	Поселение Согом 25			
49	Поселение Согом 26			
50	Поселение Согом 27			
51	Городище Согом 28			
52	Городище Согом 29			
53	Городище Согом 30			
54	Городище Согом 31			
55	Поселение Согом 32			
56	Поселение Согом 33			
57	Поселение Согом 34			
58	Поселение Согом 35			
59	Поселение Согом 36			
60	Поселение Согом 37			
61	Поселение Согом 38			
62	Поселение Согом 39			
63	Поселение Согом 40			
64	Поселение Согом 41			
65	Могильник Согом 42			
66	Поселение Согом 43			

Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Ханты-Мансийском районе

19-нп
14.12.2012.

Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 28 декабря. – № 146

Список объектов культурного

1	2	3	4	5
67	Поселение Сагом 45			
68	Поселение Сагом 46			
69	Поселение Сагом 47			
70	Поселение Сагом 48			
71	Поселение Сагом 49			
72	Городище Сагом 50			
73	Поселение Сагом 51			
74	Поселение Сагом 52			
75	Поселение Сагом 53			
76	Городище Сагом 54			
77	Поселение Сагом 55			
78	Поселение Сагом 56			
79	Городище Сагом 57			
80	Поселение Сагом 58			
81	Поселение Сагом 59			
82	Поселение Сагом 60			
83	Городище Сагом 61			
84	Поселение Сагом 62			
85	Поселение Сагом 63			
86	Городище Сагом 64			
87	Поселение Сагом 65			
88	Поселение Сагом 66			
89	Поселение Сагом 67			
90	Поселение Сагом 68			
91	Поселение Сагом 69			
92	Городище Сагом 70			
93	Городище Сагом 71			
94	Городище Сагом 72			
95	Городище Сагом 73			
96	Городище Сагом 74			
97	Городище Сагом 75			
98	Городище Сагом 76			
99	Поселение Сагом 77			
100	Городище Сагом 78			
101	Могильник Сагом 79			
102	Поселение Сагом 80			
103	Поселение Сагом 83			
104	Городище Сагом 95			
105	Городище Сагом 96			

Об утверждении границ и режима использования территории
выявленных объектов культурного наследия, расположенных в
Ханты-Мансийском районе

Новости Югры. – Ханты-
Мансийск, 2012. – 28 декабря. –
№ 146

19-нп
14.12.2012.

1	2	3	4	5
106 Городище Согом 97				
107 Городище Согом 112				
108 Могильник Согом				
109 Тохтынейтай 8				
109 Городище Чебачий Бор 1				
110 Поселение Чебачий Бор 2				
111 Поселение Чебачий Бор 3				
112 Могильник Чебачий Бор 4				
113 Городище Чебачий Бор 5				
114 Поселение Чебачий Бор 8/1 (Чебачий Бор 8)				
115 Поселение Чебачий Бор 8/2 (Чебачий Бор 9)				
116 Поселение Чебачий Бор 8/3 (Чебачий Бор 10)				
117 Могильник Чебачий Бор 8/4 (Чебачий Бор 11)				
118 Поселение Чебачий Бор 8/5 (Чебачий Бор 12)	19-нп			
119 Поселение Чебачий Бор 8/6 (Чебачий Бор 13)	14.12.2012.			
120 Городище Чебачья Пристань 2				
121 Поселение Согомское 7/1 (Согомское 7)				
122 Городище Согомское 7/2 (Согомское 8)				
123 Поселение Согомское 7/3 (Согомское 9)				
124 Городище Согомское 7/4 (Согомское 10)				
125 Городище Согомское 15				
126 Городище Согомское 16				
127 Городище Согомское 17				
128 Поселение Согомское 18				
129 Поселение Согомское 19/1 (Согомское 19)				
130 Поселения Согомское 19/2 (Согомское 20)				

Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2012. – 28 декабря. – № 146

Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Ханты-Мансийском районе

Список объектов культурного

1	2	3	4	5
131	Поселение Согомское 19/3 (Согомское 21)			
132	Поселение Согомское 19/5 (Согомское 23)			
133	Поселение Согомское 19/6 (Согомское 24)			
134	Поселение Согомское 19/7 (Согомское 25)			
135	Поселение Согомское 19/8 (Согомское 26)			
136	Поселение Согомское 19/9 (Согомское 27)			
137	Городище Согомское 19/10 (Согомское 28)			
138	Поселение Согомское 19/11 (Согомское 29)			
139	Городище Согомское 30/1 (Согомское 30)			
140	Городище Согомское 30/2 (Согомское 31)	19-нп 14.12.2012.		
141	Городище Согомское 30/3 (Согомское 32)	19-нп 14.12.2012.		
142	Поселение Согомское 34/1 (Согомское 34)			
143	Городище Согомское 34/2 (Согомское 35)			
144	Городище Согомское 34/3 (Согомское 36)			
145	Городище Согомское 34/4 (Согомское 37)			
146	Городище Согомское 34/5 (Согомское 38)			
147	Городище Согомское 34/6 (Согомское 39)			
148	Поселение Согомское 40			
149	Поселение Согомское 41			
150	Поселение Согомское 42			
151	Поселение Согомское 43			

Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2012. – 28 декабря. – № 146

Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Ханты-Мансийском районе

1	2	3	4	5
152 Стоянка Стариков Мыс				
153 Поселение Согомское 1				
154 Поселение Согомское 2				
155 Поселение Согомское 3				
156 Городище Согомское 4				
157 Городище Согомское 5				
158 Городище Согомское 6				
159 Городище Стариков Мыс				
160 Городище Понум-Эха 1				
161 Городище Ершово 1				
162 Городище Ершово 2				
163 Городище Ершово 3				
164 Поселение Согом 3				
165 Городище Согом 1				
166 Городище Согом 2				
167 Городище Согом 5				
168 Городище Согом 7				
169 Городище Согом 8				
170 Городище Согом 9				
171 Городище Согом 10				
172 Поселение Большая Умтыя 1				
173 Поселение Большая Умтыя 3				
174 Поселение Большая Умтыя 4/1 (Большая Умтыя 4)				
175 Поселение Большая Умтыя 4/2 (Большая Умтыя 4а)				
176 Поселение Большая Умтыя 4/3 (Большая Умтыя 4б)				
177 Поселение Большая Умтыя 5				
178 Поселение Большая Умтыя 6				
179 Поселение Большая Умтыя 7				
180 Поселение Большая Умтыя 10				
181 Городище Большая Умтыя 11				
182 Поселение Большая Умтыя 12				
183 Поселение Большая Умтыя 13				
184 Поселение Большая Умтыя 14				
185 Поселение Большая Умтыя 15				
186 Поселение Большая Умтыя 16				
187 Поселение Большая Умтыя 17				

Новости Югры – Ханты-Мансийск, 2012. – 25 декабря. – № 144

Об утверждении границ территории, режима использования территории объектов культурного наследия речного значения в Ханты-Мансийском районе

20-нп
14.12.2012

Новости Югры – Ханты-Мансийск, 2013. – 11 января. – № 3

Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе

21-нп
21.12.2012

Список объектов культурного

1	2	3	4	5
188	Поселение Большая Умтыя 18			
189	Поселение Большая Умтыя 19			
190	Поселение Большая Умтыя 44			
191	группа впадин Большая Умтыя 45			
192	Городище Большая Умтыя 46			
193	группа впадин Большая Умтыя 47			
194	Поселение Большая Умтыя 48			
195	Поселение Большая Умтыя 50			
196	Стойка Большая Умтыя 51			
197	Поселение Большая Умтыя 52			
198	Поселение Большая Умтыя 53			
199	Поселение Большая Умтыя 54-			
200	Поселение Большая Умтыя 55/1 (Большая Умтыя 55)			
201	Поселение Большая Умтыя 55/2 (Большая Умтыя 55a)			
202	Поселение Большая Умтыя 55/3 (Большая Умтыя 55b)	21-нп 21.12.2012	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе	
203	Поселение Большая Умтыя 55/4 (Большая Умтыя 55b)			
204	группа впадин Большая Умтыя 55/5			
205	Поселение Большая Умтыя 56			
206	Поселение Большая Умтыя 58			
207	Поселение Большая Умтыя 59			
208	Местонахождение Большая Умтыя 62			
209	Поселение Большая Умтыя 63			
210	Поселение Большая Умтыя 64.			
211	Поселение Большая Умтыя 65/1 (Большая Умтыя 65)			
212	Поселение Большая Умтыя 66			
213	Поселение Большая Умтыя 67			
214	Поселение Большая Умтыя 68			
215	Поселение Большая Умтыя 69			
216	группа впадин Большая Умтыя 70			
217	Поселение Большая Умтыя 71			
218	Поселение Большая Умтыя 73			

Новости Югры.– Ханты-Мансийск, 2013. – 11 января. – № 3

1	2	3	4	5
219	Местонахождение Большая Умтыя 75			
220	Поселение Большая Умтыя 78			
221	Местонахождение Большая Умтыя 79			
222	Поселение Большая Умтыя 80/1 (Большая Умтыя 80)			
223	Поселение Большая Умтыя 81/2			
224	Поселение Большая Умтыя 80/3 (Большая Умтыя 82)			
225	Поселение Большая Умтыя 80/4 (Большая Умтыя 83)			
226	Поселение Большая Умтыя 84			
227	Поселение Большая Умтыя 85			
228	Поселение Большая Умтыя 86			
229	Поселение Большая Умтыя 87			
230	Поселение Большая Умтыя 88			
231	Поселение Большая Умтыя 90			
232	Поселение Большая Умтыя 91			
233	Поселение Большая Умтыя 96			
234	Владина Большая Умтыя 97			
235	Группа впадин Большая Умтыя 98			
236	Поселение Большая Умтыя 99			
237	Поселение Большая Умтыя 100			
238	Поселение Большая Умтыя 101			
239	Группа ловных ям Большая Умтыя 102			
240	Поселение Большая Умтыя 104			
241	Поселение Большая Умтыя 105			
242	Поселение Большая Умтыя 106			
243	Поселение Большая Умтыя 107			
244	Поселение Большая Умтыя 108			
245	Поселение Большая Умтыя 109			
246	Поселение Большая Умтыя 110			
247	Поселение Большая Умтыя 111			
248	Поселение Большая Умтыя 112			
249	Поселение Большая Умтыя 113			
250	Поселение Большая Умтыя 114			
251	Поселение Большая Умтыя 115			

Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2013. – 11 января. – № 3

Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе

21.12.2012

Список объектов культурного

1	2	3	4	5
252	Поселение Болышая Умьтъя 117			
253	Городище Карымкарский Городок			
254	Городище Карымкары 1			
255	Городище Малокарымкарское			
256	Городище Карымкарское 1	22-нп 21.12.2012	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Октябрьском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 11 января. – № 3
257	Поселение Малокарымкарское 1			
258	Поселение Малокарымкарское 2			
259	Селище Карымкарское 2			
260	Селище Карымкарское 3			
261	Достопримечательное место «Священное озеро Имлор»	7-нп 22.04.2013	Об утверждении границ территории, предмета охраны, характера использования территории и временной зоны охраны объекта культурного наследия местного (муниципального) значения достопримечательное место «Священное озеро Имлор»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 07 мая. – № 50
262	Стойка Чес-Тый-Яг			
263	Городище	8-нп 07.05.2013	Об утверждении границ территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Берёзовском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 24 мая. – № 57
264	Городище Сартынья			
265	Городище Кучиминское XXI			
266	Селище Кучиминское XIII			
267	Селище Кучиминское XXXIII			
268	Селище Кучиминское XXIX			
269	Селище Кучиминское XXXV	9-нп 07.05.2013	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 31 мая. – № 60
270	Селище Кучиминское XXVI			
271	Селище Кучиминское XXXVII			
272	Селище Кучиминское XXX			
273	Селище Быстрый Кульбган 11			
274	Поселение Быстрый Кульбган 32			

1	2	3	4	5
275 Селище Быстрый Кульеган 49				
276 Селище Быстрый Кульеган 50				
277 Городище Быстрый Кульеган 96				
278 Селище Быстрый Кульеган 97				
279 Владина Большая Умытья 118				
280 Владина Большая Умытья 127				
281 Группа владин Вершинина 4				
282 Местонахождение Большая Умытья 69/2				
283 Местонахождение Большая Умытья 119				
284 Местонахождение Большая Умытья 120				
285 Местонахождение Большая Умытья 137				
286 Поселение Большая Умытья 2				
287 Поселение Большая Умытья 8				
288 Поселение Большая Умытья 9				
289 Поселение Большая Умытья 49/1 (Большая Умытья 49)				
290 Поселение Большая Умытья 49/2 (Большая Умытья 49/а)	10-нп 07.05.2013			
291 Поселение Большая Умытья 49/3 (Большая Умытья 49/б)				
292 Поселение Большая Умытья 57				
293 Поселение Большая Умытья 60				
294 Поселение Большая Умытья 61				
295 Поселение Большая Умытья 69/1				
296 Поселение Большая Умытья 72				
297 Поселение Большая Умытья 74				
298 Поселение Большая Умытья 89				
299 Поселение Большая Умытья 92				
300 Поселение Большая Умытья 93				
301 Поселение Большая Умытья 94				
302 Поселение Большая Умытья 95				
303 Поселение Большая Умытья 121				
304 Поселение Большая Умытья 122				
305 Поселение Большая Умытья 123				
306 Поселение Большая Умытья 124				

Новости Югры. – Ханты-Мансийск. 2013. – 31 мая. – № 60

Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе

Список объектов культурного

1	2	3	4	5
307	Поселение Большая Умьтъя 125			
308	Поселение Большая Умьтъя 126			
309	Поселение Большая Умьтъя 128			
310	Поселение Большая Умьтъя 129			
311	Поселение Большая Умьтъя 138			
312	Поселение Большая Умьтъя 139			
313	Поселение Большая Умьтъя 140	10-нп 07.05.2013	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 31 мая. – № 60
314	Поселение Большая Умьтъя 141			
315	Поселение Вершинина 1			
316	Поселение Вершинина 2			
317	Поселение Вершинина 3			
318	Поселение Вершинина 5			
319	Погост (16 – нач. 20 вв.)	11-нп 07.05.2013	Об утверждении границ территории и режима использования территории объекта культурного наследия регионального значения «Погост (16 – нач. 20 в.)», расположенного в Берёзовском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 31 мая. – № 60
320	Поселение Толум 1			
321	Городище Неустья 2.1			
322	Поселение Неустья 4			
323	Поселение Большой Тегер 1	13-нп 27.05.2013	Об утверждении границ и режима использования территории выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Кондинском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 7 июня. – № 63
324	Поселение Большой Тегер 2			
325	Поселение Потанах 1			
326	Поселение Мостовое 5			

Составил: Д.М. Шакиров

Концепция сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия бывшего села Самарова – исторической части города Ханты-Мансийска (проект)

Д.О. Стародумов, Я.А. Яковлев

г. Ханты-Мансийск

АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

1. Бывшее село Самарово – историческая часть города Ханты-Мансийска: социально-экономическое значение и объект исследования

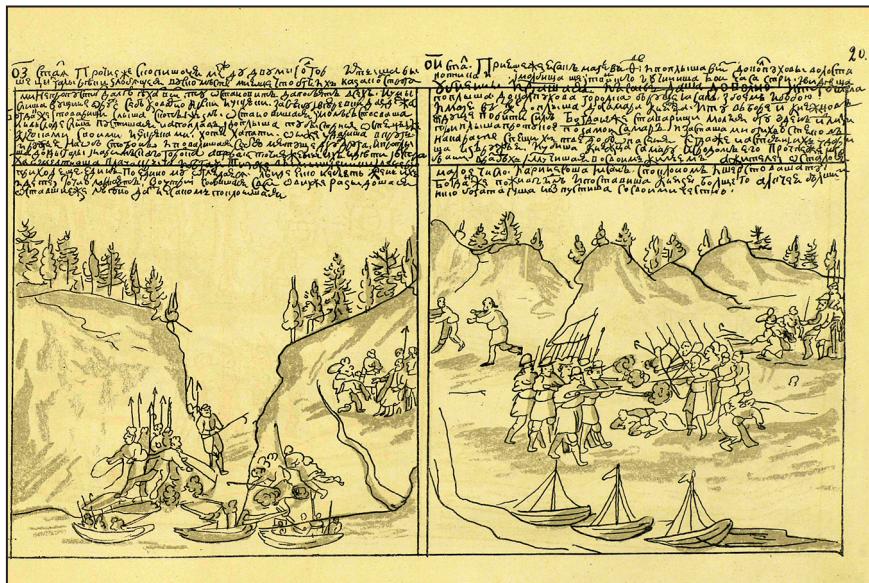
Как часто случается с биографиями исторических деятелей и исторических поселений, тёмная тайна их рождения со временем начинает раскрашиваться разноцветьем устных преданий и летописных редакций. Подобное случилось и с ранним этапом истории Самарова, ни время, ни детали рождения которого доподлинно пока не выявлены.

О времени. Проникновение русского населения на территорию Югры началось в кон. XVI в. При этом начальные события похода Ермаковой ватаги за Урал в наиболее аргументированных версиях (есть и другие) сибирской истории расходятся на год: согласно традиционному мнению, точкой отсчёта является 1581 г., новейшие расчёты склоняют к 1582 г. Соответственно, и все дальнейшие события расходятся на год: покорение городка Искер/Сибирь/Кашлык (столицы хана Кучума), разорение Самарова городка и т. д.¹

О покорении Самарова городка. После зимовки в Искере в мае следующего (соответственно, 1582 или 1583) года казаки отправились в «ясачный поход» по Оби и Иртышу. Но подробности этой экспедиции тоже разнятся — и в летописных источниках, и в позициях нынешних историков (ил. 1–3).

В Строгановской летописи и некоторых других письменных источниках говорится, что набег возглавил Никита Пан².

А в Кунгурском летописце предводителем похода назван пятидесятник Богдан Брязга, отряд которого и совершил разгром хантыйского ополчения и убийство Самара³.

Ил. 1. Сражение казаков у Цингалы реки и у Самар (справа). Рисунок: С.У. Ремезов (кон. XVII – нач. XVIII вв.)

Ил. 2. Посещение казаками Белогорья и их возвращение в Сибирь град (Искер). Рисунок: С.У. Ремезов (кон. XVII – нач. XVIII вв.)

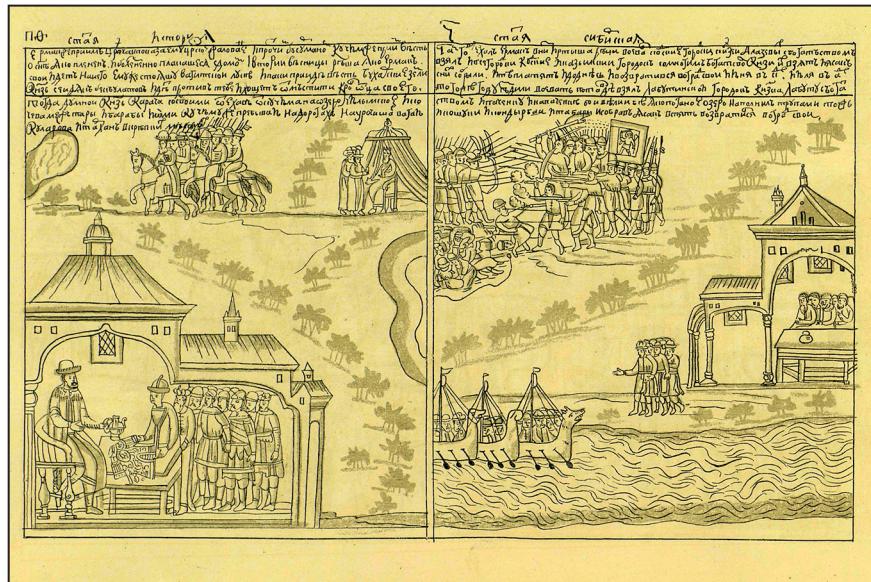
Кто-то из историков полагает, что речь в этих источниках идёт о двух независимых друг от друга событиях.

Фактом же остается следующее: в устье Иртыша у Белогорского городка казаки столкнулись с объединёнными силами девяти хантыйских князцов под руководством «большого» князя Самара, и после трёхдневной осады одержали победу⁴.

С именем Самара устная традиция связывает и небольшую крепость (Миллер называл её «для убежища небольшой городок») на правом берегу р. Иртыша в районе современного Археопарка. Называли её *Самар-вош* (Самаров городок) или *Тунг-пох-ваши* (Божьего Сына городок).

Однако поражение местного хантыйского ополчения, разгром города Самара и гибель самого лидера ещё не стали началом русского поселения Самарова — нынешней части столицы Югры.

Только через полвека постепенного втягивания территории Сибири в орбиту российской государственности, в процессе решения проблемы коммуникации и обслуживания почтовых трактов в низовья Иртыша стали переселяться «ямские охотники». По предположению историков, первая немногочисленная группа могла прибыть сюда в нач. 1630-х гг.,

Ил. 3. Завоевание Ермаком Кодских городков (справа). Рисунок: С.У. Ремезов (кон. XVII – нач. XVIII вв.)

однако документальных подтверждений этому факту пока не выявлено. Самый ранний и общепризнанный исторической наукой документ о создании Самаровского яма датирован февралём 1635 г. Тогда для организации новых ямщицких поселений в Сибири царь Михаил Романов распорядился набрать «100 человек ямщиков с жёнами и детьми» и распределить их поровну между «Демьянской волостью» и «Самаровыми горами». Во исполнение воли самодержца «не ранее осени 1636 г.» группа ямщиков из Приуралья (Сольвычегодска, Чердыни и Соликамска) была доставлена на жительство к подножию правой иртышской террасы примерно в двух верстах выше развалин бывшего Самарова городка. Зима ушла на обустройство, а с 1637 г. Самаровский ям вошёл в число новых российских поселений за Уралом⁵.

Эта дата — единственная документально подтверждённая историческими источниками — и является точкой отсчёта возраста нынешнего города Ханты-Мансийска. Вопросы о времени возникновения и исчезновения хантыйского городка на вершине террасы, как и об исторической преемственности этого городка с поселением русских ямщиков, основанным в двух верстах у подножия берега в 1637 г., в настоящее время не имеют никаких оснований для однозначного решения⁶. Нельзя лишь отрицать, что эти населённые пункты отделены друг от друга двумя верстами в пространстве и полстолетием во времени. Как и то, что все путешествующие через Самарово, посчитавшие необходимым в своих записках оставить сведения о национальном составе жителей, подчёркивали исключительно русскую принадлежность последних. Поэтому пока все иные даты основания Самарова являются не более чем рабочими гипотезами. Их не стоит огульно отрицать, но до подтверждения достоверными фактами из надёжных исторических источников нельзя и использовать.

Управлялось русское поселение Самаровской судной избой — так в XVII — нач. XVIII в. назывался орган местного самоуправления. Она возглавлялась приказчиком, назначаемым на год Тобольской воеводской канцелярией, и ведала всеми гражданскими и уголовными делами местного русского населения, организацией ямской гоньбы (вместе с выборным ямским старостой), налогами, таможенными и кабацкими податями и др.⁷

В 1640 г. в Самаровском яме была возведена первая православная церковь в деревянном исполнении — во имя Николая Чудотворца. Несколько времени спустя (не позднее 1676 г.) она стала приделом нового храма, освящённого уже во имя Покрова Пресвятой Богородицы⁸.

В 1667–1668 гг. Самаровский ям впервые появился на географической карте. Тогда по приказанию тобольского воеводы П.И. Годунова был составлен «Чертёж всей Сибири», на котором детально изображен бассейн Иртыша, отмечены города и остроги. Немного позже этот населённый пункт был отображен на всех картографических работах С.У. Ремезова (ил. 4).

В XVII в. через этот населённый пункт проходили грузы между Европейской Россией и Восточной Сибирью и даже Китаем. Поэтому здесь был открыт филиал Тобольской таможни, где проводились досмотр и оценка товаров, взимался сбор пошлин⁹.

В XVIII в. geopolитическая ситуация в России и Сибири изменилась. Присоединение Восточной Сибири, освоение дальневосточных земель, выход на центральноазиатские рынки сменили вектор коммуникативных каналов с оппозиции «север – юг» на «запад – восток». Почтовые тракты сместились южнее – на широту Томска. Ямщикам Самаровской, население которой удвоилось, волей-неволей приходилось «переквалифицироваться» в промысловиков и торговцев.

Естественно, менялись в это время административный статус, архитектурный облик и демография Самаровской слободы.

Ил. 4. Самаровский ям на чертеже «Всех Сибирских градов и земель», составленном С.У. Ремезовым (нач. XVIII в.). (Фрагмент)

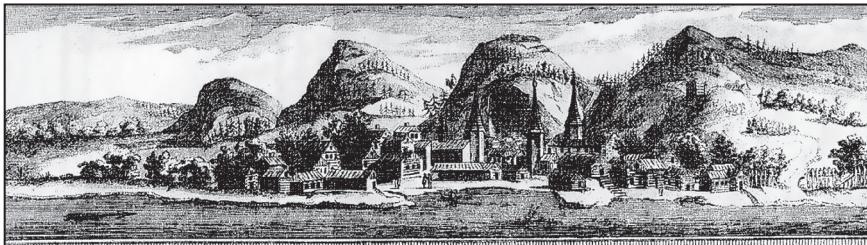
В 1728 г. в ходе общероссийской реформы местного управления была образована Самаровская управительская канцелярия — низшее местное административное учреждение, подчинявшиеся Ямской канцелярии и управляющее Самаровским ямом. В частности, в её компетенции находились общее управление и суд — как в самом яме, так и на прилегавшей территории¹⁰.

1743-м годом датируется первое выявленное в архивных документах упоминание о приделе во имя Знамения Пресвятой Богородицы самаровского храма, сгоревшего тогда «без остатку»; 1765-м — о приходской школе¹¹; 1779—1782 гг. — о строительстве нового деревянного Покровского храма.

В 1786 г. в ходе административной реформы по введению на территории Сибири системы волостного деления ямщицкая слобода Самаровский ям получил статус села и стала центром созданной Самаровской волости Тобольского уезда Тобольского наместничества. Волость образовывали русские деревни, тяготевшие к Самаровскому яму: Базьянова, Тюлина, Шапшина, Конева, Спирина, Зенкова, Скрипунова и др.¹²

Ил. 5. Самаровский ям на «Карте Сибири и сопредельных стран» Жака Николя Беллена (Jacques-Nicolas Bellin) из собрания сочинений «История путешествий» («Histoire gynérale des Voyages»), Paris, 1746—1759. — Т. X. (Фрагмент)

Ил. 6. Самаровский ям. Гравюра по рисунку Т. Кёнигсфельса 1740 г.

В этом столетии топоним «Самаровский Ям» стал известен и в Европе (ил. 5, 6).

XIX в. С 1803 г. Самаровская волость подчинялась Денщиковскому комиссарству, которое, в свою очередь, являлось структурным подразделением Тобольского нижнего земского суда. В ходе реформы М.М. Сперанского 1822 г. комиссарства были реорганизованы в отделения, а в 1868 г. отделения стали участками. В 1865 г. в Самаровскую волость на правах особого сельского общества была включена Темлячевская инородческая осязьская волость. В 1898 г. из северных волостей Тобольского уезда (включая Самаровскую) был сформирован 3-й полицейский стан и 3-й крестьянский участок.

В нач. XIX в. к Самаровскому приходу относились 2 русские деревни (Шапшинская, Оленевая) и 6 хантыйских юрт (Тренкинские, Пашкинские, Кузнецовские, Кышиковские, Терёшкинские, Вершинские). На средства прихожан из этих населённых пунктов и жертвователей из других поселений в 1816 г. в Самаровой была заложена каменная Покровская церковь на три престола: во имя Покрова Пресвятой Богородицы, во имя Знамения Божией Матери, во имя Николая Чудотворца. О времени окончания этого строительства точных данных пока нет, историки лишь пишут: «*Можно предположить, что в конце первой трети XIX в. каменная Самаровская Покровская церковь уже существовала*»¹³.

Также в приходе функционировали три часовни¹⁴. Позже их число выросло до четырёх: во имя Святого Николая Чудотворца, во имя Святого Порока Илии, во имя Всех Святых (в Самарове), во имя Святого Порока Ильи (в Оленевой)¹⁵.

Менялась эстетика населённого пункта. Власти не раз пытались упорядочить застройку и внедрить хотя бы начала санитарно-гигиенических норм в сибирских поселениях. Х.М. Лопарев сообщал, что Самаровским

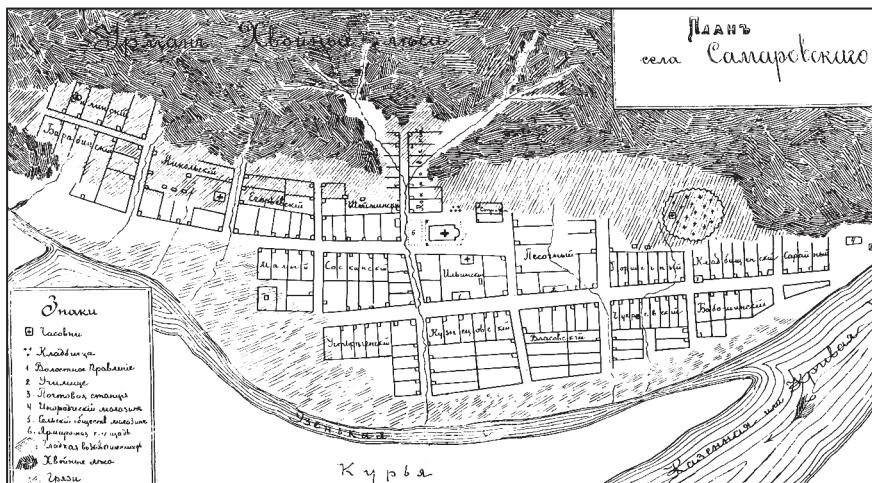
волостным правлением ещё в 1816 г. «получены были циркуляры: о соблюдении чистоты в селе и о том, чтобы улицы были прямые... о держании собак на привязи...»¹⁶. Но только к кон. 1870-х гг. усилиями исправника А.П. Дзержинского здесь начала внедряться плановая застройка: межевание земли; снос построек, мешающих движению; уличная планировка (ул. Церковная — ныне Кирова, ул. Школьная — ныне Свободы, пер. Никольский — ныне Некрасова и др.)¹⁷ (ил. 7).

Преемник на посту исправника А.А. Павлинов продолжил благоустройство: низкие места были отсыпаны песком, заболоченные — прорезаны сточными канавами.

Из объектов социальной структуры можно отметить ссудно-сберегательное товарищество, открытое при Самаровском волостном правлении в 1877 г.

ХХ в. В 1903 г. структуру волости составляли 29 русских и хантыйских селений (753 двора, 4663 чел.). В 1917 г. территория волости сократилась за счёт выделения Реполовской и Зенковской волости.

Главными направлениями хозяйственной деятельности жителей села в ХХ в. стали товарное рыболовство и сбор дикоросов. И в этом самаровцы немало преуспели. Организовавшие заготовку этих товаров предпримчивые жители — Земцов, Шеймин, Соскин, Кузнецов — обзавелись большими и красивыми домами.

Ил. 7. План села Самаровского. Из книги: Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом (1896 г.).

Развивалась и социальная инфраструктура села. В 1912 г. началось строительство больницы, но из-за неудачно выбранного места в 1915 г. пришлось приступить к строительству нового здания, которое вошло в строй лишь в 1923 г. Забегая вперёд, можно отметить, что в 1932 г. в соцкультбыт Самарова была введена библиотека.

Трагические события революции и Гражданской войны в России не могли миновать и Самарова. После провозглашения в январе 1918 г. советской власти в селе был образован Совет рабочих и солдатских депутатов. Однако его судьба оказалась короткой, и уже весной того же года прибывший белогвардейский отряд арестовал совдеп и восстановил волостное правление — с. Самарово вошло в состав Тобольского уезда Тюменской губернии.

Меж тем события в центре страны складывались не в пользу белых, и 18 ноября 1919 г. советы снова пришли к власти — на этот раз надолго. Самаровский сельский совет был воссоздан в январе 1920 г. Село продолжало оставаться административным центром Самаровской волости Тобольского уезда¹⁸.

В 1923 г. в ходе административных преобразований нового советского государства территория ликвидированной Самаровской волости вошла в Самаровский район Тобольского округа Уральской области. Короткое время (с января по декабрь 1934 г.) Самарово, как и вся остальная территория Югры, находилось в составе Обь-Иртышской области, с декабря 1934 г. по август 1944 г. — Омской области, позже — Тюменской области¹⁹.

Новый этап в жизни села начался в декабре 1930 г., когда вышло постановление ВЦИК об организации Остяко-Вогульского национального округа. Вслед за этим Уральский облисполком принял решение о строительстве административного центра нового административного образования в 5 км от Самарова в урочище Большой Черёмушник. В следующем году строительство новой югорской столицы, получившей название Остяко-Вогульск, началось.

В 1935 г. (по другим данным, в 1936 г.) Остяко-Вогульск получил статус посёлка городского типа.

В 1940 г. Остяко-Вогульск переименовали в Ханты-Мансийск.

В январе 1950 г. территория с. Самарова была включена в селитебную площадь Ханты-Мансийска, а статус последнего изменён с рабочего посёлка на город. Вместе с утратой собственной самостоятельности Самарово передало г. Ханты-Мансийску и статус административного центра окружающих поселений (к той поре это был Ханты-Мансийский

район), которым непрерывно владело без малого два века, начиная с организации Самаровской волости в 1786 г.

С 1960-х гг. город стал развиваться как база геологоразведчиков.

Разумеется, глобальные социально-экономические преобразования XX в. не могли не отразиться на внешнем облике села. В 1930-х богоchorеских годах были ликвидированы православные постройки — Покровская церковь и кладбищенская Ильинская часовня снесены целиком, Никольская часовня перестроена под жилой дом. Увеличение населения привело к расширению площади Самарова, а новые планировочные нормативы — к более-менее организованной застройке.

Импульс к своему экономическому, административному и социально-культурному развитию столица Югры получила в 1993 г., когда ХМАО приобрёл статус субъекта Российской Федерации и соответствующее право на собственный бюджет.

Таблица

**Статистика построек и жителей с. Самарова
(по опубликованным источникам)**

Год	Число дворов	Число жителей	Источник
1710	156 (из них 141 — ямщицкий)	959 (461 мужчин, 498 женщин)	«Со времён князя Самара...» (с. 74)
1740	111 (из них 93 — ямщицких)		Г.Ф. Миллер
1804		726 душ мужского пола	Х.М. Лопарёв
1838	Более 200		Х.М. Лопарёв
1853	127	690 (370 мужчин, 320 женщин)	Х.М. Лопарёв
1863	130	700	А. Алквист
1876		400	О. Финш, А. Брем
1880	130	Около 700	С. Соммье
1890	175		Н. Лыткин
1891	Около 200		А.А. Исаев
1926	423	1290 (1245 — русские, 45 — прочие)	«Список населённых мест»
1938		Около 4000	

2. Описания путешественниками и старожилами архитектурного наследия бывшего села Самарова — исторической части города Ханты-Мансийска

2.1. Свидетельства очевидцев

Период исторического изучения архитектурного наследия столицы Югры пока ещё невелик.

Наиболее ранняя информация, которая служит сегодня источниковой базой по этой теме, содержится в записках путешественников XVII—XIX вв.

Одним из первых проездом посетил Самаровский ям 8–10 мая 1675 г. московский посланник в Китай *Николай Гаврилович Милеску Страфарий*. Его записки по содержанию и стилю ближе к вахтенному журналу, чем литературному сочинению. Так, в своём сухом тезисном стиле дипломат отметил местный ландшафт, объяснил происхождение топонима и указал на наличие церкви: «*А Самаровской ям потому словет, что был остяцкий князь в том месте, имянем Самары, так же и городок выкопан на высоких горах и шанцы по се время видятся. А Самаровские горы зело высоки и круглы суть... И горы неплодны, и на них болоты и озера есть, и камень мелкой, и лес непотребной. А ям Самаровский стоит на правой стороне Иртыша, а на яму есть 50 паев против Демьянского яму... и церковь Святаго Николая есть*»²⁰.

А с 16 по 22 августа 1740 г. в Самарове проживал выдающийся исследователь Сибири академик *Герард Фредерик Миллер*, прибывший сюда в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Он тоже не обошёл вниманием ландшафт и топоним, но более подробно остановился на описании Самарова городища (ныне — объект культурного наследия), перечислил постройки культовой архитектуры и привёл статистику строений и населения Самарова: «*Эти горы с давних пор называются по-русски Самаровыми горами, поскольку на них остяцкий князец по имени Самар, который... имел свою резиденцию в маленьком укреплении. От упомянутого старого остяцкого укрепления ещё очень отчётливо видны следы. Оно расположено в 1 версте выше указанной маленькой протоки Быстрой, недалеко от берега реки Иртыша, на самом верху горы, высота которой, пожалуй, равна 30–40 саженям и которая очень крута со всех сторон... И действительно, здесь видны следы лишь двух бывших здесь остяцких жилищ, состоящие из ям... Остяки и сейчас еще называют это место в память о бывшем владельце Samar-wasch... Самаровской ям, ямицкая слобода на восточном берегу, у подножья Самаровых гор, от которых она и получила название, в 2 верстах от указанной старой остяцкой крепости и в 17 верстах от большого устья реки Иртыша. Здесь имеется, в первую очередь, двухэтажная церковь, верхний этаж которой предназначен для служб летом, а нижний — зимой. Первый из них имеет главный алтарь Покрова Богородицы с приделом Святого Николая, а второй с алтарём, посвящённым празднику Знамения Богородицы. Помимо этой церкви, имеется ещё и часовня. Число домов составляет 111 дворов, из которых 93 двора*

ямицицких. Ко времени сибирского губернатора князя Гагарина этот пункт имел вид почти города...»²¹.

В том же 1740 г. через Самарово дважды (1 апреля при движении вниз по Оби и 4 июня на обратном пути) проехала экспедиция выдающегося астронома Ж.-Н. Делиля. И он, и его спутник Т. Кёнигсфельс не увидели оснований останавливаться на характеристике самаровских достопримечательностей, ограничившись краткой дежурной ремаркой о пересечённом ландшафте: «...Мы прибыли в Самаровский ям. Оный находится на реке Иртыше, у подножия изрядно высокой горы»²². Однако ценность этого источника чрезвычайно высока, поскольку сделанный Т. Кёнигсфельсом рисунок является сегодня первым из известных графических представлений села (ил. 6).

В XIX в. часть авторов по-прежнему отмечала только ландшафтные, планиграфические и топонимические характеристики Самарова, но у других появились и описания некоторых интерьерных деталей местных построек, которые по каким-то причинам привлекли внимание самаровских гостей. Интересны в этой связи впечатления иностранцев.

Так, немецкие натуралисты из г. Бремена О. Фини и А. Брем, путешествовавшие в 1876 г. по Оби и тоже не проехавшие мимо одного из ключевых на этом маршруте сёл, записали: «Расстояние с версту от пристани до деревни мы прошли пешком, любуясь ущельями высокого берега, одетыми великолепными лесами... Ландшафт был... соблазнителен...

Самарово (Самаровское) – красивое местечко, считающее около 400 жителей (русских)... Довольно беспорядочно расположенные, по большей части красивые деревянные домики ограничивают несколько кривых угловатых улиц с высокими мостками по обеим сторонам. Даже в сухую погоду эти мостки были нeliшиними, а в дождливое время без них нельзя было бы обойтись, потому что улица обращается тогда в топкое, непроходимое болото.

Нас пригласили остановиться у одного из самых богатых обывателей, и если я скажу, что при невероятной дешевизне строевого леса, дом его обошелся в 21 000 р., то легко себе представить, как он был велик и поместителен. Весьма просторные, как обыкновенно в Сибири, комнаты были меблированы почти роскошно; по стенам, кроме обычного, неизбежного украшения – икон в позолоченных ризах, – висело ещё множество других картин в рамках, портреты императоров... и изображения разных тропических растений.

...Деревня, со своими красивыми деревянными избами, часовней и небольшой церковью, как всегда в Сибири, с зелёным куполом, отчётливо виднелась с реки и имела весьма весёлый вид. Позади селения, на крутом склоне гор, гребень которых был покрыт лесом, взорам нашим представилась весьма приятная и непривычная картина человеческого труда – правильные огороженные гряды. Это были, конечно, не виноградники, а картофельные огороды... Непосредственно у воды возвышались грубо сложенные из брёвен четырёхугольные постройки, крыши которых состояли из высоких стогов сена. Это были хлевы для скотины, теперь, однако, пустые, потому что в разлив многие из них были залиты водою»²³.

Похожее впечатление Самарово произвело и на итальянца *C. Соммье*, который в 1880 г. проездом к Северному Ледовитому океану и обратно тоже дважды побывал в этом селе. Он оставил такую характеристику: «Вечером 17 июля мы достигли Самаровой на слиянии Оби и Иртыша. Эта деревня, расположенная в низине, у подножия высокого правого берега Иртыша, была наполовину под водой, как почти все деревни на левобережье в это время. До некоторых домов можно было добраться только на лодке. Чтобы подойти к другим, приходилось двигаться по тротуарам, настеленным вдоль улиц из досок и брёвен... Земцов... владеет одним из самых красивых домов в Самаровой. В его элегантной гостиной были горшки с цветами на окнах и разные шикарные вещи... Самарова (Самарово или Самаровское село) это поселение в 130 домов, в них проживают около 700 русских... Обработанная земля состоит только из нескольких картофельных полей... В этом месте берег достигает в высоту около 80 м и весь покрыт великолепными лесами»²⁴.

Француз *Э. Котто*, путешествовавший по Оби на следующий (1881-й) год после итальянца *C. Соммье*, написал о селе меньше: «Самарово – красивое поселение, выстроенное у подножия холмов, покрытых густым лесом. Церковь с белыми куполами занимает в нём середину. Прежде на месте его стояла столица остяцкого царства, но уже давно как жители ушли и водворились в отдалённых долинах. Ныне единственные здесь жители – русские... Станция, где нагружают дрова (пристань), находится в трёх верстах от селения...»²⁵.

Не больше чернил на представление Самарова потратил и швейцарец *A. Русси*, проследовавший в те же годы (1883 г.) по Иртышу на пути из Женевы в Иркутск: «К 8 часам вечера мы прибыли в Самарово, великолепно расположенную деревню у подножия покрытых леса-

ми холмов. Раньше здесь находилась столица остяцкого царства. Однако когда я сошёл на берег, я не увидел ни одного остяка, в действительности, они уже давно покинули это место»²⁶.

Немногословным оказался и финский исследователь *A. Алквист*, в трёх своих экспедициях (1858, 1863, 1883 гг.) посетивший Самарово, но удостоивший его всего десятком слов: «Самарово, лежащее примерно в 500 верстах севернее Тобольска, это большая деревня со 130 домами и 700 жителями»²⁷. Правда, у него указана приблизительная дата постройки знаменитой Самаровской пароходной пристани, положительные отзывы о которой посчитали своим долгом оставить очень многие путешественники. В 1863 г. А. Алквист записал: «Большая толпа людей... столпилась в маленьком доме, который Земцов несколько лет назад (выделено нами. – Авт.) приказал возвести на пристани для удобства пассажиров»²⁸.

Ещё один финн – *К.Ф. Карьялайнен*, известный учёный – исходя из этнографической цели своей поездки, указал на наличие огородов у жителей села: «Большое село Самаровское – одно из важнейших мест здесь, легко выдерживающее сравнение с городами Берёзовом и Сургутом, но населено оно не остяками, а русскими... Самаровские крестьяне земледелием и скотоводством почти не занимаются. Правда, на склонах песчаных холмов позади села виднеются клочки в ладонь величиной с картофелем или огородными овощами... По зажиточности Самаровское стоит гораздо выше других поселений, возникших на остяцких землях, хотя теперь и его звезда, по-видимому, закатывается»²⁹.

И совсем одной строкой в 1891 г. обошёлся шведский археолог *Ф.Р. Мартин*: «Самарово, самое большое селение севернее Тобольска, расположено на живописной круче, поросшей роскошным кедровым лесом»³⁰.

Отечественные путешественники видели и описывали в Самарове то же самое, что и иноземцы.

Иногда это тоже были лишь отдельные замечания. Например, посетивший село где-то в 1824–1826 гг. тобольский врач *Ф.М. Беляевский* был краток: «Село Самарово. В 500 верстах от Тобольска, на берегу реки Иртыша, при подошве высокой горы, покрытой кедровым лесом. ...Вода подходит к самому селению, так что жители из домов своих выезжают на лодках; почему дома здесь выстроены не на фундаментах, а на так называемых стульях (род свай) вышиною от 5 до 6 футов»³¹.

Руководитель «экспедиции для содействия русскому торговому мореходству» *Х. Даль* в 1876 г. остановился только на ландшафте и

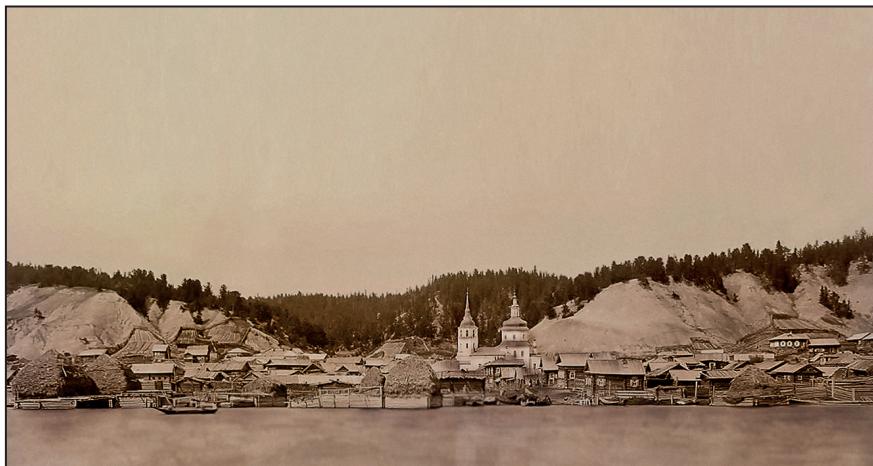
планировке села: «Самарово – село, очень красиво расположенное на холме в 150 футов вышиною, вершина которого покрыта хвойным лесом, оно не имеет улицы, а представляет кучу разбросанных изб, церковь и дома более зажиточных рыбаков довольно красивы»³².

Интересную деталь о самаровской планировке отметил анонимный путешественник тех же лет: «Село Самаровское расположено в ущелье гор, возвышающихся над уровнем Иртыша почти на 40 сажен. В настоящее время в с. Самаровском считается жителей до 400 человек... При самом въезде в с. Самаровское внимание путника обращают на себя: каменная церковь в византийском стиле и две часовни, из которых одна, устроенная на возвышенном месте, по фасаду своему и лёгкости архитектуры имеет вид китайской пагоды. Но поразительную особенность Самарова составляет совершенное отсутствие дворов при домах и даже улиц; кто, где и как хотел, тот там и строился, без всякого порядка. Почва селения болотистая и сырья, и поэтому между домами устраивали из толстых плах мостки, оступиться с которых в ненастную погоду значило бы в буквальном смысле утонуть по колено в грязи. Конная езда по селению в летнее время положительно невозможна»³³.

А.А. Исаев, ступивший на самаровскую землю в 1891 г., кратко записал лишь информацию о статистике построек и указал на некоторые из них: «В десяти верстах от устья Иртыша лежит большое село Самаровское. Оно имеет около 200 дворов, училище, почтовую контору»³⁴.

Проследовавший в следующем 1892 г. году на Полярный Урал тобольский купец **А.А. Сыромятников** повторил то, что прежде всего бросалось в глаза и другим авторам тоже: «Самарово ютится у берега реки на низменности, горы же, красиво расположенные и покрытые кедровым лесом, находятся на заднем фоне села. У подножия горы виднеются церковь и часовня, а на склонах её разведены огороды. В большую воду село грязно, так как заливается водой, которая наносит древесный сор»³⁵ (ил. 8).

В других же случаях оставленные в литературе описания отличаются не только формальным представлением ландшафтных или планиграфических деталей, но и эмоциональным авторским отношением к этим деталям, что нередко только усиливает и закрепляет представление о селе. Очень образная и живая картинка была, например, «нарисована» в 1890 г. **Н. Лыткиным**: «На правом берегу Иртыша, в 20 верстах от впадения его в Обь, у подошвы высокой и очень живописной горы,

Ил. 8. Село Самаровское. Вид с Иртыша. Фото: Н.А. Варпаховский (1896 г.)

расположилось с. Самаровское. Вид на село с проходящего мимо парохода недурен. В двух верстах от Самарова ниже по течению Иртыша устроена пароходная пристань. Пристань эта принадлежит здешнему же жителю В.Т. Земцову и устроена довольно хорошо... Над пристанью величественно поднимается с крутым спуском гора, обросшая прекрасным лесом... Лес этот, по-видимому, оберегается здесь заботливо, ибо при выходе с пристани сейчас же бросается в глаза надпись на столбе: «Рвать шишки, ломать ветви кедров и раскладывать костры в лесу строго воспрещается». На берегу около пристани стоит небольшой домик для пассажиров и несколько строений для служащих на пристани. Есть также и «ренской» погреб, в котором можно получить недорогие вина, чай, сахар, табак, конфекти и проч....

Как красиво Самарово издали, так некрасив и неприветлив вблизи застроенный берег его. Размытые водой лачуги, масса плавающего и гниющего навоза и, наконец, мутная, грязная вода производят крайне неприятное впечатление. Надобно заметить, что весь приречный край села застроен хлевами и скотными дворами, которые во время наводнений сплошь затопляются. Сверху этих хлевов положительно вокруг всего села сложено в стогах сено. При входе на берег село получает уже несколько лучший вид. Главные улицы довольно прямы и, благодаря твёрдой с крупной галькой почве, не грязны. По всем почти улицам проложены из толстых плах тротуары или,

правильнее сказать, мостики. Устройство этих мостиков вызвано, как надобно полагать, тем, что с горы протекает много ручьев, которые во время дождей, шумно протекая по улицам, проносят с собою песок и глину. Что же особенно неприятно поражает проезжающего на улицах с. Самаровского, так это масса плах, брёвен, жердей и щеп, валяющихся в беспорядке повсюду. Даже площадь около церкви и та завалена лесом...

Близ горы на небольшой площадке возвышается прекрасная трёхпрестольная каменная церковь, построенная в 1815 г. во имя Покрова Пресвятой Богородицы и приделов Знамения Божией Матери и Святителя чудотворца Николая. Внутри церковь содержитя хорошо, чисто и имеет довольно богатый и красивый иконостас... Кроме церкви, в селе есть еще две часовни.

Большинство домов в Самарове двухэтажные, некоторые из них отличаются и красотой, как, например, дома Шейминых, Земцова и Кузнецова. Есть, конечно, много и лачуг, и домов почти без всяких хозяйственных пристроек. Всех же домов считают 175. Одно училище, волостное правление, два питейных заведения, 6 лавок и почтовая земская станция³⁶.

Но не все путешественники, прошедшие на север через Самарово и оставившие нам свои письменные впечатления, сочли возможным уделить внимание архитектурному облику села. К примеру, умолчали о нём побывавшие здесь 28—29 июля 1692 г. посланники российского двора к китайскому императору *И. Идес и А. Бранд*³⁷, в ноябре 1725 г. — известный сибиревед *Д.Г. Мессершидт*³⁸, в 1772 г. — академик *П.С. Паллас*³⁹, в 1876 г. — зоолог *И.С. Поляков*⁴⁰, в 1896 г. — агроном *Н.Л. Скалозубов*⁴¹, в 1915 г. — антрополог *С.М. Чугунов*⁴² и некоторые другие.

С другой стороны, не все публикации иностранных путешественников, проехавших через Самарово, переведены сегодня на русский язык и доступны русскоязычному читателю. Примером могут служить труды датчанина *С. Гаге*, проехавшего на нижнюю Обь в 1880 г.⁴³, и некоторых других. Вполне возможно, что там содержатся сведения об архитектурном облике села. Так что этот вид источников информации до конца не выявлен и не использован.

Важное для Северо-Западной Сибири географическое, административное и экономическое значение, принадлежавшее Самаровой, обусловило его включение даже в некоторые очень крупные сводные труды. Самым заметным является многотомное «полное географическое

описание нашего Отечества» под названием «Россия», выпущенное в самом нач. ХХ в. П.П. Семёновым Тян-Шанским. Там селу посвящены такие строки **Ф.Н. Беляевского**: «...С. Самаровское или Самарова (502 версты; волостное правление, 2 училища) представляющего собой главный торговый центр скверной части Тобольского округа и прилегающих к последнему частей Берёзовского и Сургутского. Это древний инородческий городок, взятый Брязгой; археологические находки разных вещей вблизи села показывают, что место издавна было значительным населённым центром Сибирского Севера. Русское селение Самаровское было основано в самом начале XVII века и заселено ямщиками, вызванными из-за Урала. Население села – русское; здесь живёт несколько зажиточных скupщиков рыбы и зверя и имеется около двух десятков мелких торговых заведений... Здесь находится устроенная крестьянином Земцовым школа для приготовления рыбных консервов»⁴⁴.

Наиболее информативным источником по восстановлению архитектурного облика села является книга «самаровского летописца» **Х.М. Лопарева**. Помимо самого первого и до сего дня наиболее полного исторического очерка, она содержит описание и схему генплана села (ил. 7), информацию о демографии, о строительстве, архитектурном облике и планировочной структуре некоторых выдающихся зданий: «На правом берегу Иртыша, верстах в 20 от впадения его в Обь, у подножия довольно высоких гор Самаровских... раскинулось село Самарово. Сначала как остыцкие юрты, потом как русский ям, жители которого занимались ямскою гоньбой, Самарово стало теперь большим, населенным, благоустроенным, довольно богатым селом...

1838 .... В Самарове считалось в то время более 200 зданий, одна церковь и одна часовня (Никольская), два кладбища... училище (около церкви), волостное правление, почтовое отделение... три бани по ту и другую сторону речки Самаровки, питейные дома... несколько складочных амбаров... масса огородов на склонах гор и колодец к юго-востоку, выше церкви. На краю села стояли соляной и хлебный магазины и кирпичный сарай...

В 1853 г. генерал-губернатором Анненковым была произведена ревизия края, по счету девятая, по которой... в Самарове 127 дворов, 370 человек мужского и 320 женского пола...

В Самарове устроена В.Тр. Земцовым пароходная пристань...

Дома, в старину по большей части одноэтажные, исключительно деревянные, из толстого кедрового дерева, за два последних десяти-

летия стали строиться обыкновенно в два этажа; у богатых они обшиты тёсом и обтянуты обоями, у остальных просто изнутри отёсаны и подстроганы. У лиц среднего имущественного класса дом состоит из двух частей – избы и горница, – отделяющихся сенями⁴⁵.

Подводя итог этому блоку источников об архитектурном облике Самарова, надо признать его невысокую информационную ценность. Как правило, в описаниях путешественников делается акцент на ландшафте (высокая терраса Иртыша) и исторических корнях топонима. Лишь иногда отмечаются самые общие данные об планировке и застройке Самарова. И только в редких случаях имеются сведения о внешнем виде и названиях тех или иных чем-то обративших на себя внимание построек (чаще культовых).

2.2. Резюме свидетельств очевидцев

Суммарно вся вышеизложенная информация об архитектурном виде Самарова может быть представлена в следующем виде.

2.2.1. Топоним. Название село получило по имени хантыйского князца Самара, небольшая по размерам, но укреплённая резиденция которого располагалась на этом месте и была с боем взята русскими казаками. Остатки этих укреплений на вершине правой иртышской террасы, нависающей над селом в 1–2 верстах ниже по течению, были видны ещё в XVII–XVIII вв.

2.2.2. Ландшафт. Самаровский ям (с. Самаровское, Самарова, Самарово) расположен неподалеку от устья р. Иртыша, на его правом берегу, у подножия высокой и крутой террасы с местным названием Самаровы горы. Вершина этой террасы покрыта хорошим лесом (преимущественно кедровым), склоны частично залесены, частично возделаны под небольшие огороды для картофеля и овощей. В годы высоких половодий территория затопляется, и жители плавают по улицам на лодках.

2.2.3. Планировка. Как и в подавляющем большинстве других новообразованных сибирских поселений, планировка развивалась от беспорядочной к упорядоченной (в данном случае – к линейной или прибрежной). Хотя даже для второй половины XIX в. мнения о планировке Самарова расходятся: иностранцы пишут о «кривых, угловатых улицах», соотечественники – о «довольно прямых главных улицах».

Церковь и училище были поставлены в центральной части села, у подножия коренного берега.

У основания этого склона была устроена и Никольская часовня.

Колодец был устроен на возвышенном участке селитебной площади — к юго-востоку от церкви вверх по берегу.

По принятой тогда привычке сбрасывать стоки в ближайшие водотоки общественные бани были приурочены к берегам речки Самаровки.

А соляной и хлебный магазины, кирпичный склад были поставлены на краю села.

2.2.4. Застройка. В целом застройку можно отнести к типу усадебной, поскольку большинство жителей села возводили комплексы из жилого дома и хозяйственного подворья. Хотя несколько путешественников отметили в качестве особенности села немалое число жилых построек без надворной застройки.

Большинство жилых построек были деревянными одноэтажными, хотя в XIX в. элита села уже обзавелась и красивыми двухэтажными домами.

2.2.5. Благоустройство. Высокие бревенчатые и дощатые тротуары (мостки) были настелены по обеим сторонам большинства улиц.

В условиях частых наводнений срубные деревянные постройки устанавливались на сваях высотой до 1,5–1,8 м.

2.2.6. Постройки

2.2.6.1. Постройки культового назначения

а) церковь:

- Святого Николая (1675 г.);
- двухэтажная церковь, на верхнем этаже которой был расположен главный алтарь Покрова Богородицы с приделом Святого Николая для летних служб летом, на нижнем — алтарь в честь праздника Знамения Богородицы для зимних служб (1740 г.);
- трёхпрестольная каменная церковь (построена в 1815 г.) во имя Покрова Пресвятой Богородицы и приделов Знамения Божией Матери и Святителя Николая чудотворца. Купол церкви был выкрашен в зелёный цвет (1876 г.), в белый цвет (1881 г.).

б) часовни:

- одна часовня — Никольская (1740, 1838, 1876, 1892 гг.);
- две часовни (1890 г.).

2.2.6.2. Постройки административного, хозяйственного и социального назначения

а) волостное правление (1838, 1890, 1907 гг.);

б) два питейных заведения (1890 г.);

в) хлебный магазин (1890 г.);

г) соляной магазин (1890 г.);

- д) 6 торговых лавок (1890 г.), около 20 мелких торговых заведений (1907 г.);
- е) несколько складочных амбаров, как минимум один из которых был кирпичным (1890 г.);
- ж) училища:
- одно училище (1890, 1891 гг.);
  - два училища (1907 г.);
- з) школа для приготовления рыбных консервов, созданная В.Т. Земцовым в 1897 г.;
- и) «почтовое отделение» (1838 г.), «почтовая земская станция» (1890 г.) или «почтовая контора» (1891 г.);
- к) 3 бани (1890 г.);
- л) колодец (1890 г.);
- м) 2 кладбища (1838 г.);
- н) в 2–3 верстах вниз по Иртышу от села — пароходная пристань,строенная В.Т. Земцовым и включающая в себя несколько административных построек для служащих, небольшой вокзал для пассажиров, буфет, дровяной склад (1881, 1890 гг.).

2.2.6.3. Постройки жилого назначения

Представленным оказался интерьер только богатых жилых построек: просторные помещения; «почти роскошная» мебель; по стенам — иконы и картины в рамках; на подоконниках — горшки с цветами.

2.2.7. Эстетика поселения. Панорамный вид со стороны реки всегда вызывал только восхищённые оценки: «вид почти города» (1740 г.); «красивые деревянные домики», «с реки весьма весёлый вид» (1876 г.); «красивое поселение» (1881 г.); «великолепно расположенная деревня» (1883 г.); «вид на село недурен» (1890 г.). Однако при ближайшем рассмотрении село уже утрачивало свою прелест и «производило крайне неприятное впечатление». Во-первых, вся береговая линия была застроена скотными дворами с неизбежными в таких случаях кучами навоза и стогами сена, поднятого во избежание подтопления на кровлю хозяйственных построек. Во-вторых, сами жители не отличались стремлением к опрятности улиц, завалив их «массой плах, брёвен, жердей и щеп, валяющихся в беспорядке повсюду». В-третьих, регулярные наводнения захламляли поселение массой гниющего навоза и прочего мусора, плавающего по улицам в мутной и грязной воде. Правда, в сухой летний период главные улицы «благодаря твёрдой с крупной галькой почве», были чисты и удобны.

3. Изучение архитектурного наследия бывшего села Самарова – исторической части города Ханты-Мансийска

Выявление и изучение объектов культурного наследия началось совсем недавно, и историография к сегодняшнему дню накоплена совсем небольшая. Если не принимать во внимание немалое число публикаций в СМИ, которые практически не содержат новой информации, а лишь тиражируют уже известные сведения⁴⁶, то круг источников окажется достаточно узким.

В 1994 г. на средства окружного бюджета специалисты НИИ русской культуры Уральского государственного университета и предприятия «АВКОМ» Свердловского областного отделения Российского фонда культуры под руководством *В.И. Байдина* провели инвентаризацию памятников истории и культуры русского старожильческого населения, в том числе и в пределах бывшего с. Самарова. Итогом стало выявление нескольких исторических построек, достойных статуса объекта культурного наследия (по новой нумерации, это жилые дома по ул. Кирова, д. 52, 68 и др.)⁴⁷.

Впрочем, вначале на волне общественного интереса к возрождению православия в России в зону исследовательского внимания вошли преимущественно культовые постройки и некрополи.

В том же 1994 г. методами археологических полевых работ был обнаружен фундамент снесённой в 1930-х гг. церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а в 2000 г. в восстановленном на этом фундаменте храме была проведена первая служба. Это первая и пока последняя постройка бывшего Самарова, пусть и в новодельном формате, но введённая в контекст современной духовной жизни столицы Югры.

В 2004 г. вышли в свет сразу три научные публикации о самаровских православных постройках.

О.Р. Николаев в своём общем своде материалов о православной архитектуре на территории нынешнего автономного округа поместил информацию и о самаровских объектах — каменной трёхпрестольной церкви, часовне Николая Чудотворца и «кладбищенской часовне»⁴⁸.

А.В. Опейкин развернул этот тезис в статью об истории Покровской церкви с. Самарово⁴⁹ (позже, в 2011 г., на строго документальной основе эту тему значительно углубил *В.А. Перевалов*⁵⁰).

А. Медведева в тезисной форме предложила свою версию истории самаровских кладбищ, отметила функционирование Ильинской часовни,

которая в общественном сознании и в зоне интересов исследователей пока ещё остаётся в тени Никольской часовни⁵¹.

Необходимо отметить, что ни в одной из этих публикаций не указано точное местонахождение самаровских часовен и не представлен их внешний вид.

Изучение гражданской архитектуры бывшего с. Самарова с целью определения традиций домостроения русского старожильческого населения региона, выявления объектов культурного наследия и наделения последних соответствующим статусом и правами на государственную охрану началось только пятилетие назад. Старт этим историко-архитектурным изысканиям был дан в 2007 г. проектом «Выявление и архитектурные обмеры построек русского старожильческого населения в г. Ханты-Мансийске», который являлся частью подпрограммы «Историко-культурное наследие» программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Культура Югры на 2006–2008 годы» (закон № 99-оз от 16.10.2006 г.). Проект был реализован в 2007 г. силами ООО «НПО «Северная археология – 1» (г. Нефтеюганск). Руководила работами архитектор *М.Н. Пальянова*⁵². В научном отчёте⁵³, а затем и в написанной по этому отчёту статье⁵⁴ ею к объектам, обладающим признаками объекта культурного наследия, было отнесено 14 деревянных срубных зданий самаровской старожильческой застройки:

- жилой дом по ул. Кирова, д. 52 («Дом Карапашовых») (ил. 9);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 58 (ил. 10);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 62 («Дом Кайгородовых») (ил. 11);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 68 («Дом Веденеевых») (ил. 12);
- жилой дом по ул. Горького, д. 1 (Никольская часовня) (ил. 13);
- жилой дом по пер. Некрасова, д. 13 (ил. 14);
- здание почты по пер. Рабочему, д. 21 (ил. 15);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 16 (ил. 16);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 22 (ил. 17);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 32 (ил. 18);
- жилой дом по ул. Горького, д. 17 (ил. 19);
- жилой дом по ул. Свободы, д. 12 (ил. 20);
- жилой дом по ул. Набережной, д. 1 (ил. 21);
- контора рыбокомбината по ул. Набережной, д. 2 (ил. 22).

Было определено техническое состояние этих построек, проведены архитектурные обмеры, сделаны подробные фотографии, зарисованы фасады, подготовлено текстовое описание. Часть выявленных построек даже в случае положительной оценки историко-культурной экспертизы из-за неудовлетворительного технического состояния уже на стадии

Ил. 9. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 52 («Дом Карандашовых»). Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 10. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 58. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 11. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 62 («Дом Кайгородовых»). Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 12. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 68 («Дом Веденеевых»). Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 13. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Горького, д. 1 (Никольская часовня). Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 14. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по пер. Некрасова, д. 13. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

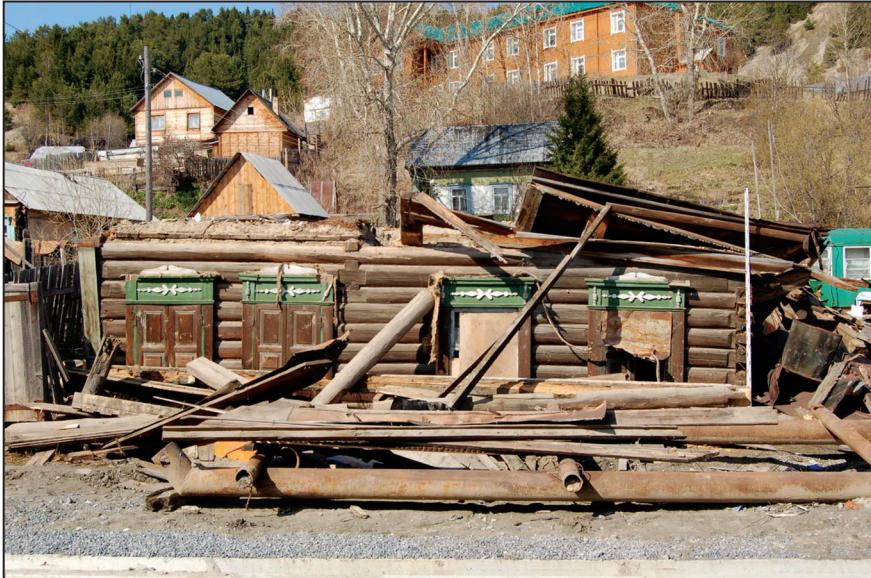
Ил. 15. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарово. Жилой дом по пер. Рабочему, д. 21. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 16. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 16. Фото: Д.О. Стародумов (2012 г.)

Ил. 17. ХМАО –Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 22. А – до пожара. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.); Б – после пожара. Фото: Д.О. Стародумов (2013 г.).

Ил. 18. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Кирова, д. 32. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 19. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Горького, д. 17. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 20. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Свободы, д. 12. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 21. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Набережная, д. 1. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

Ил. 22. ХМАО — Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Жилой дом по ул. Набережной, д. 2. Фото: М.Н. Пальянова (2007 г.)

выявления была не пригодна для включения в список югорского историко-культурного наследия.

Одновременно (в том же 2007 г.) и той же подрядной организацией (ООО «НПО «Северная археология — 1») были проведены историко-архивные исследования по теме «Мемориал памяти предков — жителей с. Самарова (г. Ханты-Мансийск). XVII — начало XX вв.»⁵⁵. С целью разработки тематико-экспозиционного плана мемориальных комплексов по истории Самарова ставилась конкретная задача определения местонахождения утраченных к нашему времени кладбищ и часовен и «обоснование ценности данных памятников как части культурного наследия». Руководили работой творческой группы канд. ист. наук *С.В. Туров* и архитектор *М.Н. Пальянова*⁵⁶.

На основе архивно-библиографических изысканий и натурных работ среди старожильческого населения эти исследователи пришли к следующим выводам:

1. Последнее здание бывшей часовни Николая Чудотворца (Нижнекольской) сохранилось в перестроенном виде и в настоящее время используется в качестве жилой постройки по адресу: ул. Горького,

д. 1. Были сделаны архитектурные обмеры, фотографии и зарисовки постройки.

2. Ильинская часовня, располагавшаяся около церкви Покрова Пресвятой Богородицы, разрушена вместе с храмом.

3. Кладбищенская часовня, стоявшая на Самаровском сельском кладбище в конце переулка с нынешним названием Рабочий, уничтожена одновременно с наземной частью некрополя при строительстве рыбозавода⁵⁷.

4. Одно из первых самаровских кладбищ, действовавшее в XVII–XVIII вв., находилось на участке, прилегающем к Никольской часовне.

5. Более поздний некрополь XIX – нач. XX в. был организован у подножия и на склоне Комиссаровой горы около церкви Покрова Пресвятой Богородицы. И кладбище с действовавшей на нём часовней, и храм были уничтожены при строительстве рыбоконсервного комбината на рубеже 1920–1930-х гг. Однако часть могил, скорее всего, сохранились, и «сегодня находятся по обеим сторонам пер. Рабочего, под фундаментами рыбокомбината и жилых домов»⁵⁸.

Информация о Никольской церкви в том же 2007 г. С.В. Туровым была опубликована⁵⁹.

Началом процесса введения выявленных в г. Ханты-Мансийске исторических построек в правовое поле культурного наследия стали подготовленные в 2009 г. искусствоведом Е.М. Козловой-Афанасьевой⁶⁰ заключения об историко-культурной ценности 11 объектов архитектуры (ул. Кирова, д. 16; ул. Кирова, д. 22; ул. Кирова, д. 52; ул. Кирова, д. 62; ул. Кирова, д. 68; ул. Горького, д. 1; ул. Горького, д. 17, ул. Свободы, д. 12; пер. Некрасова, д. 13; пер. Рабочий, д. 21; ул. Набережная, д. 2)⁶¹.

Ещё одним предложением по использованию историко-культурного наследия Самарова стала «Концепция создания историко-архитектурного комплекса «Самаровский Ям» как основы для развития историко-культурного туризма в столице Югры», разработанная в 2007 г. окружным Центром охраны культурного наследия (автор – *A.B. Кениг*)⁶².

Задачей этого проекта было заявлено формирование «особой формы туристско-культурного центра, осуществляющего показ традиционно-бытовой культуры русского старожильческого населения Югры в период XVIII–XIX вв. на основе исторических и архитектурных памятников в условиях естественной природной среды», а содержанием – предложения по развитию и совершенство-

ванию инфраструктуры турбизнеса в Ханты-Мансийске (транспортной схемы, гостиниц, пунктов общественного питания...).

Сутью планировочных предложений стало возведение в две очереди в районе рыбокомбината на площади 11,14 га нескольких десятков построек исторического облика (преимущественно новодельных), формирующих 5 зон — музейную, рекреационную (для развлечения и массовых мероприятий), гостиничную, общественного питания и административную (ил. 23).

Представляется, что данный проект, будучи сугубо прикладным для развития туринастрии, мало учитывает проблемы сохранения местного архитектурного наследия. Кроме того, в нынешних бюджетных условиях ХМАО — Югры он не имеет (или пока не имеет) шансов на реализацию в силу своей значительной финансовой затратности.

Заслуживающей безусловного внимания является ещё раз поддержанная в концепции идея музеификации части самаровского архитектурного наследия, а также предложенный механизм создания музейного учреждения через оформление для участка статуса «земель историко-культурного назначения» («историко-культурной территории»).

Ил. 23. Рисунок из эскизного проекта воссоздания историко-культурного досугового центра «Самаровский ям». 2007 г.

В 2010–2012 гг. снос нескольких старых самаровских построек, в том числе зданий бывшего волостного правления (пер. Советский, д. 6) и конторы рыбокомбината (ул. Набережная, д. 2), имевших безусловную историко-культурную ценность, стал причиной пристального общественного внимания к проблеме самаровского архитектурного наследия. Сформировалась общественная организация «Краеведческое общество г. Ханты-Мансийска» – неформальное объединение граждан, понимающих безусловную социальную важность сохранения элементов исторической застройки в столице Югры. Они стали источником соответствующих запросов и обращений в органы исполнительной власти, критических публикаций в СМИ и острых дискуссий в Интернете.

Положительным результатом этой общественной дискуссии стали два факта.

Во-первых, среди прозвучавших мнений было озвучено и несколько реальных идей по ускорению выхода из состояния игнорирования, в котором оказалось самаровское культурное наследие. В этой связи необходимо отметить предложения Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры⁶³, Музея природы и человека (автор – *О.И. Приступа*)⁶⁴ и местного историка *В.К. Белобородова*. В целом эти предложения основывались всё на той же идее музеификации объектов культурного наследия Самарова и отличались друг от друга лишь конкретикой адресов этого наследия.

Во-вторых, для выработки совместных решений при Правительстве ХМАО – Югры из представителей государственной власти, уполномоченных в сфере культурного наследия, специалистов и заинтересованных граждан был создан совет по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия⁶⁵. Уже на первом своём заседании 28.05.2012. в повестку своей работы совет включил вопрос о проблемах сохранения самаровского культурного наследия. В результате было принято решение о разработке мер «комплексного сохранения памятников деревянного зодчества в районе бывшего села Самарова», и на этом основании из подготовленного проекта постановления Правительства ХМАО – Югры о включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации был исключен жилой дом (ул. Кирова, д. 16)⁶⁶.

4. Актуальность формирования ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры в Ханты-Мансийске как фактора социального развития местного сообщества и условия эффективного сохранения и использования объектов культурного наследия

4.1. Политическая мотивация

Создание музеев-заповедников (ландшафтных музеев, музеев под открытым небом и т. д.) в их естественной исторической и природной среде и мировой, и отечественной музеологии признано наиболее современной и перспективной формой сохранения и использования объектов культурного наследия. Хочется надеяться, что это мнение специалистов будет услышано и в нашем обществе. Осторожный оптимизм внушает тот факт, что в последние годы в России по этому поводу успели высказаться на самом верху и исполнительной, и законодательной власти. В частности, в 2007 г. Совет Федерации Федерального собрания России провёл «круглый стол» на эту тему, где было отмечено: *«Благодаря созданию музеев-заповедников удаётся сократить объекты культурного и природного наследия как целостные историко-культурные и природные комплексы. Музеи-заповедники играют важнейшую роль в формировании привлекательного образа России за рубежом... При этом следует особо подчеркнуть тот факт, что, благодаря музеям-заповедникам, Россия представлена в мировом культурном пространстве не только столицами, но и провинцией».*

О «провинции» отечественные законодатели обмолвились не случайно — на всю азиатскую часть нашей страны приходится только 9% музеев-заповедников и музеев-усадеб. *«...Музеи-заповедники практически отсутствуют в большинстве регионов Сибири и Дальнего Востока, хотя здесь существуют значительные ресурсы для их организации...»*, — говорится в материалах упомянутого «круглого стола».

Из решений исполнительной власти необходимо назвать «Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации». В этом документе, разработанном по решению Правительства Российской Федерации (протокол от 1.12.2005. № 46) и затем согласованном Правительством Российской Федерации (протокол от 01.06.2006. № МФ-П44-2462), сказано:

«Особую актуальность в связи с необходимостью формирования комплексного подхода к сохранению особо охраняемых территорий приобретает разработка государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации, которая предусматривает:

... – выявление территорий, обладающих историко-культурным и природно-ландшафтным ресурсом, для образования на их основе достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников;

... – формирование на базе федеральных и региональных достопримечательных мест историко-культурных заповедников и музеев-заповедников, межрегиональных туристических маршрутов в целях развития разнообразных форм культурно-познавательного туризма».

На сегодняшний день в ХМАО – Югре нет ни одного ландшафтного заповедника и только недавно официально статуировано первое достопримечательное место, на основе которого планируется создание музеиного учреждения такого типа⁶⁷. Так что формирование указанного музея в автономном округе – злободневная социальная задача.

Создание историко-архитектурного заповедника «Самаровский Ям» внесено отдельным пунктом в проект «Основные положения концепции сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»⁶⁸.

В первую очередь назрела необходимость создания музея именно русской старожильческой культуры. Этого требуют не только задачи научного изучения такого феномена, как культура русских старожилов Северо-Западной Сибири, заметно уступающего по темпам и результатам исследованиям по русской культуре в других сибирских регионах, но и существующий сегодня дисбаланс общественного внимания к культурному спектру такого многонационального субъекта Федерации, каким является Югра. Вряд ли можно назвать оправданным с точки зрения национальной политики в округе и толерантным с позиций социальной политики положение, при котором в музейной сети имеется 10 учреждений для сохранения, изучения и популяризации обско-угорского культурного наследия (БУ ХМАО – Югры «Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа» в столице округа, МУК «Хантыйский этнографический музей» в г. Лянторе, МБУ «Музей

истории и этнографии» в г. Югорске, Этнографический парк-музей в п. Казыме –филиал МУК «Белоярский выставочный зал», Этнографический парк-музей «Найотыр Маа» – филиал МУ «Саранпаульский краеведческий музей», МУ «Районный Учинский историко-этнографический музей» в Кондинском р-не, МКУ «Этнографический парк-музей с. Варьёган» в Нижневартовском р-не, МУК «Шеркалинский этнографический музей» в Октябрьском р-не, МУК «Русскинской музей природы и человека им. А.П. Ядрошникова» и МУК «Угутский краеведческий музей им. П.С. Бахлыкова» в Сургутском р-не), и ни одного – русского.

4.2. Социальная мотивация

Создание ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры именно в г. Ханты-Мансийске актуализируется следующими социальными причинами:

4.2.1. Необходимость сохранения объектов культурного наследия. Последние полтора-два десятилетия стали временем бурного жилищного строительства в столице Югры. Причём исторический район бывшего села Самарова, вписанный в ныне действующую инфраструктуру города, представляет собою одну из наиболее привлекательных

Ил. 24. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Вид на кадастровый квартал 86:12:0103019. Снято с северо-востока. Фото: Д.О. Стародумов (2012 г.)

Ил. 25. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Вид на кадастровый квартал 86:12:0103019. Снято с северо-запада. Фото: Д.О. Стародумов (2012 г.).

строительных площадок (ил. 24–25). Ежегодно часть старых строений (в том числе и обладающих признаками объекта культурного наследия) уничтожается. Это ведёт к социальному напряжению в местном сообществе: негативным публикациям в СМИ и Интернете, обвинениям в адрес органов госвласти и местного самоуправления в бездействии в деле сохранения культурного наследия и т. д. Нынешнее положение ставит под угрозу полного исчезновения исторический облик города и повторение печального опыта г. Сургута — ещё одного населённого пункта с четырёхвековой историей. Там события развивались по такому же сценарию — частный владелец не был заинтересован в сохранении физического состояния ветхих построек, а органы местного самоуправления устранились от исполнения своих полномочий в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. В результате сегодня в исторической части Сургута уничтожена практически вся старожильческая застройка, и не осталось объектов архитектуры, соответствующих критериям объекта культурного наследия. Попытка разместить на исторической территории бутафорию из новоделов под названием «Старый Сургут» не имеет никакого отношения ни к сохранению культурного наследия, ни к музеиному строительству. Историческое наследие — ресурс невосстановимый. Ханты-Мансийск в лице самаровских построек пока

ещё имеет шанс сохранить «дух и лик» исторического поселения, на статус которого в праздновании своих трёхзначных юбилеев столичный город вроде бы претендует. Без музеефикации хотя бы наиболее значимых объектов исторической архитектуры, которая, в свою очередь, невозможна без воли ответственных лиц и материальной поддержки госбюджета, активный процесс уничтожения традиционных самаровских построек достаточно быстро завершится оформлением ещё одного городского микрорайона с современной застройкой типа «бетон — кирпич — стекло — пластик».

4.2.2. Потребности культурного строительства, развития толерантности в межнациональных отношениях, формирования положительного имиджа ХМАО — Югры. Столица автономного округа — признанный лидер в округе по числу проводимых мероприятий самого разного содержания (политических, научных, спортивных, культурных и пр.) окружного, российского и международного уровней. Она — визитная карточка Югры. Именно Ханты-Мансийск формирует имидж субъекта. Поэтому создание рядом с действующим уже четверть века государственным музеем обско-угорской культуры «Торум Мaa» музея русской старожильческой культуры — актуальная социальная задача как в сфере культуры, так и в области межнациональных отношений в Югре.

4.2.3. Требование обеспечения населения социальными нормами и нормативами. На балансе МО «Город Ханты-Мансийск» и МО «Ханты-Мансийский район» (единственном из всех районов округа) до сих пор нет ни одного учреждения музейного типа, поскольку все действующие здесь музеи относятся к категории государственных (окружных). Это не только демонстрирует недостаточную включённость музейных ресурсов в актуальные процессы регионального развития города, имеющего статус столицы автономного округа и района, но и грубо нарушает утверждённые Правительством Российской Федерации и ныне действующие нормативы по обеспечению населения музейными услугами⁶⁹.

4.3. Природно-культурные и сервис-коммуникативные ресурсы

Именно г. Ханты-Мансийск обладает уникальными историко-культурными и сервис-коммуникативными ресурсами для организации ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры.

4.3.1. Наличие подлинного природного ландшафта. Это уникальное качество, утраченное большинством исторических поселений

Сибири и России и чудом сохранившееся в микрорайоне Самарово, даёт неоценимые возможности для музейного строительства по самым современным мировым методикам. Здесь практически нетронутым остался ландшафт, поскольку глобальные его изменения, связанные с гидронамывом в районе жилых новостроек и сооружением объездной дороги, произошли в первом случае выше, а во втором ниже по течению Иртыша. Поэтому и в нач. XX в. перед прибывающими в Ханты-Мансийск на водном транспорте открывается тот же самый ландшафт, который описывали путешественники XVII–XIX вв. в приведённых выше цитатах: самаровские холмы, покрытые лесом и подпираемые плоским иртышским берегом (ил. 6, 8).

4.3.2. Наличие подлинного исторического ландшафта. Это второе редкое качество самаровского пространства. Неизбежные и немалые перестройки, случившиеся на протяжении прошлого столетия, коснулись всё же в большей мере замены старых построек новыми и почти не задели планировку поселения. Наложение современного градостроительного плана микрорайона Самарова на схему села Самаровского XIX в., опубликованную Х.М. Лопарёвым⁷⁰ (ил. 7), демонстрирует практически калькирование модели застройки в исторической части

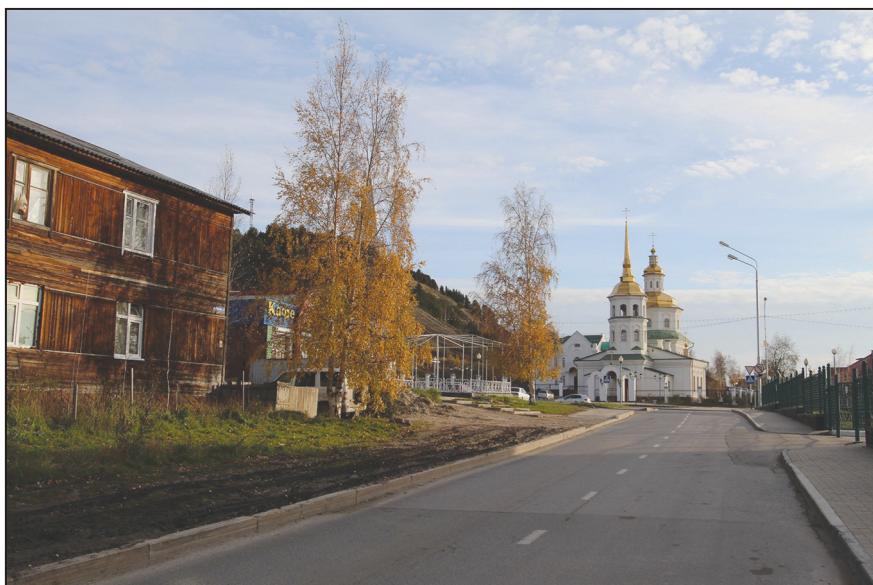

Ил. 26. Самарово. Ул. Церковная. Фото: А.И. Галкин (нач. XX в.)

(разумеется, с неизбежным для нашей действительности изменением топонимики). Подобный эффект показывает и фотофиксация, разделённая вековым отрезком времени, но произведённая с одной точки съёмки (ил. 26, 27).

Очень существенным дополнением подлинности исторической среды Самарова служит наличие на этой территории культурного слоя, которому придан статус выявленного объекта культурного наследия «поселение Самаровский Ям». Как показали археологические исследования 2011 и 2013 гг., сохранность этого слоя — на каких-то участках нарушенная — всё ещё хорошая. Это даёт перспективы, которые сейчас невозможно даже оценить, и для понимания процессов освоения российским населением югорской территории, и для научного изучения истории Ханты-Мансийска, и для будущего музейного строительства. Музеефикация вскрытых археологами участков человеческого обитания в прошлом — самое современное и перспективное направление музеологии в мире. В России подобные проекты сейчас разрабатываются для Москвы, Новгорода, Пскова и др. На территории автономного округа только Берёзово и Ханты-Мансийск (на участке Самарова) имеют нынче реальные источниковые возможности для подобных музейных

Ил. 27. ХМАО — Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Ул. Кирова. Снято с запада. Фото: Д.О. Стародумов (2012 г.)

проектов в будущем. Если сегодня не принять оперативных мер по сохранению культурного слоя Самарова, эти возможности при темпах нынешнего строительства наверняка быстро исчезнут.

4.3.3. Наличие историко-культурного наследия – основы музеиного строительства. Пока ещё наличествующее, но ежегодно сокращающееся историко-культурное наследие бывшего села Самарова – ныне исторической части города Ханты-Мансийска – предоставляет ещё одну уникальную возможность для формирования ландшафтного музея в его исторической и природной среде.

4.3.4. Обеспеченность сервис-коммуникативными ресурсами. Современный туризм, особенно международный, необходимым условием своего существование ставит наличие сервис-коммуникативных ресурсов: гостиниц, мотелей, ресторанов, автостоянок, автодорог, Интернета, сотовой связи... Ханты-Мансийск полностью отвечает этим требованиям. Поэтому создание крупного музейного учреждения именно здесь более перспективно, чем за городской чертой. Дополнительным преимуществом является включённость предлагаемого к музеефикации участка в схему городского транспорта. Более десятка маршрутов автобусов и такси в состоянии превратить будущий музей в объект шаговой доступности, что является привлекательным фактором для индивидуальных посетителей.

5. Объекты культурного наследия на территории бывшего села Самарова – исторической части города Ханты-Мансийска

5.1. Объекты культурного наследия

5.1.1. Памятник регионально значения «Ансамбль Никольской часовни» в составе: здание Никольской часовни, могильник Никольский (ул. Горького, д. 1) (ил. 13). Это единственное сохранившееся до нашего времени подлинное культовое здание села (не надо забывать, что кирпичная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы – недавний новодел).

Нормативное обеспечение:

- Акт государственной историко-культурной экспертизы о включении ансамбля Никольской часовни (здание Никольской часовни, конец XIX в.; могильник Никольский, вторая третья XVII в. – начало XIX в., расположенный по адресу: Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Горького, дом 1) в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

- Постановление Правительства ХМАО — Югры от 16.12.2011. № 465-п «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»;
- Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 18.09.2012. № 11-нп «Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Никольской часовни в составе: здание Никольской часовни, могильник Никольский».

5.2. Выявленные объекты культурного наследия

5.2.1. «Дом жилой, конец XIX — начало XX в.» (ул. Кирова, д. 16) (ил. 16). Объект архитектуры. Государственным экспертом предложено включить его в качестве объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

Нормативное обеспечение:

- Акт государственной историко-культурной экспертизы о включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, «Дом жилой», расположенного по адресу: Тюменская обл., ХМАО — Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 16;
- Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 05.05.2012. № 30-ПП «Об утверждении Списка выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

5.2.1. Поселение Самаровский Ям. Объект археологии.

Нормативное обеспечение:

- Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 18.06.2010. № 52-ПП «Об утверждении Списка выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (№ 4443);
- Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11.12.2012. № 18-нп «Об утверждении границ и режима использования территории выявленного объекта культурного наследия «поселение Самаровский Ям»

5.3. Объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия

- 5.3.1. Жилой дом по ул. Кирова, д. 22 (ил. 17)⁷¹.
- 5.3.2. Жилой дом по ул. Кирова, д. 52 («Дом Карандашовых») (ил. 9).
- 5.3.3. Жилой дом по ул. Кирова, д. 58 (ил. 10).
- 5.3.4. Жилой дом по ул. Кирова, д. 62 («Дом Кайгородовых») (ил. 11).
- 5.3.5. Жилой дом по ул. Кирова, д. 68 («Дом Веденеевых») (ил. 12).
- 5.3.6. Жилой дом по пер. Некрасова, д. 13 (ил. 14).
- 5.3.7. Жилой дом по ул. Горького, д. 17 (ил. 19).

Имеются заключения об их историко-культурной ценности⁷². Правда, сделаны они были в 2009 г., то есть до введения в действие «Положения о государственной историко-культурной экспертизе»⁷³ и потому сегодня де-юре потеряли свою легитимность. Однако де-факто историко-культурная ценность этих построек от метаморфоз нормативно-правового обеспечения в России не изменилась. Сделавшая заключение искусствовед Е.М. Козлова-Афанасьева в настоящее время аттестована в качестве государственного эксперта, так что получение этого статуса – всего лишь дело времени и желания.

Все указанные здания находятся в частной собственности. Никто из владельцев не в состоянии обеспечить поддержание построек в состоянии, пригодном для их сохранения. В связи с этим возникают трудноразрешимые проблемы в организации государственной охраны (физического сохранения объектов) этих объектов архитектуры.

Работа по выявлению культурного наследия в Самарове не завершена, а по нормативному и документационному обеспечению только начата.

6. Концептуальные предложения по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия бывшего села Самарова – исторической части города Ханты-Мансийска

6.1. Методические принципы

Реализация поставленной задачи базируется на следующих методических принципах.

6.1.1. Культурно-ландшафтный принцип. Территория центральной части бывшего села Самарова рассматривается единым культурно-ландшафтным комплексом, включающим в себе:

- фрагмент сохранившегося ландшафта (правый надпойменный берег р. Иртыша с примыкающим к нему участком залесённой террасы);

— уцелевшие объекты архитектурного наследия (как выявленные, так и пока ещё не выявленные постройки русской старожильческой культуры); — «скрытые в земле... следы существования человека»⁷⁴ — культурный слой почти четырёхвекового существования села Самарова.

6.1.2. Принцип современной музеефикации. Нынешнее нигилистическое отношение к культурному наследию бывшего села Самарова (исторической части г. Ханты-Мансийска) не отвечает ни принципам законодательства в области сохранения культурного наследия, ни его потенциалу в качестве исторического источника, ни основам социальной политики в Югре и её столице, ни действующим нормам в обеспечении населения музейными услугами. Только музеефицирование на основе современных методик хотя бы части самаровского культурного наследия способно комплексно решить все означенные проблемы.

Самарово в лице своей исторической застройки является уникальным объектом культурного наследия, сформированным процессами военного-политического и экономического вхождения Северо-Западной Сибири в орбиту российской государственности, этнокультурной интеграции местного и пришлого населения, формирования уникальной старожильческой культуры. Однако в нынешнем своём состоянии самаровские постройки — не самый эффектный объект для культурного показа. Решить эту проблему можно только целенаправленным формированием музеиного пространства на исторической территории Самарова. Формирование нескольких музеефицированных объектов (образцов жилых, гражданских и культовых построек и связанных с ними элементов исторической инфраструктуры) позволит создать новые современные предложения на рынке культурно-образовательных и туристских услуг, дать новый импульс и новые направления в социальной и национальной политике и в г. Ханты-Мансийске, и в Югре в целом.

Создание ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры в Ханты-Мансийске — веление времени.

6.1.3. Принцип актуального использования историко-культурного наследия в качестве объекта туристической индустрии. Самарово (а ныне его преемник Ханты-Мансийск) с самого своего основания и до сего дня играет важнейшую роль в политической, экономической и социальной истории Северо-Западной Сибири. Вместе с Тобольском, Берёзово и Обдорском (нынешним Салехардом) оно составляет живую артерию северной периферии Российского государства. А в настоящее время, как показывает интенсификация промышленного развития и вы-

званный ею активный прирост населения, эта коммуникативная линия лишь увеличивает своё значение. Поэтому нет никакого сомнения, что с каждым годом эти исторические поселения будут вызывать всё больший интерес в качестве и объекта исследования исторической науки, и популярного туристского маршрута. В этом «Золотом кольце Северо-Западной Сибири» Ханты-Мансийск в лице своего Самаровского предтечи имеет все основания стать важным объектом культурно-познавательного туризма, научного туризма, международных контактов со странами финно-угорского мира.

6.2. Ландшафтно-селитебная характеристика проектируемых участков

Работы по музеефикации культурного наследия Самарова предлагаются сосредоточить на двух исторических участках селитебной площади г. Ханты-Мансийска — Шейминском квартале и Никольской часовне.

6.2.1. Исторический участок «Никольская часовня». Его границы замыкаются территорией домовладения по ул. Горького, д. 1 (ил. 13, 28, 29, 33):

- с севера — ул. Горького,
- с востока — пер. Некрасова,
- с юга — границей домовладения по пер. Некрасова, д. 5,
- с запада — границей домовладения по ул. Горького, д. 3.

Граница территории объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Никольской часовни в составе: здание Никольской часовни, могильник Никольский» — нормативно утверждена⁷⁵.

Согласно кадастровому делению территории, участок входит в кадастровый квартал 86:12:0103010 (земельный участок 86:12:0103010:54).

Морфологически территория представляет собою склон правого надпойменного берега р. Иртыша.

Здесь расположен памятник регионально значения «Ансамбль Никольской часовни» — здание Никольской часовни (единственное культовое здание бывшего с. Самарова, дошедшее до наших дней) и могильник Никольский (место упокоения первых поколений жителей Самарова).

6.2.2. Исторический участок «Шейминский квартал». Его границы (ил. 24, 25, 28–32):

- с севера — ул. Матросова,

- с востока — ул. Гагарина (напротив мемориала основателям Ханты-Мансийска и храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы),
- с юга — ул. Кирова между пересечениями с ул. Пролетарской и ул. Гагарина,
- с запада — ул. Пролетарской между пересечениями с ул. Кирова и ул. Матросова.

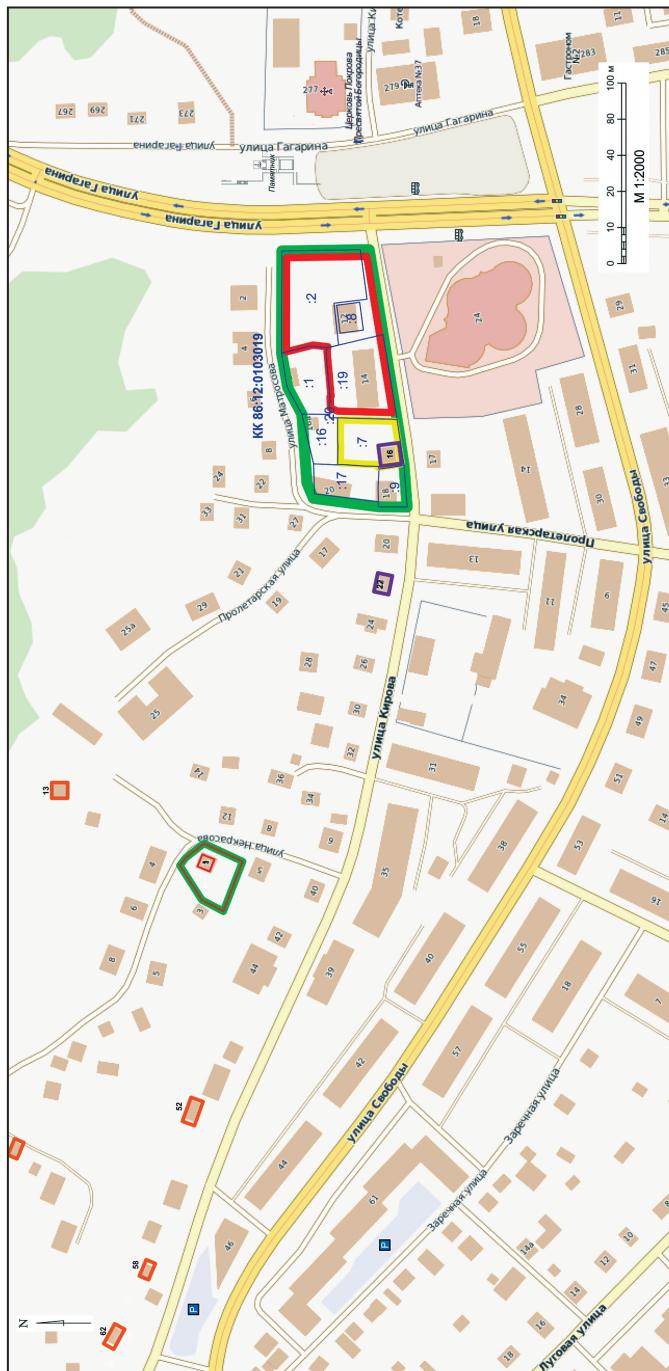
Согласно кадастровому делению территории, участок входит в кадастровый квартал 86:12:0103019 (в части земельных участков 86:12:0103019:17; 86:12:0103019:9; 86:12:0103019:16; 86:12:0103019:20; 86:12:0103019:7; 86:12:0103019:1; 86:12:0103019:19; 86:12:0103019:2; 86:12:0103019:8) (ил. 32).

Морфологически эта территория представляет собою верхний уровень правого надпойменного берега р. Иртыша и подошву коренного берега.

Исторически же предлагаемый участок приурочен к центральной (прицерковной) части села и улице Церковной, которую Х.М. Лопарев называет «главной»⁷⁶. Это так называемый Шейминский квартал⁷⁷, сложившийся ко втор. пол. XIX в. и сохранившийся доныне. И именно в этой дошедшей до наших дней замкнутой исторической застройке содержится главная ценность и наибольшая перспективность предлагаемой к музеефикации территории.

Именно «Шейминский квартал», согласно действующей нормативно-правовой базе, имеет все основания стать достопримечательным местом. Согласно ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», достопримечательные места — это места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений (выделено нами. — Авт.) или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общин на территории Российской Федерации». Уже только на этом основании указанный участок исторической самаровской застройки имеет право претендовать на статус особо охраняемой территории. И это основание многократно усиливается другими.

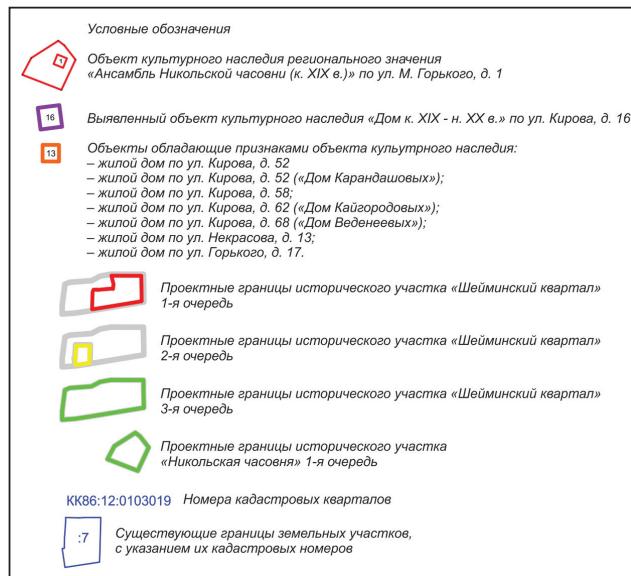
Во-первых, здесь расположен выявленный объект культурного наследия «Поселение Самаровский Ям», имеющий мощный (до 2 м) культурный слой. Для сравнения: основанием для выделения достопримечательного места «Культурный слой Сургута» явились исключительно культурные отложения (кстати говоря, гораздо менее выраженные

Ил. 28. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Объекты культурного наследия и исторические участки, предлагаемые для создания ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры. План-схема. Условные обозначения см. на стр. 66

Ил. 29. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Объекты культурного наследия и исторические участки, предлагаемые для создания ландшафтного музея русской старожилской культуры Югры. Фото. Условные обозначения см. на стр. 66

и намного хуже сохранившиеся, чем в Самарове). И сейчас за счёт бюджета округа финансируются проектные работы по обоснованию указанного достопримечательного места в Сургуте.

Во-вторых, тут же, буквально в нескольких метрах от «Шейминского квартала» через ул. Гагарина, расположены две достопримечательности Ханты-Мансийска — действующая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы и мемориальный скульптурный комплекс основателям города. Первый объект — главный духовный центр самаровцев и бывшая зрительная доминанта села. Будучи новодельной и открытой в 2000 г., церковь полностью повторяет свою историческую предшественницу и, что крайне немаловажно, поконится на сохранившемся фундаменте, служа сегодня надёжной опорной точкой всех ландшафтно-исторических реконструкций. Второй объект возведён в 2011 г. Составляющие композиционную основу аллегорические фигуры воеводы Ивана Мансурова, атамана Никита Пана и хантыйского князя Самара имеют самое прямое отношение к теме образования Самарова — Ханты-Мансийска.

В-третьих, участок правой иртышской террасы, к которой приурочен «Шейминский квартал», имеет статус геологического объекта «Самаровский останец» и входит в особо охраняемую территорию Природного парка «Самаровский Чугас».

В-четвёртых, к настоящему времени на территории Ханты-Мансийска, помимо частично включённого в музефицированный

участок поселения Самаровский Ям, выявлены ещё 5 объектов археологического наследия: городища Самаров Городок, Увал и Самарово 5; поселения Самарово 1, Горное 2 (городище Микрорайон строителей). Первое из перечисленных городищ находится неподалеку от предлагаемой к музеефикации территории, скульптурного мемориала, храма и составляет с ними единое тематическое целое, являясь ещё одним материальным воплощением исторического процесса зарождения нынешнего Ханты-Мансийска.

Территориальная близость и тематическое единство природного парка, музеиного комплекса, исторического храма и крупной скульптурной композиции, объединяя научно-познавательную, духовную и художественную составляющие, образуют в Ханты-Мансийске пространственный феномен, возможности которого для социального развития города и горожан сегодня даже невозможно представить.

Необходимо отметить, что речь в данном случае идёт только об участках, предлагаемых для размещения ландшафтного музея, и со-пределной территории. В действительности историко-культурный ресурс Самарова намного шире.

Таким образом, уже сегодня предлагаемые к строительству музея участки исторической территории бывшего села Самарова, помимо своей бесспорной самодостаточности, необычайно ценные во всех отношениях своей включённостью в уже существующий набор объектов культурного и природного наследия. Более того, последние практически уже готовы стать элементами музейно-туристской инфраструктуры столицы Югры. Требуется лишь организационное начало и тематический стержень в форме ландшафтного музея — и эти, сейчас пока ещё разрозненные, объекты культурного и природного наследия, архитектурные и художественные достопримечательности превратятся в связанные между собою детали единого механизма.

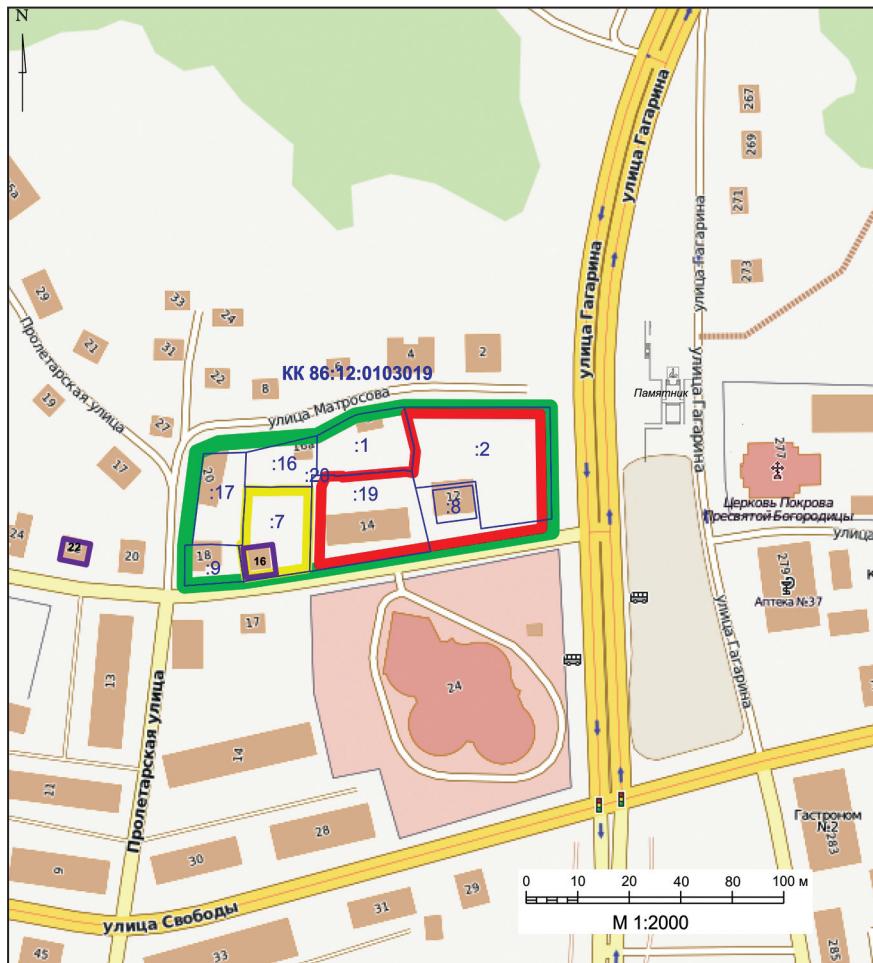
6.3. Рекомендуемые мероприятия по формированию ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры в Ханты-Мансийске как фактора социального развития местного сообщества и условия эффективного сохранения и использования объектов культурного наследия

6.3.1. Первая очередь

6.3.1.1. Нормативно-документационное оформление территории земельных кадастровых участков 86:12:0103019:2; 86:12:0103019:19; 86:12:0103019:8; 86:12:0103010:54 в собственность МО «Городской

округ город Ханты-Мансийск» с закреплением их за ландшафтным музеем русской старожильческой культуры Югры⁷⁸ (ил. 28–32).

6.3.1.2. Обоснование и выделение достопримечательного места на месте «Шейминского квартала» бывшего села Самарова (исторической части города Ханты-Мансийска) с указанными выше контурами. Утверждение границ территории памятника и правового режима использования земельного участка в этих границах.

Ил. 30. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Объекты культурного наследия и участок, предлагаемый для создания ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры («Шейминский квартал»). План-схема. Условные обозначения см. на стр. 66

6.3.1.3. Нормативно-документационное обеспечение процесса включения выявленных объектов в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (проведение государственной историко-культурной экспертизы, подготовка учётной документации и пр.):

- жилой дом по ул. Кирова, д. 16 (ил. 16);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 52 («Дом Карадашовых») (ил. 9);

Ил. 31. ХМАО – Югра, г. Ханты-Мансийск, р-н Самарова. Участок, предлагаемый для создания ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры («Шейминский квартал»). Фото. Условные обозначения см. на стр. 66

- жилой дом по ул. Кирова, д. 58 (ил. 10);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 62 («Дом Кайгородовых») (ил. 11);
- жилой дом по ул. Кирова, д. 68 («Дом Веденеевых») (ил. 12);
- жилой дом по ул. Некрасова, д. 13 (ил. 14);
- жилой дом по ул. Горького, д. 17 (ил. 19).

6.3.1.4. Разработка подробной историко-архитектурной справки бывшего села Самарова (историческая часть города Ханты-Мансийска), включающей в себя оценку ландшафта, застройки и планировки с точки зрения их историко-архитектурной ценности.

6.3.1.5. Разработка на основе указанной справки (п. 6.3.1.4.) концепции, тематико-структурного плана и тематико-экспозиционного плана ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры.

6.3.1.6. Дальнейшее выявление объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия.

6.3.1.7. Проведение ремонтно-реставрационных работ на Никольской часовне по ул. Горького, д. 1 с последующим размещением в ней музейной экспозиции.

6.3.2. Вторая очередь

6.3.2.1. Нормативно-документационное оформление территории земельного кадастрового участка 86:12:0103019:7 и расположенного на нём строения по ул. Кирова, д. 16 (ил. 16), имеющего сегодня статус выявленного объекта культурного наследия и находящегося в частной собственности, в собственность МО «Городской округ город Ханты-Мансийск» с передачей в оперативное управление ландшафтному музею русской старожильческой культуры Югры (ил. 28–31).

6.3.2.2. Проведение ремонтно-реставрационных работ на исторической постройке по ул. Кирова, д. 16 с последующим размещением в ней музейной экспозиции.

6.3.2.3. Выявление на землях бывшей Самаровской волости и на сопредельной территории в исторических поселениях, находящихся сегодня в стадии упадка и закрытия, построек, культурное значение и техническое состояние которых позволяет их перенос на музеевированную территорию в г. Ханты-Мансийск. В качестве примера можно привести строения церкви в с. Зенково, хлебозапасного магазина в с. Юганском.

6.3.2.4. Установление границ Самаровского кладбища около храма Покрова Пресвятой Богородицы с дальнейшим введением этого объекта в зону экскурсионного осмотра.

6.3.3. Третья очередь

6.3.3.1. Нормативно-документационное оформление территорий земельных кадастровых участков 86:12:0103019:17; 86:12:0103019:9; 86:12:0103019:16; 86:12:0103019:20; 86:12:0103019:1 и расположенных на нём строений в собственность МО «Городской округ город Ханты-Мансийск» с передачей в оперативное управление ландшафтному музею русской старожильческой культуры Югры (ил. 28–31). Таким образом в зону музеификации перейдёт весь «Шейминский квартал».

6.3.3.2. Перенос на музеифицированную территорию исторических построек с территории бывшего села Самарово (п. 6.3.2.3) и близлежащих других старожильческих поселений Югры (п. 6.3.1.6), в соответствии с откорректированными тематико-структурным планом и тематико-экспозиционным планом ландшафтного музея русской старожильческой культуры Югры (6.3.1.5). Это незначительное территориальное перемещение внутри исторической части бывшего села, вызванное необходимостью сохранения объектов традиционной архитектуры на музеифицированной территории «Шейминского квартала», ни в коем случае не приходит в противоречие с нормативно-методическими дефинициями «историческое месторасположение», «исторический городской ландшафт», «исторический ландшафт». Это определение чётко не сформулировано, имеет слабую юридическую проработку и в настоящее время даже вовлечено в международную дискуссию. Имеющие сегодня место толкования указанных дефиниций позволяют считать историческим городским ландшафтом всё старое Самарово, а незначительное перемещение старых построек (с изъятием их из стремительно урбанизирующегося ландшафта окружной столицы) внутри этого ландшафта не считать переносом. Что, собственно, сейчас и происходит во всех субъектах России, где создаются подобные музейные учреждения. Имеющийся печальный опыт оставления единичных старых бревенчатых построек, окружённых и «задавленных» многоэтажной застройкой из стекла и бетона, трудно назвать «историческим месторасположением» в полном смысле этого слова.

6.3.3.3. Проведение ремонтно-реставрационных работ на исторических постройках, перенесённых на музеифицированную территорию, с последующим размещением в них музейной экспозиции.

6.3.3.4. Воссоздание на музеифицированной территории самаровской часовни по сохранившемуся проекту Е. Цинке и известным аналогам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шашков А. Проезжая через Самарово // Родина. – М., 2007. – ¹ 10. – С. 44–47; И др.

² Строгановская летопись // Летописи сибирские. – Новосибирск, 1991. – С. 147–149; Со времён князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. – С. 129–130; Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. – М.: Галерия, 2007. – С. 27.

³ Кунгурский летописец // Летописи сибирские. – Новосибирск, 1991. – С. 257–263; Со времён князя Самара... – С. 131–135.

⁴ Шашков А. Проезжая через Самарово...

⁵ Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. – Екатеринбург, 2003. – С. 11; Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. – М.: Галерия, 2007. – С. 183.

⁶ Со времён князя Самара...

⁷ Перевалов В.А. Самаровская судная изба // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 3. – С. 64.

⁸ Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 10; Шашков А. Самаровский ям // Родина. – М., 2005. – № 12. – С. 5–9; Перевалов В.А. Страницы истории Самаровской Покровской церкви (XVII–XX вв.): по новым материалам Государственного архива г. Тобольска // Материалы III окружных Лопаревских чтений. – СПб.: Литературный Город, 2011. – С. 69.

⁹ Перевалов В.А. Самаровская таможня // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 3. – С. 64.

¹⁰ Перевалов В.А. Самаровская управительская канцелярия // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 3. – С. 65.

¹¹ Опейкин А.В. Покровская церковь села Самарово // Славянский ход. 1991–2002. Материалы и исследования. Альманах. – Сургут; Ханты-Мансийск, 2004. – Вып. 1. – С. 45, 48.

¹² Конев А.Ю. Самаровская волость // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 3. – С. 64; Балиук Н.А. Самаровский ям // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 3. – С. 65.

¹³ Перевалов В.А. Страницы истории Самаровской Покровской церкви... – С. 75.

¹⁴ Мавлютова Г.Ш. Самарская Покровская церковь // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 3. – С. 64.

¹⁵ Перевалов В.А. Страницы истории Самаровской Покровской церкви... – С. 77.

¹⁶ Лопарев Х.М. Самарово... – С. 45.

- ¹⁷ Лопарев Х.М. Самарово... — С. 71.
- ¹⁸ Балюк Н.А. Самаровский сельсовет // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. — Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. — Т. 3. — С. 65.
- ¹⁹ Бакулин В.В. Ханты-Мансийск // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. — Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. — Т. 3. — С. 275–277.
- ²⁰ Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. — СПб., 1882. — Т. X, вып. 1. — С. 40.
- ²¹ Российский государственный архив древних актов. — Ф. 199. Портф. 517. Ч. 2. Д. 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text17.phtml?id=10296
- ²² Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. — С. 226, 261.
- ²³ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. — М., 1882. — С. 317–318.
- ²⁴ Соммье С. Лето в Сибири среди остыков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / Пер. с ит. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — С. 122–126.
- ²⁵ Cotteau E. De Paris au Japon à travers la Sibérie. — Paris, 1881. — Р. 141–142. Цит. по: Лопарев Х.М. Самарово... — С. 80.
- ²⁶ Récits de voyage d'Albert Roussy en Sibérie. — Nol, 2001. — 86 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cottier.org>. Цит. по: Масалова С.В. Север Западной Сибири в путевых очерках Альбера Русси. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/masalova-s.v.-sever-zapadnoi-sibiri-v-putevyyh>.
- ²⁷ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записки и этнографические заметки / Пер. с нем. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — С. 126.
- ²⁸ Алквист А. Среди хантов и манси... — С. 127.
- ²⁹ Карьялайнен К.Ф. Путевые записки / Пер. с фин. // Сибирские вопросы. — СПб., 1911. — № 47–49. — С. 123, 125, 126.
- ³⁰ Мартин Ф.Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. — Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004.— С. 12.
- ³¹ Беляевский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю. — М., 1833 (Репринт: Беляевский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю / Предисл. А.К. Омельчука. — Тюмень: Мандр и К°, 2004.). — С. 11.
- ³² Даль Х. Описание двух экспедиций в р. Обь, снаряжённых членами Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. — М., 1877. — С. 22. Цит. по: Лопарев Х.М. Самарово... — С. 71.
- ³³ От Тобольска до Обдорска // Тобольские губернские ведомости. — Тобольск, 1880. — № 47. — С. 3; То же // Сибирский вестник. — Томск, 1886. — 26 января. — № 8. — С. 2.
- ³⁴ Исаев А.А. От Урала до Томска: Из путевых заметок // Вестник Европы. — СПб., 1891, сентябрь. — Т. 5, кн. 9. — С. 69–70.
- ³⁵ Поездка на Северный Урал летом 1892 года: Составил по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. — Тюмень: Мандр и К°, 2004. — 224 с. — [Югорский репринт]. — С. 8.

³⁶ Лыткин Н. Путевые заметки. Село Самаровское // Тобольские губернские ведомости. — Тобольск, 1890. — № 34. Неофициальная часть. — С. 13.

³⁷ Идес И., Бранд А. Записки о посольстве в Китай. — М.: Глав. ред. вост. лит., 1967. — С. 97.

³⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1—5. Ч. 4. 1725 г. Л. 249—259, 287—289. Подлинник. Рукопись / Пер. с нем. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Messerschmidt/text.phtml?id=1761>

³⁹ Со времён князя Самара... — С. 74.

⁴⁰ Поляков И.С. Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. — СПб., 1877. (Репринт: Поляков И.С. Путешествие в долину р. Оби. — Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002.). — С. 25—28.

⁴¹ Скалозубов Н.Л. От Тобольска до Обдорска: Из путевого журнала // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905. — Вып. 15. — С. 4—5; То же // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893—1918 гг.: сб. публикаций. — Екатеринбург: Баско, 2007. — С. 187—188.

⁴² Чугунов С.М. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1917. — Вып. 28. — С. 6; То же // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893—1918 гг.: сб. публикаций. — Екатеринбург: Баско, 2007. — С. 333.

⁴³ Hage C. Obfloden. Estratto dal Geografisk Tidsskrift. — Copenaga, 1881.

⁴⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. — Под ред. П.П. Семёнова Тян-Шанского. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. — Т. 16: Западная Сибирь. — С. 410.

⁴⁵ Лопарев Х.М. Самарово... — С. 1, 52—53, 58, 117.

⁴⁶ Православные церкви Югры: Материалы к библиографическому указателю / Сост. Т.В. Пуртова, Г.Я. Фетисова // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2010. — Вып. 8. — С. 434—438.

⁴⁷ Байдин В.И. Отчёт об экспедиционных исследованиях по инвентаризации памятников истории и культуры русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа в 1994 г. — Екатеринбург, 1995. — Архив ООО «АВКОМ — Наследие». — Без №.

⁴⁸ Николаев О.Р. Материалы по истории православия на Тобольском Севере: церковные престолы, часовни, локальные культуры // Славянский ход. 1991—2002. Материалы и исследования. Альманах. — Сургут; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 1. — С 26—43.

⁴⁹ Опейкин А.В. Покровская церковь села Самарово... — С. 44—49.

⁵⁰ Перевалов В.А. Страницы истории Самаровской Покровской церкви... — С. 68—77.

⁵¹ Медведева А. История кладбищ г. Ханты-Мансийска // Роль, основные направления и уровни взаимодействия общества и церкви в сохранении и развитии национальных и культурных традиций России: Материалы докладов и статей IV межрегиональных всероссийских научно-практических Кирилло-Мефодиевских чтений. — Ханты-Мансийск, 2004.— С 267—270.

⁵² Государственные контракты № 395 от 22.12.2006. и № 568 от 28.05.2007., заключенные между департаментом культуры и искусства ХМАО — Югры и ООО «НПО «Северная археология 1».

⁵³ Пальянова М.Н. Отчёт о НИР: Выявление и архитектурные обмеры построек русского старожильческого населения в г. Ханты-Мансийске (Самарово). — Нефтеюганск, 2007. — Кн. 1: Текст. Текстовые приложения. Кн. 2: Фотоприложения. Кн. 3: Графические приложения. — Архив Госкультоохраны Югры. — № 41, 45, 49.

⁵⁴ Пальянова М.Н. Историко-архитектурные исследования в Самарове в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ «КоЛеСо», 2008 — Вып. 6. — С. 211–218.

⁵⁵ Государственный контракт № 765 от 05.10.2007., заключённый между Управлением делами губернатора ХМАО — Югры и ООО «НПО «Северная археология 1».

⁵⁶ Туров С.В. Отчёт о НИР: Мемориал памяти предков — жителей с. Самарово (г. Ханты-Мансийск) XVII — нач. XX вв. (проект в области формирования в общественном сознании жителей Югры базовых основ для самоидентификации). — Нефтеюганск, 2007. — Т. 1, кн. 1: Историко-архивные исследования. — Архив Госкультоохраны Югры. — № 56; Пальянова М.Н. Отчёт о НИР: Мемориал памяти предков — жителей с. Самарово (г. Ханты-Мансийск) XVII — нач. XX вв. (проект в области формирования в общественном сознании жителей Югры базовых основ для самоидентификации). — Нефтеюганск, 2007 — Т. 2, кн. 1–3: Историко-архитектурные исследования. — Архив Госкультоохраны Югры. — № 53, 54, 55.

⁵⁷ Пальянова М.Н. Отчёт о НИР: Мемориал памяти предков — жителей с. Самарово... — Т. 2, кн. 1: Историко-архитектурные исследования... — С. 33; Пальянова М.Н. Отчёт о НИР: Выявление и архитектурные обмеры построек... — Кн. 1. — С. 72–73; Пальянова М.Н. Историко-архитектурные исследования в Самарове в 2007 г. — С. 214.

⁵⁸ Туров С.В. Отчёт о НИР... — Т. 1, кн. 1: Историко-архивные исследования... — С. 33.

⁵⁹ Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. — Екатеринбург, 2007. — С. 52–53.

⁶⁰ Договор № 36 от 14.09.2009., заключённый между Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры и ООО «НППО «СибСпецСтройРеставрация».

⁶¹ Козлова-Афанасьева Е.М. Экспертные заключения об историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия. 25.09.2009. — Архив Госкультоохраны Югры. Без №.

⁶² Кениг А.В. Концепция создания историко-архитектурного комплекса «Самаровский Ям» как основа для развития историко-культурного туризма в столице Югры. — Ханты-Мансийск, 2007. — Архив Госкультоохраны Югры. — Без №.

⁶³ Предложения Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры для концепции сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия микрорайона г. Ханты-Мансийска «Самарово». — Исх. № 697/12 от 15.08.2012. — Архив Госкультоохраны Югры. — Без №.

⁶⁴ Приступа О.И. Проект концепции «Создание музеиного комплекса русской старожильческой культуры села Самарова». — Архив Госкультоохраны Югры. — Без №.

⁶⁵ Постановление Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11.03.2012, № 95-п «О Совете при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

⁶⁶ Протокол № 1 заседания Совета при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – Архив Госкультоохраны Югры. – Без №.

⁶⁷ Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 06.09.2012. № 314-п «О включении в единый государственный реестр объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

⁶⁸ Основные положения концепции сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2012.

⁶⁹ Распоряжение Правительства РФ «Изменения, которые вносятся в социальные нормативы и нормы» № 923-р от 13 июля 2007 г.

⁷⁰ Лопарев Х.М. Самарово... – С. 91.

⁷¹ Уже после сдачи рукописи статьи в печать, 2 марта 2013 г. указанная постройка сгорела (ил. 17-Б). Это не только прискорбный факт, но и тезисы возможного сценария дальнейших событий в старой части Самарова. В условиях, когда, с одной стороны, земельный участок стоит дороже расположенной на нём исторической постройки, а с другой, собственники таких построек, находящихся почти всегда в ветхом состоянии, не заинтересованы в их сохранении и испытывают лишь обременения от владения старым неблагоустроенным жильём, пожары будут выполнять роль метлы для расчистки исторических территорий для новой застройки. Опыт некоторых старых сибирских городов – Томска, Иркутска и др. – показывает это со всей очевидностью.

⁷² Козлова-Афанасьева Е.М. Экспертные заключения об историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия. 25.09.2009.

⁷³ Постановление Правительства РФ от 15.07.2009. № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе».

⁷⁴ Закон Российской Федерации от 25.06.2002. ¹ 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ст. 3, аб. 3.).

⁷⁵ Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18.09.2012. № 11-нп «Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Никольской часовни в составе: здание Никольской часовни, могильник Никольский».

⁷⁶ Лопарев Х.М. Самарово... – С. 86.

⁷⁷ Шеймины – одна из наиболее уважаемых, богатых и известных фамилий в Самарово. Достаточно сказать, что именно Шеймины имели честь приветствовать в 1891 г. наследника российского престола, будущего императора Николая II в пору посещения тем села и поднести ему «полотенце и скатерть сибирского производства». Остаётся неизвестной их социальная сословность, либо Шеймины принадлежали к разным сословиям. По крайней мере, даже хорошо знавший этот род Х.М. Лопарев в одном случае пишет «самаровский купец Н. Гр. Шеймин», в другом – «торгующие крестьяне бр. Шеймины». «Шейминский квартал» Х.М. Лопарев, помимо уже упомянутой

схемы, отметил и в тексте: «Так с течением времени образовались главные улицы Самарова: Церковная, на которой стоит церковь, дом Шейминых...» (Лопарев Х.М. Самарово... – С. 71, 83, 98, 101).

⁷⁸ Согласно данным государственного кадастра недвижимости участок 86:12:0103019:2 уже зарезервирован для проектирования и строительства объекта муниципального значения (муниципальная собственность); 86:12:0103019:19 – для обслуживания многоквартирного жилого дома (общая долевая собственность); 86:12:0103019:8 – под объектом недвижимого имущества – кафе «Север» (частная (?) собственность); 86:12:0103010:54 – для обслуживания жилого дома (частная собственность).

Проблемы формирования научно-производственного архива АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» как единого информационного ресурса в сфере государственной охраны, сохранения, использования и популяризации культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

А.В. Соколков

Т.В. Кожевникова

г. Ханты-Мансийск

АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

Одним из основных видов деятельности АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» (далее – Центр) является обеспечение информации об объектах культурного наследия, расположенных на территории автономного округа. Для этих целей используется научно-производственный архив учреждения.

Научно-производственный архив центра является структурным подразделением отдела по сохранению и популяризации объектов культурного наследия. Состав хранящихся в нём документов определён сферой деятельности Центра.

Основные задачи научно-производственного архива:

- учёт и обеспечение сохранности документов;
- комплектование документами по отраслевой принадлежности;
- организация использования документов научно-производственного архива учреждения юридическими и физическими лицами в производственных и научно-исследовательских целях в соответствии с законодательством.

Начало формирования фонда научно-производственного архива было положено в 1997–1998 гг. В номенклатуру дел были включены следующие документы:

- отчёты о научно-исследовательской работе;
- экспресс-отчёты о научно-исследовательской работе;

- экспресс-заключения о научно-исследовательской работе;
- заключения историко-культурной экспертизы;
- акты историко-культурной экспертизы.

16 июля 2003 г. было принято «Положение о научно-производственном архиве», в котором прописывались его задачи и функции, состав документов, права и ответственность. Данное положение было согласовано с Государственным архивом ХМАО — Югры. С этого момента документы из научно-производственного архива центра, имеющие важное историческое, культурное, научное, социальное, экономическое и политическое значение, составляют государственную часть архивного фонда ХМАО — Югры, являются собственностью автономного округа и подлежат постоянному хранению в государственном архиве автономного округа.

Схема организации хранения документов в научно-производственном архиве

Раздел 1. Отчёты о научно-исследовательских работах по выявлению и изучению объектов культурного наследия (объектов археологии, архитектуры, этнографии) на территории ХМАО — Югры, по результатам историко-культурных экспертиз территорий, испрашиваемых под хозяйственное освоение (отчеты по НИР, научные обоснования, проекты охранных зон и т. д.) — 1760 дел.

Особый раздел данного фонда (Раздел 1К) составляют **копии отчётов о научно-исследовательских работах на объектах археологического наследия**, проведённых на территории ХМАО — Югры в 1960—1990-х гг. Они приняты в архив центра на правах оригиналов в соответствии с «Правилами организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» (утверждены Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18 января 2007 г. № 19). В настоящее время этот раздел включает в себя 216 дел.

Раздел 2. Заключения по историко-культурным изысканиям на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению — 811 дел.

Раздел 3. Документы по историко-культурной экспертизе земельных участков, испрашиваемых под хозяйственное освоение: акты историко-культурных экспертиз, экспресс-отчёты и экспресс-заключения о научно-исследовательских работах – 1363 дела.

Раздел 4. Учётная документация по объектам культурного наследия – 222 дела.

Раздел 5. Документы и материалы по деятельности окружного отделения общества ВООПИК (1965–1994 гг.) – 10 дел

Общее количество дел по состоянию на 1 марта 2013 г. насчитывает 4382 ед. хр.

Хронологические рамки фонда научно-производственного архива – 1965–2013 гг.

Научно-справочный аппарат представлен каталогами и базой данных, предназначенными для оперативного поиска документов и информации по историко-культурным изысканиям (камеральным исследованиям и натурным обследованиям) на территории округа, а также информации об объектах культурного наследия на указанных землях.

Документы, определённые по разделам, относятся к категории ДСП (для служебного пользования), что накладывает определённые ограничения на их использование в соответствии с законодательством РФ.

С графиком работы научно-производственного архива центра можно познакомиться в «Правилах работы научно-производственного архива». Порядок допуска и обслуживания пользователей в архиве изложен в «Правилах работы пользователей в научно-производственном архиве Центра». Все это можно найти на сайте учреждения по адресу <http://www.iknugra.ru>.

АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия», руководствуясь ч. 1 и 2 ст. 36 Закона Российской Федерации от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», предоставляет информационные справки о выявленных объектах культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и даёт оценку участка под хозяйственные работы в том же Субъекте Федерации. Данные информационные справки, по сути, являются частью подготовки разделов об обеспечении сохранности объектов культурного наследия в разрабатываемых проектах.

Сегодня чрезвычайно остро стоит вопрос о сосредоточении в одном месте – в архиве Центра – всей информации о научно-исследовательских археологических работах, проводимых на террито-

рии ХМАО – Югры. В 1995–2007 гг. все исследователи, работающие в сфере выявления, изучения, сохранения и использования культурного наследия на территории ХМАО – Югры, были обязаны сдавать в архив Центра научную документацию на основании Временного положения «О проведении историко-культурной экспертизы» (распоряжение администрации округа от 30 марта 1995 г. № 250-р). С 2007 г. данное положение было отменено, и сегодня документы с информацией об объектах культурного наследия и научно-исследовательских работах на них сдаются в архив центра исключительно по доброй воле.

Делается это, к огромному сожалению, далеко не всегда и не всеми. Коммерческая составляющая в сфере деятельности некоторых организаций и лиц не всегда способствует целям создания единой информационной системы. Остаётся лишь надеяться, что руководители частных коммерческих организаций, работающих в указанной сфере деятельности, переломят в себе частнособственнические интересы во благо развития культурной составляющей ХМАО – Югры.

Наличие в архиве полноценной информации о результатах археологических работ в округе является единственным условием для подготовки объективной документации для перевода земель под хозяйственную деятельность, и, в конечном итоге, именно это определяет в нынешнем чрезвычайно активном промышленном освоении Югры судьбу объектов археологического наследия – остаться им или быть уничтоженными. Только полноценное формирование и наполнение единой геоинформационной системы всеми работающими на югорской земле археологами даст возможность сохранить уникальное наследие ушедших веков и тысячелетий для будущих поколений.

Крайне важная для общественного развития Югры и всей России проблема катастрофически исчезающего культурного наследия требует сегодня принять на уровне УрФО или субъекта Федерации соответствующий нормативный акт, по сути близкий отменённому Временному положению «О проведении историко-культурной экспертизы» (разумеется, с учётом ошибок, послуживших основанием для этой отмены). Только он направит в жёсткое нормативно-правовое русло неорганизованный нынче процесс формирования единого информационного ресурса в сфере государственной охраны, сохранения, использования и популяризации культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Кульёганские древности среднего Агана¹

В. И. Стефанов

Е. Н. Данилова

г. Екатеринбург

Центр археологических исследований

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета

г. Нефтеюганск

ООО «НПО «Северная археология — 1»

Река Аган протекает по центральной части Западно-Сибирской равнины и впадает в р. Тромъёган (крупный правый приток р. Оби) недалеко от её устья. Ограниченный участок местности, древностям которого посвящено данное сообщение, с геоморфологической точки зрения приурочен к Сургутской низине Среднеобской низменности. Он расположен в 5 км к юго-западу от г. Покачи Нижневартовского р-на ХМАО — Югры на правом берегу р. Агана. Это старопойменный участок долины, характеризующийся плоским рельефом, изобилующий старицами, заболоченными понижениями и невысокими гравиями. На сухих участках в растительном покрове преобладают сосновые леса с лишайниковым и зеленомошным напочвенным покровом.

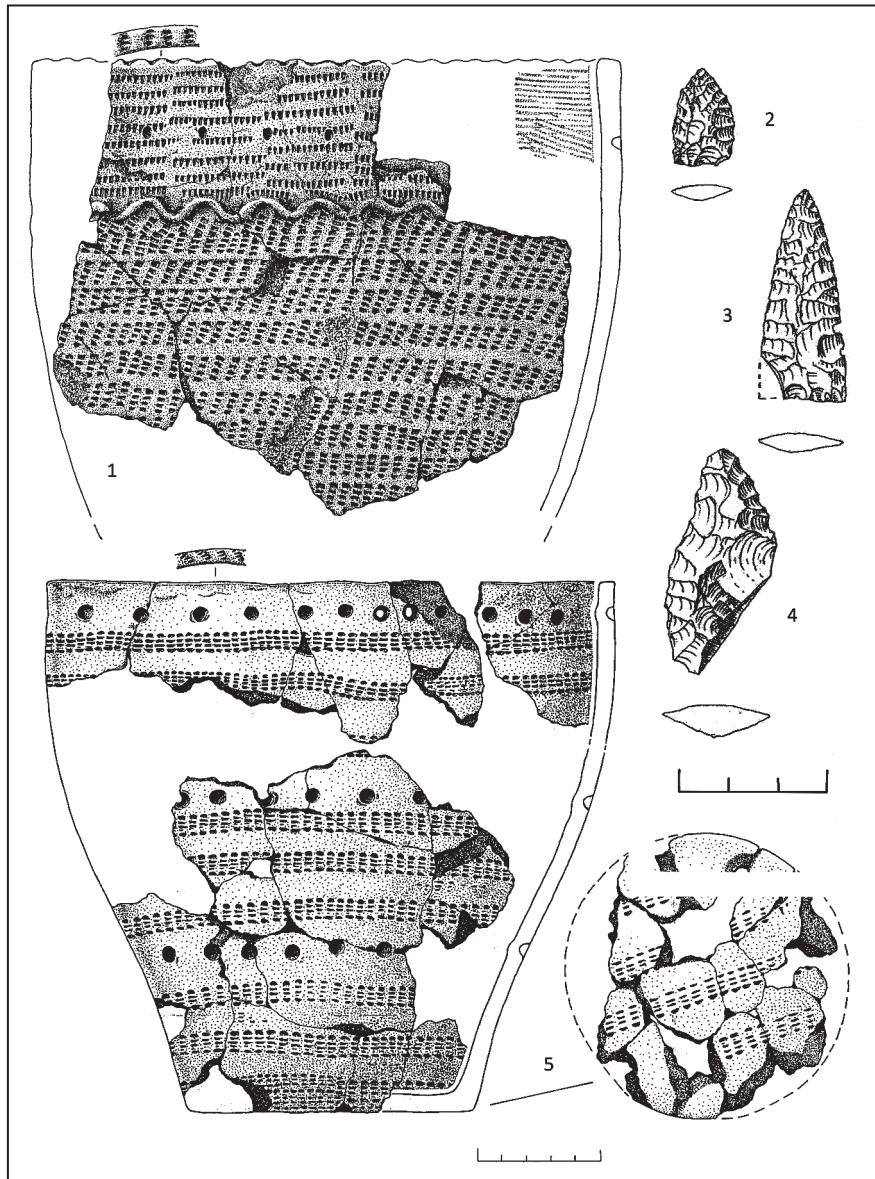
Выявленный комплекс объектов археологического наследия занимает площадь 44 кв. км. С юга он ограничен р. Аганом, с запада и севера — высокой коренной террасой, с востока — заболоченным участком местности. При том, что сплошное обследование территории не завершено, за период с 2001 г. здесь выявлено уже около 200 разнотипных (стоянки, селища, городища, могильники) и разновременных (эпоха камня — Новое время) памятников, в том числе многослойных, большинство из которых получили название Нёх-Урий — по одноименной старице (с хант. — Лосиная старица). По насыщенности древними объектами этот куст археологических памятников, возможно, будет сопоставим с приобретшей широкую известность Барсовой горой под г. Сургутом (130 км к юго-западу). И хотя раскопками, носившими исключительно

спасательный характер, затронута ничтожно малая часть (7 селищ и 2 могильника) Покачёвского комплекса, полученные при этом материалы не могли не заинтересовать специалистов по археологии тайгового Приобья. В частности, наше внимание привлекли новые источники по материальной культуре здешнего населения начала бронзового века.

Надо сказать, что в изучении этого периода, в рассматриваемом регионе представленного памятниками так называемого кульганско-го типа, за последние годы достигнуты определённые успехи. На Барсовой горе раскопками исследованы селища Барсова Гора II/8, Барсова Гора II/14, Барсова Гора II/19, Барсова Гора II/22; на р. Быстрем Кульгане раскопан опорный памятник — укреплённое жилище Быстрый Кульган 38. Изучены поселение Чернореченское I на окраине Сургута, селище Малая Моховая I на одноименной речке. На периферии кульганско-го ареала исследованы селище Савкинская Речка 1 в низовьях р. Ваха, селище Коим 1 на левом берегу р. Оби напротив Нижневартовска, селище Щетинмато-Лор в верховьях р. Пякупура. Заметим — результаты раскопок перечисленных памятников уже введены в научный оборот. К сожалению, работа по обобщению, систематизации и археологической интерпретации всего корпуса имеющихся источников не завершена. Тем не менее у археологов сложилось некоторое, пусть и не в деталях, представление о характерных особенностях кульганско-го культурного образования (археологической культуры) и его положении в системе древностей эпохи бронзы тайговой зоны Западной Сибири².

Похоже на то, что в пределах покачёвского куста выявлено ещё одно, довольно крупное скопление раннебронзовых памятников «кульганско-го типа». Предположение основывается на следующем факте: из семи частично раскопанных селищ (исследовались участки, уже разрушенные или отведённые под хозяйственное освоение) на трёх — Нёх-Урий 3.2, Нёх-Урий 5.1 и Нёх-Урий 5.2 — обнаружена керамика, обладающая несомненным сходством с найденной на опорных селищах Быстрый Кульган 38, Барсова Гора II/22 и других однокультурных памятниках. Важно, что обломки глиняных сосудов происходят не только из слоя, но и из объектов — ям на селище Нёх-Урий 5.1 и жилищных котлованов на селище Нёх-Урий 5.2. Кроме того, с керамикой определённо связаны некоторые изделия из камня и глины. Можно не сомневаться в том, что, если бы данные селища исследовались полностью, количество интересующих нас находок увеличилось бы значительно.

Ил. 1. Керамика (1, 5), каменный инвентарь (2–4):
1–4 – селище Нёх-Урий 3.2; 5 – селище Нёх-Урий 5.1

Трудно допустить, что на небольшом отрезке речной долины параллельно существовали несколько посёлков, тем более, расположенных рядом (селища Нёх-Урий 5.1 и Нёх-Урий 5.2) или недалеко друг от друга (Нёх-Урий 3.2 находится в 1,2 км от селища Нёх-Урий 5.1). Кроме трёх отмеченных раннебронзовых селищ, размеры которых нам не известны, здесь наверняка есть и другие. Следовательно, их нужно распределить во времени (раньше — позже), однако в настоящее время эта задача представляется невыполнимой. Среди разных причин, объясняющих сложную ситуацию, главной является элементарное неизнание хронологически дифференцирующих признаков, прежде всего в керамике: последние ещё не выделены. К тому же разделяющий памятники временной интервал мог быть минимальным, археологически не улавливаемым. С учётом этого обстоятельства мы решили ограничиться общей характеристикой совокупной керамической серии и уделить особое внимание отдельным предметам кульёганских комплексов среднего Агана.

Археологические памятники Нёх-Урий 3.2, Нёх-Урий 5.1, Нёх-Урий 5.2 — неоднослойные, а раннебронзовый инвентарь в полученных коллекциях не является преобладающим. Вместе с тем, благодаря специальному облику и, отчасти, зафиксированным контекстам, кульёганская керамика и некоторые из сопутствующих вещей достаточно легко распознаются в смешанных собраниях (энеолит, белоярская и куляйская культуры раннего железного века, Средневековые).

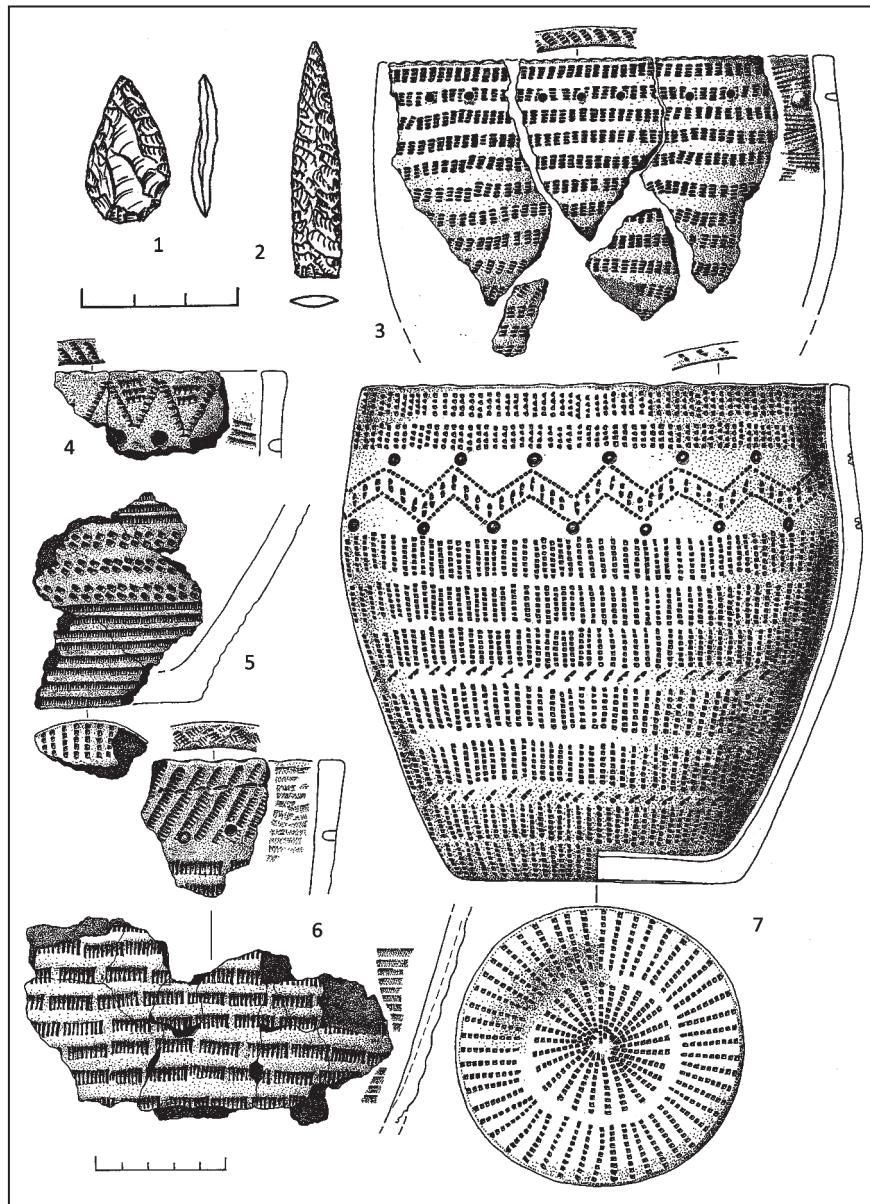
Кульёганный керамический комплекс насчитывает ок. 900 обломков, приблизительно от 47 сосудов, в том числе на селище Нёх-Урий 3.2 найдены фрагменты минимум 9 сосудов, на селище Нёх-Урий 5.1 — 21, на селище Нёх-Урий 5.2 — 17. Выборки малы, материал сильно раздроблен, целых ёмкостей нет, крупные обломки немногочисленны. За редкими исключениями, посуда невысокого качества, черепки крошатся, расслаиваются. ёмкости изготовлены из плохо промешанной глины с добавлением шамота и органики, в некоторых образцах отмечена примесь охры, дресвы. Внешняя поверхность — относительно гладкая, обратная сторона, как правило, обработана («расчёсаная») зубчатым шпателем. Комплекс состоит исключительно из плоскодонных сосудов баночной формы (ил. 1—1, 5; 2—3—7), различающихся лишь профилировкой верхней части стенок. О преобладании той или иной морфологической группы по имеющимся черепкам судить трудно, но прямостенных и слабозакрытых форм как будто больше, чем открытых. Единичны банки с прогибом стенок в нижней половине (ил. 1—5). У

реконструированных экземпляров диаметр устья варьирует в интервале 18–25 см, общая высота 19–21 см, днища маленькие, диаметром 11–12 см. Стенки сосудов довольно толстые (0,7–1,6 см), срез венчика плоский. На внутренней и, реже, внешней поверхности многих черепков имеется нагар.

Перечень общих черт, позволяющих рассматривать керамику разных селищ покачёвского куста в рамках одного культурно-хронологического комплекса и сопоставлять его с керамикой других кульёганских поселений Сургутского Приобья, не ограничивается приведёнными. Он может быть дополнен признаками, характеризующими систему орнаментации посуды.

У всех сосудов анализируемой серии украшены венчик, боковая поверхность, днище (за исключением одного случая); узор сплошной, плотный, построен по горизонтально-зональному принципу и почти на 100% выполнен гребенчатым штампом. У многих экземпляров глубокими оттисками штампа венчику придан волнистый или зубчатый контур (ил. 1–1; 2–3, 6). Орнамент на стенках прост и однообразен. Часть ёмкостей сверху донизу покрыта горизонтальными поясами отпечатков гребенчатого штампа — вертикальных или с наклоном вправую сторону (ил. 2–3; 4–1), но чаще подобным образом украшены нижние 2/3 тулов (ил. 1–1; 2–7). У другой группы сосудов средняя и придонная зоны заняты горизонтальными линиями, выполненными «прокатанной гребёнкой» или составленными из отдельных оттисков (ил. 2–5, 6). Для обеих групп весьма типично включение в монотонную композицию дополнительных элементов, выполняющих разделительную функцию. В качестве таковых выступают, как правило, короткие (2–3 зубца) отпечатки наклонно поставленного штампа, сгруппированные в один или, реже, два-три горизонтальных разреженных ряда (ил. 2–5, 7). Единичны сосуды, украшенные по классической гребенчато-ямочной схеме, когда орнаментальное поле разделено на зоны поясками ямочных вдавлений (селище Нёх-Урий 5.1 — см. ил. 1–5).

Орнаментация верхней части стенок выглядит более сложной. Помимо тех же рядов гребенчатых отпечатков, к приустьевой зоне приурочены ямки, составленные из горизонтальных оттисков «столбцы» (ил. 1–1), зигзаговые мотивы (ил. 2–7), треугольные фигуры (ил. 2–4), желобчатые линии (ил. 4–4). Однако если ямочные вдавления здесь встречаются практически на каждом сосуде, то совокупный удельный вес прочих элементов в целом невелик. Днища украшены гребенчатым узором в виде радиально расходящихся из центра лучей или параллельными рядами отпечатков (ил. 1–5; 2–5, 7).

Ил. 2. Каменный инвентарь (1, 2), керамика (3–7):
1, 4 – селище Нёх-Урий 5.1; 2, 3, 5–7 – селище Нёх-Урий 5.2

Как и в некоторых других кульёганских коллекциях, в составе глиняной посуды среднеаганских селищ есть одиночные экземпляры со следами выбивки «под текстиль» на поверхности³. На селище Нёх-Урий 3.2 найдены крупные обломки сосуда с формованным волнистым («перекрученным») валиком в верхней части тулова (ил. 1–1). Формованные и налепные валики в декоре кульёганской посуды крайне редки, но уже само их присутствие (Быстрый Кульёган 38, Щетнмато-Лор, Коим 1, Савкинская Речка 1) недвусмысленно указывает на принадлежность комплексов к горизонту раннебронзовых (в региональных периодизационных системах) древностей. В частности, сосуд с селища Нёх-Урий 3.2 имеет прямые соответствия в материалах кротовских (Кротово VII, Преображенка 3, Черноозерье VI), вишневских (Вишневка I), ташковских (Ташково II) поселений лесостепной полосы Западной Сибири. Валиковые сосуды известны в памятниках периода ранней бронзы южнотаёжного Прииртышья (Окуневский могильник), низовий р. Конды (Чилимка II) и Нижнего Приобья (могильник Товкуртлор 3). Обратим внимание на интересную деталь: на реконструированном сосуде с селища Нёх-Урий 5.2 углы зигзаговой ленты подчеркнуты ямочными вдавлениями, которые нанесены полой трубочкой (ил. 2–7). Ранее подобный приём зафиксирован в керамическом материале нижневаховского селища Савкинская Речка 1⁴.

Констатируя принципиальную близость керамики селищ Нёх-Урий 3.2, Нёх-Урий 5.1, Нёх-Урий 5.2 и однокультурных памятников из окрестностей Сургута, нельзя не сказать об отличительных признаках посуды среднеаганских памятников, проявляющихся исключительно в декоре и способах его исполнения. Как нам представляется, к их числу можно отнести:

- 1 — малочисленность зигзаговых мотивов в орнаментальном комплексе (для примера: на поселении Быстрый Кульёган 38 полоса горизонтальных зигзагов присутствует на 60% сосудов⁵);
- 2 — редкость классических гребенчато-ямочных композиций;
- 3 — отсутствие в узорах вертикальных («свисающих») элементов;
- 4 — сравнительно малый удельный вес желобчатой техники;
- 5 — почти полное отсутствие прочерчивания и техники гладкого штампа.

Отмеченные особенности могут носить хронологический характер, но «работают» ли они на удревнение или омоложение комплексов, сейчас сказать трудно.

Среди прочих находок, на каждом из рассматриваемых селищ, связанных с керамикой кульёганского типа, наибольший интерес вызывают каменные наконечники стрел⁶ и остатки, свидетельствующие о

металлообработке. Их немного, но на целом ряде других кульёганских памятников подобные артефакты отсутствуют совершенно.

На селище Нёх-Урий 3.2 обнаружены 3 наконечника стрел (ил. 1–2, 3, 4). Два целых изготовлены из кремня. Относятся к типу треугольных с усечённым основанием, сечение линзовидное. Обработаны с обеих сторон плоской покрывающей отжимной ретушью. Более крупный наконечник ($4,3 \times 1,7 \times 0,4$ см, ил. 1–3) — удлинённых пропорций, со слабовогнутым основанием. Уголок основания и прилегающий отрезок боковой кромки длиной 6 мм отчётливо завальцована (следы обмотки), другой уголок отломлен. Второй наконечник — миниатюрный ($2,0 \times 1,2 \times 0,3$ см, ил. 1–2), укороченных пропорций. Третье изделие — обломок заготовки наконечника из плитки аргиллита. Форма листовидная, размеры $4,4 \times 2,0 \times 0,7$ см (ил. 1–4). Изделие обработано крупной отжимной ретушью: с одной стороны — сплошной, с другой — неполной, так что в центре сохранился участок плиточной корки.

Наконечник стрелы, найденный на селище Нёх-Урий 5.1 (ил. 2–1), изготовлен на отщепе бело-розовой кремнистой породы. Он миндалевидной формы с округлым основанием, некрупный ($2,8 \times 1,1 \times 0,3$ см), с обеих сторон обработан сплошной плоской ретушью.

Экземпляр с селища Нёх-Урий 5.2 (ил. 2–2) — из сероватого кремня (?), в форме вытянутого узкого треугольника с почти параллельными боковыми гранями и прямым основанием, линзовидный в сечении, $4,4 \times 0,9 \times 0,25$ см, тщательно ретушированный с обеих сторон.

Круг аналогий нёх-урийским стрелам чрезвычайно широк, но не в кульёганских памятниках Сургутского Приобья: каменный инвентарь в них обычно очень скучен, а орудия законченных форм вообще единичны. Наконечники стрел (5 экз.) — из высококачественного розового кремня, подтреугольной формы с прямым основанием, некрупные, обработанные двусторонней ретушью — ранее были найдены только на одном (из десяти исследованных!) поселении, содержавшем в том числе кульёганскую керамику, — Коим 1⁷. А.А. Погодин и А.С. Сергеев сопоставляют их с орудиями, характерными для комплексов сейминско-турбинского круга, но при этом почему-то относят древности кульёганского культурного типа к досейминскому времени⁸. На наш взгляд, спектр аналогий коимским и нёх-урийским наконечникам можно расширить: по технико-морфологическим и типологическим характеристикам они находят многочисленные соответствия не только в сейминско-турбинских комплексах, но и в хронологически близких самусьско-кижировских (Ростовка, Сатыга XVI, Товкуртлор 3, Канинская пещера, Турбино, Шайтанское Озеро II, Самусь IV и др.).

Свидетельства металлообрабатывающего производства отмечены на всех кульёганских памятниках покачёвского куста. По насыщенности этими остатками выделяется селище Нёх-Урий 5.2: здесь обнаружены ошлакованные черепки, фрагменты глиняных тигля-льячки, сопла, литейной формы, а также обломки металлических изделий, пригодные для переплавки.

Оригинален крупный тигель-льячка (ил. 3–3), сформованный из глины с примесью шамота. Судя по дошедшим фрагментам, он состоял из нескольких частей. Основой являлась уплощенная чаша с округлым дном, округло-ovalьной в плане формы, размерами ок. 18,0x15,5x4,0 см, с толстыми (1,0–1,2 см) стенками и днищем. Размеры полости — 14,5x12,0x3,0 см. Бортики расширяются кверху и отгибаются, образуя массивные закраины толщиной 1,7–1,8 см. Ширина плоского среза — от 1,5 до 2,5 см. В узкой части оформлен проём для слива расплавленного металла, с противоположной стороны к сосуду прилеплена плоская ручка шириной 4,5–5,0 см и толщиной не менее 2,0 см. Её передний край слегка нависает над полостью. К сожалению, у неё отсутствует окончание. И, наконец, снизу к днищу тигля — ближе к ручке — были прикреплены две конические (?) ножки, по-видимому, для придания устойчивости изделию. Стенки тигля орнаментированы снизу рядами печатной гребенки по периметру, плоская ручка украшена сверху и с боков оттисками зубчатого штампа и ямочными вдавлениями. Верхние края бортиков ошлакованы от воздействия высокой температуры.

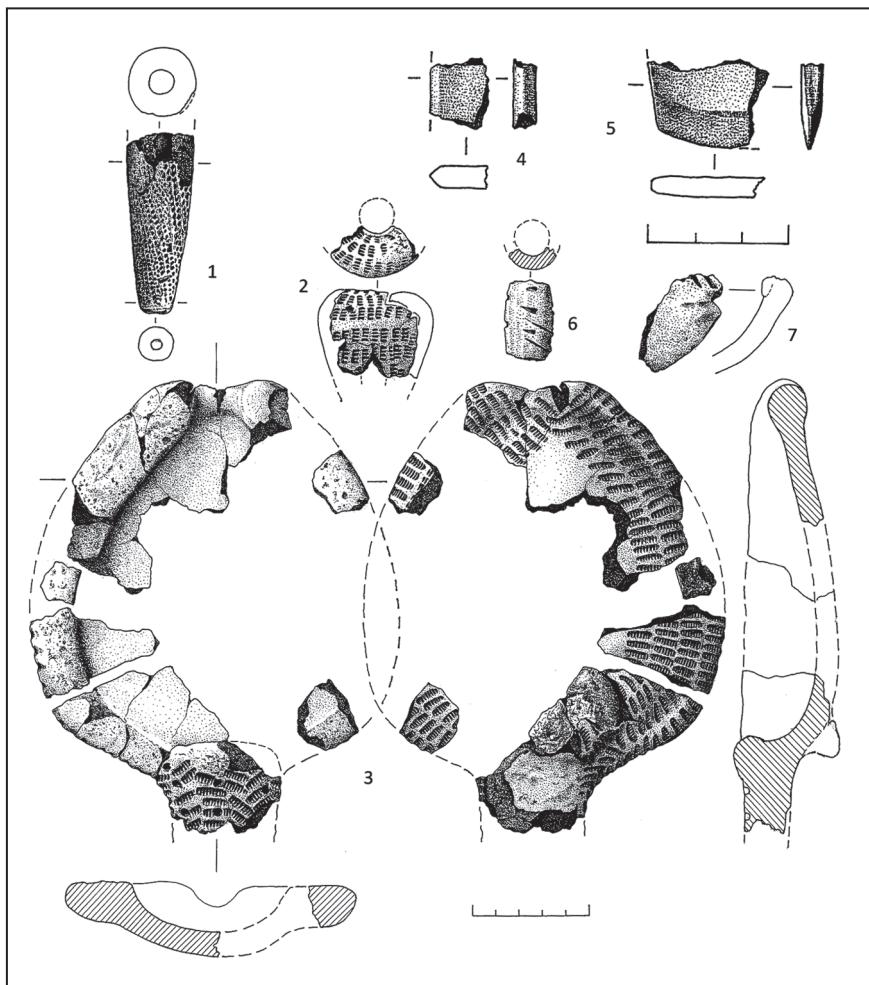
Обломки сопла или глиняного наконечника воздуходувной трубы (ил. 3–2) и тигля-льячки залегали рядом. По-видимому, изначально сопло имело форму конуса с усечённой вершиной, наибольшим диаметром ок. 5,0 см. Диаметр входного отверстия — 1,4 см, выходного — определённо менее 1,0 см. Внешняя поверхность фурмы опоясана рядами гребенчатых отпечатков, таких же, как на тигле и некоторых сосудах с этого памятника (см., например, ил. 2–3).

Среди найденных керамических изделий к металлообрабатывающему комплексу можно также отнести фрагмент створки литейной формы. Целое изделие, скорее всего, имело овальную в плане форму с выпуклой внешней стороной, высота створки — 2,68 см.

В заполнении котлована одного из жилищ обнаружено 7 мелких обломков каких-то медных или бронзовых предметов. Четыре из них залегали близко друг к другу на краю углубления, сделанного в полу объекта. Заслуживают упоминания фрагмент тонкой пластины

($1,58 \times 1,39 \times 0,13$ см) и два обломка, вероятно, одного массивного пластинчатого изделия, более всего напоминающего плоское тесло или плоский топор-тесло (ил. 3–4, 5). На меньшем осколке ($1,5 \times 1,25 \times 0,5$ см) отчётливо прослеживается продольное ребро на узкой стороне. На другом ($1,4 \times 2,5 \times 0,45$ см) видно, что орудие имело симметрично заточенное лезвие. Ширина самого орудия в прилезвийной части составляла не менее 5 см.

Ил. 3. Остатки металлообработки:

1 – селище Нёх-Урий 3.2; 2–5 – селище Нёх-Урий 5.2; 6, 7 – селище Нёх-Урий 5.1 (4, 5 – металл, остальное – глина)

Среди находок с селища Нёх-Урий 5.1 остатки металлообработки представлены обломками сопла (ил. 3–6) и тигля (ил. 3–7), изготовленных из глины с добавлением керамической крошки. Тигель чашевидный, толщина стенок 0,9–1,0 см, орнаментирован по внешнему, чуть скошенному краю бортика отпечатками гладкого штампа, ошлакован в верхней части. Сопло с едва заметной огранённостью стенок украшено оттисками узкого гладкого штампа и под треугольными

Ил. 4. Керамика: 1–3 – селище Нёх-Урий 5.1; 4 – селище Нёх-Урий 5.2

вдавлениями. На селище Нёх-Урий 3.2 найден крупный, длиной 7,8 см, обломок сопла, поверхность которого сплошь покрыта следами выбивки колотушкой, нарезанной под «текстиль», или прокатанной палочки, обмотанной шнуром (ил. 3—1). Диаметр выходного отверстия 0,4 см, в месте слома — 0,9 см.

Среди рассмотренных предметов, связанных с плавкой металла, получением изделий в формах, их кузнечной и абразивной доработкой, нет ни одного надёжно датируемого. Тем не менее возможность позиционировать среднеаганский металлообрабатывающий комплекс в системе относительной хронологии существует. В этой связи обратим внимание на следующие факты. Во-первых, все глиняные сопла (фурмы, наконечники воздуходувных трубок) и тигли нех-урийских селищ орнаментированы: одни пышно, как на селище Нёх-Урий 5.2, другие намного скромнее. Если посмотреть под этим углом на функционально аналогичные вещи других памятников эпохи бронзы, в том числе расположенных в иных физико-географических зонах, то выяснится, что манера украшать предметы плавильного дела в большей степени характерна для ранних этапов бронзового века. В частности, орнаментированные гребенчатым штампом тигли известны в материалах поселений ташковской, одинцовской, кротовской, самусьской культур (ЮАО—XIII, Дуван V, Самусь IV и др.). «Псевдотекстиль» на фурме с селища Нёх-Урий 3.2 — тоже ранний признак. Во-вторых, необычен по своей конструкции крупный тигель-льячка с селища Нех-урий 5.2. Но ровно так же оригинальны ташковские тигли, сформованные на стенках сосудов; самусьские с выступами-ручками, горизонтальными или загнутыми вниз; уникальны тигли с кротовских поселений Чернозерье VI и Бенгерово-2, кульёганского поселения Чернореченское I (последний изготовлен в придонной части сосуда). Похоже на то, что типологическое разнообразие тиглей и тиглей-льячек является ещё одной приметой западносибирских раннебронзовых комплексов.

Нех-урийские находки существенно пополнили базу данных, доказывающих наличие собственного металлообрабатывающего производства у населения кульёганской археологической культуры, однако, к сожалению, не сильно приблизили нас к разрешению вопросов об уровне развития этой отрасли хозяйства, масштабах производства, составе продукции и морфологических особенностях изделий. В настоящее время с уверенностью можно говорить лишь о том, что:

- кульёганская металлообработка основывалась на импортном сырье;
- сырьё было дефицитным, даже мелкий лом шел в переработку;

— здешние мастера знали технику литья в открытые и закрытые, двуставные формы (Щетнмато-Лор, Барсова Гора II/8в, Савкинская Речка 1, Нёх-Урий 5.2).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13-06-00202 а

² Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 42–46; Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. — С. 97–112; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 — укреплённое жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. — Тюмень, 2011. — № 2. — С. 55–69; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укреплённого жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 255–310; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 124–220; Косинская Л.Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. — С. 87–100; Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаёжного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. — Вып. 3. — С. 60–72; Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 221–240.

³ Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1 ... — С. 69, 70.

⁴ Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1 ... — С. 66.

⁵ Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 ... — С. 65.

⁶ Авторы благодарят Л. Л. Косинскую за рисунки и описание каменных предметов.

⁷ Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 186, 192.

⁸ Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы ... — С. 191–193.

Волки в зеркальном отражении

П.С. Бахарев

г. Нефтеюганск

ООО «НПО «Северная археология — 1»

В 1980-х гг. на левом берегу р. Ницы в окрестностях с. Рудного Ирбитского р-на Свердловской обл. была найдена плоская отливка в виде двух хищных животных, больше всего напоминающих волков или собак. Точное место находки не известно. Памятников археологии в окрестностях с. Рудного, кроме железоделательного завода, пока не выявлено. Но местные жители утверждают, что в районе рек Татарка и Косогорка, в лесном массиве есть «курган». Так, лесничий при обходе территории обнаружил в том месте литую (скорее всего, из бронзы) фигурку птицы. Он не стал её забирать, а оставил на месте — «поставил на пенёк». Не исключено, что и рассматриваемая находка происходит из этого же места. Предмет был передан учителю истории Н.Ф. Никандровой, основателю музея истории села, и в настоящее время хранится там.

Фигурка выполнена из сплава на основе меди (бронза?). Поверхность патинирована, имеет серый цвет. Размеры предмета 18,67x7,07 см, толщина пластины 0,28 см, литника — 2,18 см. Композиция построена по принципу зеркальной (осевой) симметрии. Пара лежащих с подогнутыми лапами животных изображена в профиль. Ось симметрии проходит под ногами фигур. Детали проработаны углублёнными линиями, что говорит об использовании модели при изготовлении формы для отливки. Следов последней обработки визуально не зафиксировано. Расположенный у хвостов животных литник не убран. Лицевая сторона гладкая, что не исключает её обработку после отливки. Оборотная сторона бугристая, не обработанная. Голова одного из животных утрачена. Слом старый, патинированный (ил. 1).

Самыми близкими аналогиями рудновской находке являются фигуры из широко известного Истяцкого клада, найденного в 1886 г.

Ил. 1. Бронзовое (?) изображение из окрестностей с. Рудного

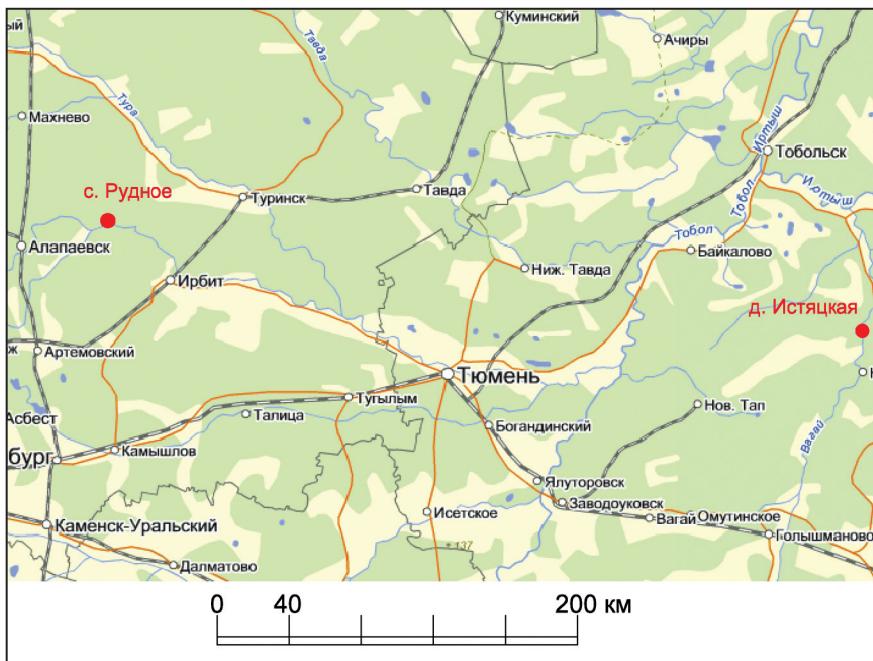

вблизи нынешней д. Истяцкой Вагайского р-на Тюменской обл. Между этими населёнными пунктами — с. Рудным и д. Истяцкой — почти 400 км (ил. 2). С момента находки указанного клада до сих пор близких аналогий изображениям «канисовых» из него известно не было.

Несмотря на явное стилистическое и технологическое единство изображений Истяцкого клада и рассматриваемого предмета, последний всё же имеет заметные отличия. Во-первых, он изображает не одного, а двух животных. Во-вторых, они не бегут, а лежат с подогнутыми ногами.

Датировка рассматриваемой находки целиком зависит от представлений о дате Истяцкого клада. В.Н. Чернецов предложил для него дату «с конца III и никак не позднее первой четверти II в. до н. э.»¹. А.П. Зыков и Н.В. Фёдорова датировали Истяцкий клад значительно позднее — первыми веками нашей эры, дотягивая до кон. III — IV в.².

Большинство исследователей относит предметы, подобные рудновской находке, к культовым¹. Не вдаваясь в дебри интерпретации, можно сказать, что в пользу этого говорит, в первую очередь, отсутствие на них специальных элементов для крепления (пришивания или подвеши-

Ил. 2. Места расположения с. Рудного и д. Истяцкой

вания) — ни шпеньков, ни петель или специальных отверстий на них нет. То есть можно согласиться, что эти вещи изготавливались, скорее всего, для культовой практики. А о том, как бытовал и использовался конкретный предмет, можно только догадываться.

Найдена у с. Рудного является ярким образчиком декоративно-прикладного искусства железного века (раннего железного века). Она вместе с находкой из Истяцкого клада свидетельствует о существовании в то время особого художественного стиля и оригинального сюжета, связанных с образом животного семейства канисовых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 165.

² Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. — С. 127—128.

³ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 171; Новиков А.В. Канисовые в изобразительном искусстве древнего населения тайги зоны Западной Сибири. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://zaimka.ru/religion/novkanis.shtml> (дата обращения: 17.05.2013)

Аварийные раскопки селища Сартым-Урий 16 в бассейне Большого Югана

Ю.П. Чемякин, В.А. Борзунов

г. Екатеринбург

Уральский государственный педагогический университет

Летом 2012 г. Угутская археологическая экспедиция Уральского государственного педагогического университета в рамках сотрудничества с ООО «Северная археология – 1» продолжила работы по сохранению селища Сартым-Урий 16 в окрестностях с. Угута Сургутского р-на ХМАО – Югры. Памятник находится на коренном берегу одноименной старицы в правобережье р. Большого Югана. Он является самым северным из трёх поселений начала Средневековья, расположенных компактной группой и, вероятно, представляющих собой развитие памятника во времени. Все три поселения – городище Сартым-Урий 18, селища Сартым-Урий 17 и Сартым-Урий 16 – характеризуют карымский этап обь-иртышской культурно-исторической общности. Селище Сартым-Урий 16 – самое северное в группе – удалено от предыдущего на 20–25 м. Ещё в 2011 г. узкая просека со старой лесной дорогой проходила по самому южному объекту, отделяя этот памятник от соседнего селища Сартым-Урий 17.

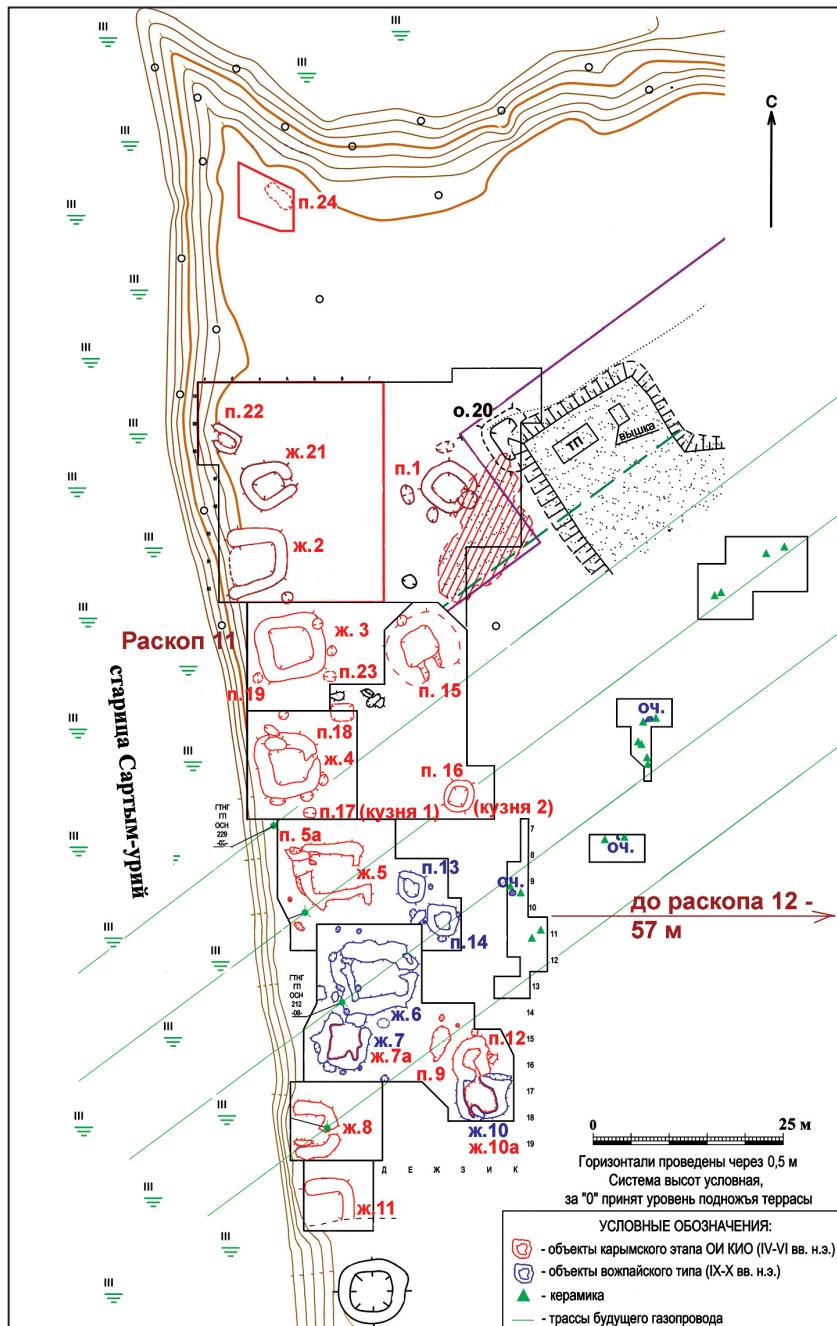
От данной группы памятников по прямой до реки через высокую пойму – 0,35–0,60 км. Археологические объекты – остатки фортификации, жилых, производственных и хозяйственных построек – расположены у края коренной террасы Большого Югана и протоки Сартым-урий, ныне перегороженной и периодически пересыхающей. Общая длина берега с этими объектами между двумя коренными мысами составляет ок. 600 м. Промежутки между поселениями минимальные: 15–25 м. Высота края террасы от уреза воды в протоке – 2–5 м.

Памятники находятся в подзоне средней тайги, на песчаной, относительно плоской, слабопокатой террасе с крутым (до 45°) склоном. Перепад высот в пределах поселений не превышает 1 м. В недалёком прошлом вся эта территория была покрыта лесом. Сейчас её пере-

секают многочисленные коридоры продуктопроводов и автомобильная магистраль, а также сеть грунтовых дорог и других коммуникаций. Лес типично таёжный: с преобладанием хвойных пород деревьев (сосна, кедр, ель, пихта) и вкраплением лиственных (берёза, осина). Пойма реки рядом с протокой в настоящее время частично заболочена. На её возвышенных участках преобладают заросли ивы. На коренной террасе нижний ярус леса представлен кустарниками, надпочвенный покров — брусничником, черничником и таёжным мелкотравьем. Участки с неизменённой поверхностью покрыты тонким слоем гумуса, мхом, лишайником, хвойным и лиственным опадом (лесная подстилка). Почвы подзолистые песчаные и супесчаные.

Благодаря крайне медленному нарастанию гумусного слоя на песчаных террасах таёжного Приобья остатки древних сооружений прекрасно выражены в рельефе. Все они покрыты лесной подстилкой и различной мощности почвенным горизонтом. Жилые и производственные постройки на всех поселениях выражены прямоугольными и подквадратными впадинами глубиной до полуметра, как правило, окружёнными невысокими песчаными насыпями. Последние являются расплывшимися обваловками (завалинками), которые в древности насыпались у основания жерdevых или бревенчатых стен жилищ. Ещё во время первого обследования средневековых поселений Сартымурия было установлено, что расположенные на самом краю террасы археологические объекты частично деформированы в процессе эрозии её песчаного склона. В результате этого сократились площади котлованов некоторых жилищ, а также исчезли участки обваловки, обращённые к протоке. Кроме того, часть остатков древних построек была повреждена выворотнями от упавших деревьев — глубокими ямами и песчаными буграми, разбросанными по всему лесу. Но самый большой урон древним поселениям нанесли работы по сооружению коридоров продуктопроводов, а также связанных с ними объектов и подъездных путей.

Селище Сартым-Урий 16 занимало относительно ровную площадку невысокого (3,0–3,5 м) коренного берега старицы и было вытянуто вдоль береговой кромки в меридиональном направлении на 120 м (ил. 1). Вдоль края террасы проходила лесная тропа, а территорию селища у его южного края пересекала старая просека с грунтовой дорогой, соединяющей с. Угут с покосом Пыхтеевых в пойме старицы. Этой дорогой был частично разрушен самый южный объект на памятнике (№ 11). В 2011 г. через селище был проложен широкий коридор с несколькими нитками газопроводов.

Ил. 1. Селище Сартым-Урий 16. План

Работы 2012 г. проводились уже после прокладки газопровода на сопредельных с ним участках. Задача, поставленная перед экспедицией, предполагала изучение двух объектов в виде впадин, расположенных наиболее близко к трассе газопроводов, для предотвращения их разрушения в процессе работ по проекту «Система утилизации газа Угутской группы месторождений, ш. 7120». Один из них (впадина № 3 с обваловкой), находившийся у самой береговой кромки с северной стороны просеки, был выявлен в ходе археологического обследования территории с. Угута, проводившегося экспертной группой МУ ИКНПЦ «Барсова Гора» ещё в 1999 г. Другой (впадина № 19) — обнаружен в 2011 г. при осмотре вырубленной под газопроводы просеки у её южной границы на удалении ок. 100 м от края берега.

Раскоп 11 площадью 300 кв. м был заложен на жилищной впадине с обваловкой № 3, находившейся на краю берега. Размеры объекта в рельефе — 9,5–10,5x8,0–9,0 м, в том числе остатков подпрямоугольной впадины — 7,0x5,0 м. Глубина — 0,2–0,3 м. Ширина песчаной обваловки на разных участках колебалась от 0,8 до 1,7 м, высота — от 0,18 до 0,40 м. В восточном отрезке обваловки, чуть южнее его центра, фиксировалось узкое (0,7–0,8 м) понижение. Вероятно, оно отмечало место входа в жилище.

За пределами объекта № 3 практически на всех участках поверхность раскопа была неровная: повсюду прослеживались покрытые лесной подстилкой ямы, канавы и песчаные холмики различных форм и размеров — следы выворотней. На некоторых холмиках росли сосны. Две овальные ямы и узкая подтреугольная канавка, прорезавшие южный угол расплывшейся обваловки жилища, — современные. Они остались от работы гусеничной и колёсной техники. Два фиксировавшихся на поверхности углубления (на уч. В/1, А/02), как было установлено в процессе раскопок, являлись археологическими объектами — следами хозяйственных или производственных ям (1 и 3). Ещё одно незначительное углубление, находившееся между соснами на уч. Б–В/1–2 и не воспринимавшееся как археологический объект, осталось от древней хозяйственной постройки № 23.

Обваловка объекта № 3 была сложена бело-жёлтыми, светло-жёлтыми и иных оттенков песками; её слоистость, вероятно, объясняется подновлениями в процессе функционирования жилища. Прокалы, встречавшиеся в верхней части насыпи, связаны с поздними выворотнями и пожарами. По-видимому, сам объект представлял собой прямоугольную постройку размерами в основании около 8,8x7,3 м (64 кв. м),

Ил. 2. Селище Сартым-Урий 16. Жилище № 3 на глубине –130 см (южная половина), –140 см (северная половина). Сн. с юго-востока, сверху

Ил. 3. Селище Сартым-Урий 16. Жилище № 3. Юго-западный сектор (нары?) на глубине –150 см. Сн. с востока, сверху

ориентированную в направлении, близком к широтному, почти перпендикулярно береговой кромке. С известной долей осторожности можно предположить, что стены его были бревенчатыми, срубной конструкции. По крайней мере, правильная прямоугольная форма его относительно высокой обваловки и мелкого котлована не позволяет утверждать наличие здесь следов каркасно-столбового сооружения с наклонными стенами (ил. 2, 3, 14). Снаружи жилище № 3 было окружено песчаной завалинкой, созданной для утепления помещения. В современном, расплывшемся, состоянии эта обваловка имела высоту 0,35–0,50 м, ширину — от 1,4 до 2,0–2,5 м. С западной стороны она частично исчезла при оползании склона террасы. Первоначально завалинка была выше и эже. Глубоких ям-карьеров и канав правильной конфигурации, откуда брался бы грунт для её возведения, не зафиксировано. Лишь перед северным и восточным отрезками обваловки прослеживались аморфные в плане широкие (1,0–2,6 м) и мелкие (0,2–0,3 м) углубления, возможно, возникшие по этой причине. Но более вероятно, что они образовались в результате многочисленных выворотней.

Вход в постройку находился, вероятно, с восточной стороны, где в песчаной обваловке прослеживалось понижение шириной 1,0–1,6 м. Но и в этом месте зафиксированы следы выворотня. Крыша постройки могла быть невысокой, двухскатной.

Основная часть помещения была слегка углублена и представляла собой мелкий (0,15–0,30 м) прямоугольный котлован размерами ок. 7,0–7,6x5,8–6,3 м, выкопанный в материковом песке. Сыпучие стенки котлована могли сохранять свою первоначальную форму лишь при наличии деревянной опалубки — из колотых плах, брёвен или «полубрёвен» (расколотых продольно брёвен). Последние укладывались в углах котлована «в распорку» и дополнительно — при необходимости — крепились вертикальными колышками. По периметру жилища были устроены нары(?) шириной ок. 0,7–1,0 м (ил. 3). Дно котлована относительное ровное, несколько углублявшееся к центру. По-видимому, в древности оно имело какое-то покрытие (скорее всего, из дерева).

Центром «социального пространства жилища» являлся очаг. Он находился посередине углублённой части помещения. Его остатки имели вид обширного (2,3–2,6x1,0–1,6 м) кострища неправильной овальной в плане формы. Очажный слой представлял собой линзу тёмно- и серо-коричневой супеси мощностью 0,15–0,30 м с большим количеством органики, в том числе — с мелкими и мельчайшими кальцинированными (обожжёнными) костями животных и рыб. Здесь

Ил. 4. Селище Сартым-Урий 16. Раскоп 11. Юго-восточный сектор (уч. Б–В/1–2) на глубине –135 см. Видны границы жилища № 3, постройки № 23 и выворотня. Сн. с востока

Ил. 5. Селище Сартым-Урий 16. Постройка № 23 (уч. Б/1) на глубине –141 см. Угли на полу. Сн. с востока, сверху

же залегали обломки глиняных сосудов, небольшое скопление шлаков и редкие кусочки обожжённой глины. Основная их масса находилась в западной части кострища. Поверхность материкового песка под костром была прокалена и имела ярко-оранжевую окраску. Под очагом и вокруг него находилось несколько углублений и ямок. Очаг многоцелевой, служил для обогрева и освещения помещения, приготовления пищи, а также периодически использовался в хозяйственных и производственных целях. Под очагом выявлена овальная яма $0,6 \times 0,45$ м с вертикальными стенками, глубиной до 0,32 м, заполненная очажным же слоем (ил. 9).

Четыре ямки диаметром 5–6 см и глубиной 6–14 см концентрировались вокруг кострища. Они могли остаться от очажных конструкций, а также от хозяйственно-производственных комплексов. Вблизи западной стены и в юго-восточном углу обнаружены три относительно мелких углубления. Одно из них с размерами $1,8 \times 0,6 - 0,8 \times 0,2$ м имело почти правильную прямоугольную в плане форму с треугольным юго-восточным концом, находилось между очагом и юго-западным углом жилища. Другое — с близкой к подтреугольной формой и размерами $1,00 \times 0,96 \times 0,15$ м — частично заходило под предполагаемые нары у западной стены. Под ним обнаружены следы выворотня. Углубление, скорее всего, естественное. Третье — $0,6 - 0,7 \times 0,4 - 0,5 \times 0,4$ м, под-прямоугольное — выявлено под корнями сосны в юго-восточном углу постройки; в нём найден развал относительно крупного карымского

Ил. 6. Селище Сартым-Урий 16. Постройка № 19 (уч. а—А/1—2). Юго-западный угол котлована на глубине —155 см. Сн. с востока

сосуда. Ещё два углубления зафиксированы у восточной стены жилища и в его северо-восточном углу, но они, возможно, отражали неровности рельефа. В жилищном объекте — главным образом, в его углублённой части — найдено большое количество битой посуды, три кусочка железных шлаков, а также много камней (более 70% от их общего количества в раскопе), включая абразивы. Чуть возвышенное пространство по периметру котлована у стен постройки, когда-то покрытое колотыми досками, жердями и шкурами животных(?), использовалось в качестве нар — мест отдыха, хранения посуды и вещей.

Две ямы — с восточной ($1,25 \times 0,80 - 1,00 \times 0,50$ м) и южной ($2,20 \times 1,00 - 1,10 \times 0,30 - 0,65$ м) сторон постройки — были частично перекрыты внеш-

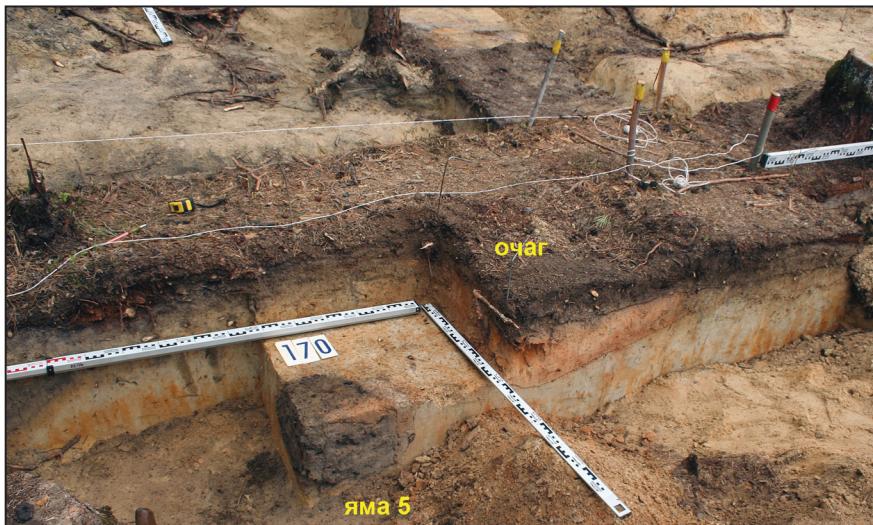
Ил. 7. Селище Сартым-Урий 16. Постройка № 19 (уч. а/1—2) на глубине от -208 до -233 см. Сн. с юга

Ил. 8. Селище Сартым-Урий 16. Постройка № 19 (уч. а—А/2). Разрез через котлован. Сн. с юга — юго-запада

ней полой обваловки, утеплявшей снаружи стены жилища. Они могли быть вырыты как до постройки дома, так и позже, вплотную примыкая к стенам с внешней стороны. В обеих ямах обнаружены фрагменты карымских сосудов. Над второй, в расплывшейся обваловке жилища, был найден каменный оселок со сквозным отверстием у одного конца (ил. 18 — 16). Ещё три ямы антропогенного происхождения находились в 1,0—5,5 м восточнее и северо-восточнее обваловки жилища. Одна из них, в 2,0 м к востоку от жилища (в 0,5 м от его расплывшейся обваловки), была овальной в плане, с крутыми стенками, трапециевидная в сечении. Её размеры 1,4x1,0x0,6 м. У западного склона углубления, под лесной подстилкой, на поверхности расплывшейся обваловки найден обломок железного изделия. В заполнении ямы на разных уровнях — от верха до дна — залегали обломки (221 ед.) большого раздавленного карымского сосуда с желобчатой орнаментацией (ил. 12, 13). Несколько черепков от него были найдены за пределами ямы. Судя по форме и заполнению, последняя была хозяйственной и могла использоваться для хранения или консервации пищи (например, рыбы). Она могла быть выкопана как во время функционирования жилища № 3, так и до его постройки. Яма, находившаяся в 3 м к северу от жилища, имела в плане овально-прямоугольную форму, размеры 1,2x1,0—1,1x0,4 м. В разрезе она была подтрапециевидной, с уплощенным дном. В углублении и рядом с ним найдены обломки сосудов с желобчатым орнаментом. Третья яма, чашевидной формы (округлая в плане, 1,1—1,3x1,0 м, параболоидная в разрезе, глубиной 0,24 м от уровня фиксации), выявлена в 6 м к северо-востоку от жилища № 3.

Два объекта, видимо хозяйственного назначения, были выявлены в ходе раскопок. Остатки постройки № 23 на поверхности имели вид незначительного аморфного понижения между соснами, примыкавшего с северо-запада к обваловке жилища № 3. Такое же понижение находилось в 2,5 м к юго-западу от него. Поэтому сначала оно было воспринято как отражение неровности рельефа. Лишь по мере понижения стало ясно, что это древнее сооружение, находившееся в 2 м по прямой от юго-восточного угла жилища. Его котлован имел размеры 2,4x1,6—2,2 м и был выкопан в материковом песке на глубину 0,15—0,20 м (ил. 4, 5, 14). В профиле котлован имел слегка наклонные стенки и уплощенное дно, был ориентирован по линии север — юг. Почти в середине его находилось большое светло-жёлтое пятно, образовавшееся вокруг современной норы (заполнение котлована представляло собой жёлто-серый песок). В придонной части северной

Ил. 9. Селище Сартым-Урий 16. Жилище № 3 (уч. А/1) на глубине – 170 см. Остатки ямы 5 под очагом. Сн. с юга–юго-запада

Ил. 10. Селище Сартым-Урий 16. Жилище № 3. Западный профиль (уч. Б/2). Отпиливание корня сосны

половины постройки, ближе к центру, были расчищены две полосы сгоревших плах(?). Они лежали почти перпендикулярно друг другу. Максимальный размер одной — 41x20—25 см, другой — 40x20—35 см; толщина их ок. 1—2 см. Первую полосу по краям под углом пересекали еще две узкие плахи (ил. 5). Отдельные угли, в том числе крупные, были расчищены напротив восточной стены и у северо-западного угла постройки. На дне котлована находился очаг(?), от которого осталось овальное оранжевое пятно прокала размерами 40x30 см и мощностью до 11 см. Его расположение рядом с восточной стеной позволяет предполагать, что настоящая стена постройки находилась на некотором удалении от края котлована, но следы её не зафиксированы. Рядом с прокалом, ближе к центру объекта, зафиксирована ямка, которая могла остаться от столба. Но в середине её наблюдались следы корня дерева. В котловане найдено несколько обломков карымской посуды.

К западу от постройки № 23 и юго-западу от жилища № 3 вплоть до края обрыва на поверхности материковых песков стали проступать очертания трёх больших ям от древних выворотней. Они были обнаружены частично под расплывшейся обваловкой стен жилища 3 и фрагментами расположенного ниже горизонта светло-серого погребённого подзола (древняя почва). Из этого можно было сделать вывод, что данные углубления были засыпаны и снивелированы до или во время строительства жилища (ил. 4, 10, 11).

Постройка № 19¹ была выявлена у самого края террасы, под западным отрезком расплывшейся песчаной обваловки стен жилища № 3. Значительная часть её оказалась разрушенной эрозией склона террасы. Восточная часть, сначала воспринятая как следы выворотня, имела подтрапециевидную форму. Параметры котлована с горизонтальным полом: сохранившаяся длина — более 2,0 м, ширина — около 1,6 м, глубина — 0,4 м (ил. 6, 7, 14). Восточная стенка практически вертикальная (ил. 8). От её середины отходила «канавка» длиной 1,0 м, шириной 0,2—0,6 м, заполненная серым погребённым подзолом и упирающаяся в котлован жилища № 3. Она имела легкий уклон в сторону котлована и плоскую ступеньку шириной 0,5—0,6 м и высотой 0,1 м, примыкавшую к последнему. По обе стороны от неё были выявлены две глубокие вертикальные ямки, расположенные друг от друга на удалении ок. 1 м. Округлые в плане, диаметрами 10 и 15 см, в профиле вытянуто-треугольные (конические), глубиной 30 и 26 см соответственно. По-видимому, в древности объект представлял собой полуземлянку с выступавшим наружу коротким и узким выходом-тамбуром, обращённым в противоположную

Ил. 11. Селище Сартым-Урый 16. Жилище № 3. Западный профиль. С.н. с востока

Ил. 12. Селище Сартым-Урый 16. Жилище № 3 (уч. B/1). Развал сосуда на дне ямы 1. С.н. с востока

Ил. 13. Селище Сартым-Урый 16. Жилище № 3 (уч. B/1). Разрез ямы 1. С.н. с востока

от протоки сторону (к жилищу № 3). В ней найдено несколько фрагментов карымских сосудов.

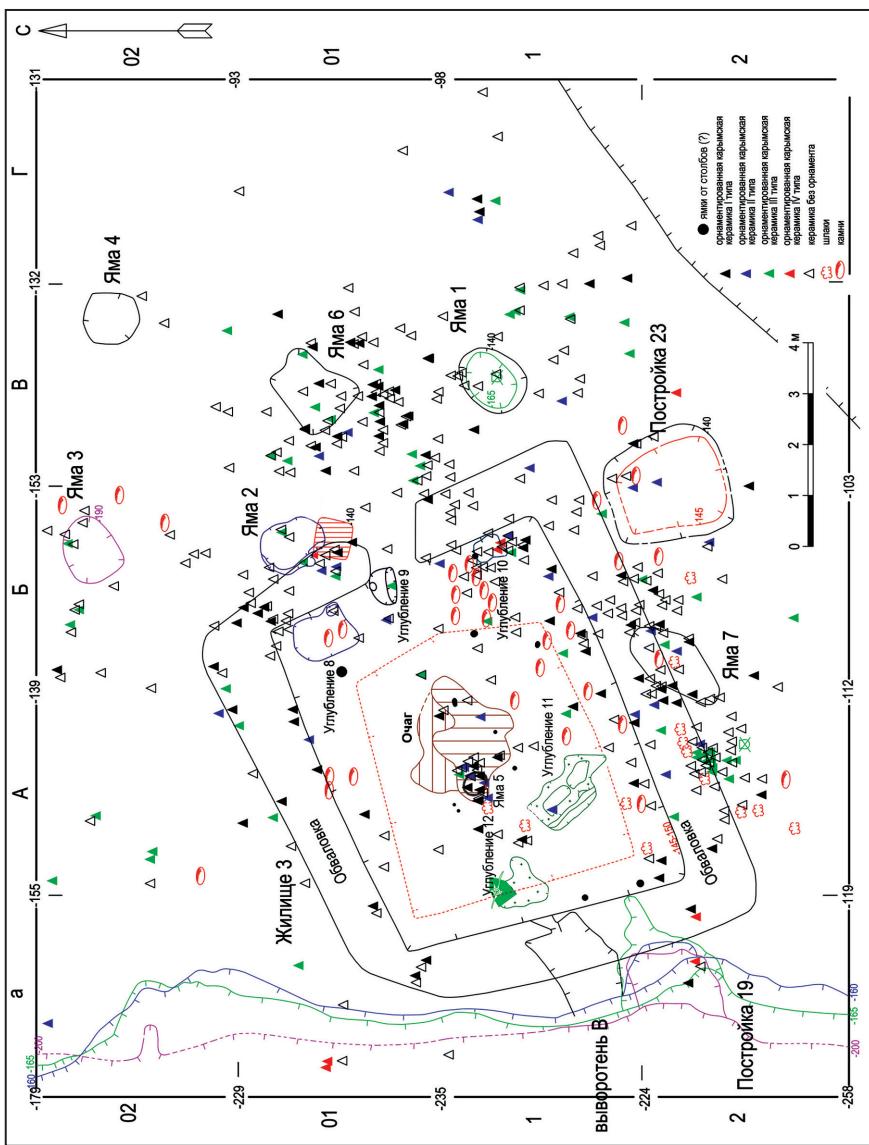
С восточной стороны постройка была перекрыта обваловкой жилища № 3, что говорит о более раннем периоде её существования либо (менее вероятно, но не исключено) её функционировании в качестве своеобразной пристройки к указанному жилищу. Возможно, не вся она была углублена. С северной стороны к постройке примыкало углубление, обозначенное нами как выворотень и заполненное в основании чёрным углистым песком с пятнами оранжевых прокалов. Оно имело подпрямоугольную в плане форму, размеры 1,8–2,1x1,2 м (ил. 6, 14). Его восточный край был срезан котлованом жилища № 3, западный уничтожен эрозией берега. Параллельность северной и южной границ выворотня, их односторонность со стенами постройки 19, достаточно чёткие границы дна позволяют высказать предположение, что за выворотень нами была принята слабо углубленная часть этой же или другой постройки (пристройки?). Она могла быть более ранней по отношению к жилищу № 3 и постройке № 19 или же одновременной постройке, примыкавшей к жилищу, сгоревшей, а затем частично погребённой осыпавшейся обваловкой дома. Сомнение в подобной трактовке вызывает форма дна в разрезе — не уплощенная, а полого параболоидная, близкая к W-образной.

Коллекция, сформированная раскопом 11 на селища Сартым-Урий 16, насчитывает 1469 образцов. Её основу составляет керамика: 303 черепка с орнаментом и 1074 — без такового. Орнаментированные части включают 157 обломков шеек с венчиками и 146 фрагментов плечиков и стенок сосудов. Вся неорнаментированная керамика относится к стенкам, придонной зоне и днищам. По обломкам шеек с венчиками выделено 49 ёмкостей, по фрагментам стенок — ещё не менее четырёх сосудов.

По орнаментации карымская керамика подразделяется на четыре типа: гребенчатую (I), фигуристо-штампованную (II), валиково-желобчатую (III) и с обедненной ямочно-насечковой орнаментацией (IV)². Все эти типы присутствуют на раскопанных поселениях Сартым-урия, в том числе и на Сартым-Урии 16. В раскопе 11 найдено:

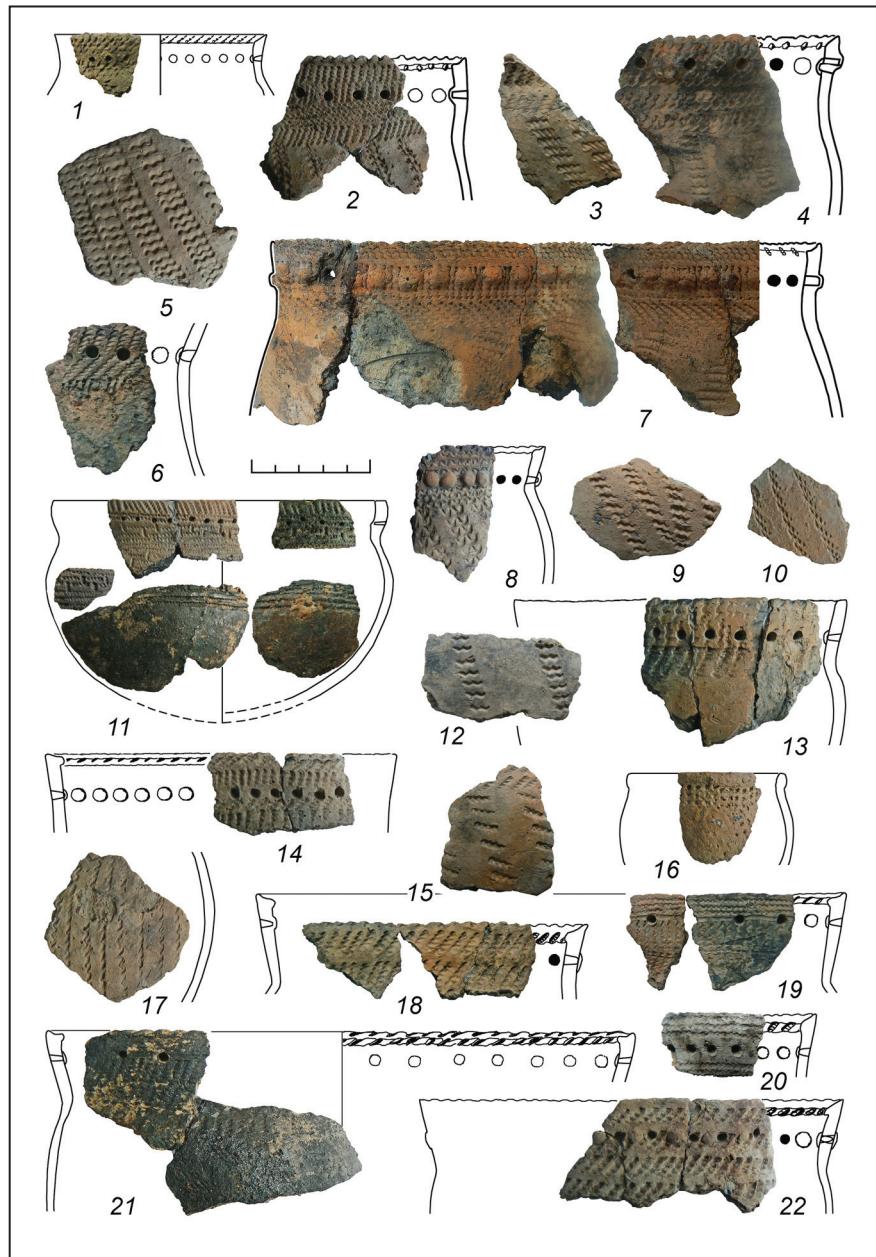
- 123 орнаментированных обломка керамики типа I (15 сосудов = 28,3%),
- 89 — типа II (по шейкам с венчиками выделено 17 сосудов, по стенкам — ещё 4, всего 37,7%),
- 123 — типа III (минимум от 13 сосудов = 24,6%),
- 8 — типа IV (от 3–4 сосудов = 9,4%).

Ил. 14. Селище
Сартым-Урий 16.
Раскоп 11. План
расположения
объектов и рас-
пространения на-
ходок

Технология производства и форма сосудов первых двух и четвёртого типов (ил. 15, 16, 18 – 3) сходна. Для их изготовления использовалась хорошо отмученная глина с примесью шамота, изредка – песка и дресвы. После формовки, обработки поверхностей и нанесения орнамента сосуды просушивались, а затем обжигались на костре. Обжиг ёмкостей неравномерный. Цвет черепков разнообразный: серый, жёлто-серый, серо-жёлтый, светло-жёлтый, жёлто-оранжевый, жёлто-коричневый, светло-коричневый с красноватым оттенком, чёрный. На ряде ёмкостей снаружи и изнутри фиксируются следы нагара и пригара. Сосуды горшковидные с выделенной шейкой, как правило, невысокой (1,0–3,5 см), прямой либо дуговидной, слегка отогнутой наружу, у отдельных экземпляров – с дуговидной вогнутой. Диаметры наибольшей части ёмкостей по устью варьируют в пределах 17–30 см. В коллекции также есть обломки трёх небольших сосудиков I типа и одного – II с диаметром по устью от 6 до 13 см. Среди венчиков преобладают плоские, скошенные внутрь. Они часто имеют профиль желобка; с внутренней стороны у них прослеживаются характерные наплывы-карнизы. Реже формовались обычные плоские венчики без закраин, единично – такие же со слегка скругленными гранями. Плечики и стенки сосудов выпуклые, придонные части вытянутые зауженные или скруглённые. В коллекции нет обломков плоских днищ и поддонов. По-видимому, вся керамика из раскопанных объектов № 3, 19, 23 и окружающего их пространства была круглодонной. Впрочем, как и вся карымская посуда данного поселения³.

Типы I и II (ил. 15, 16). Карымская посуда первых двух типов в массе нарядная, с чётко проработанными деталями формы и орнамента, более изящная, чем двух других типов. Сосуды тонкостенные и средней толщины (0,3–0,6 см), как исключение – толстостенные (от 0,7 до 1,0 см). Внешняя и внутренняя поверхность горшка обработана щепой, а затем тщательно заглажена. Иногда снаружи сосуды даже залощены. Декор очень насыщенный, особенно на шейках, плечиках и в верхней части стенок, с плотными прилегающими друг к другу концентрическими зонами. В средней части туловы орнаменты более разрежённые, в нижней части туловы и на днищах они вообще отсутствуют. Узоры сравнительно простые, в первую очередь – у сосудов I типа, и более сложные – у II. Они наносились палочкой с заострённым и круглым плоским концом (ямки, «жемчужины»), а также зубчатыми и фигурными штампами. В большинстве случаев при орнаментации использовались чеканы средней величины, как и при декорировании кулайской посуды. Вместе с тем при украшении горшков II типа стали

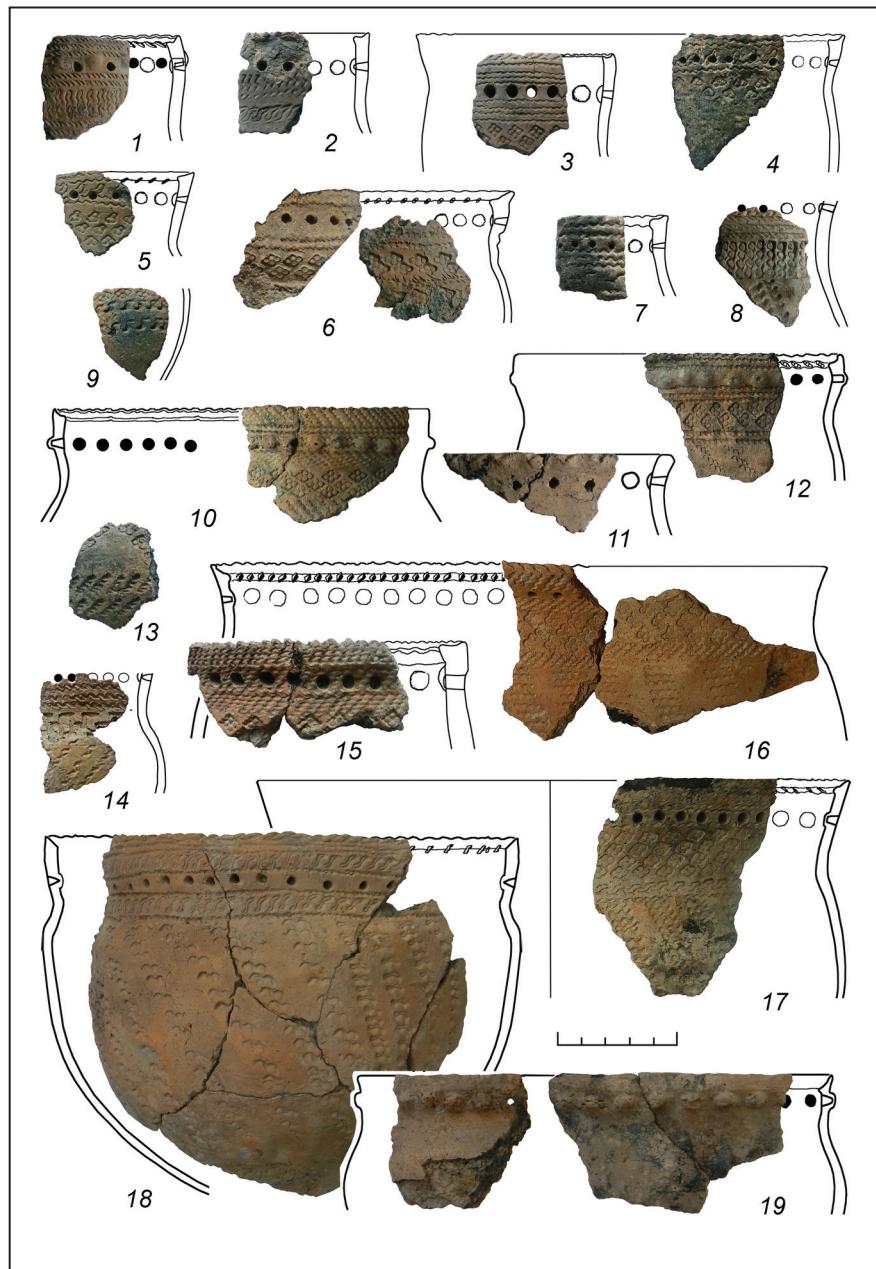

Ил. 15. Селище Сартым-Урий 16. Раскоп 11. Карымская керамика типа I

более часто использоваться мелкие штампы, поэтому декор становился более чётким и тонким.

Верхние срезы (венчики) карымских сосудов первых двух типов украшались косыми насечками, нанесёнными гребёнкой или змейчатым фигурным чеканом, часто с двух сторон — по внешнему и внутреннему краям, реже — только внешнему (как исключение — у небольших и миниатюрных сосудиков — по всей ширине венчика). Шейка каждого сосуда, помимо глубоких круглых ямок и/или жемчужин, выстроенных в одну линию⁴, украшалась концентрическими поясами, составленными из вертикально, наклонно или горизонтально расположенных оттисков гребёнки с мелкими или средней величины зубцами. Штамп при нанесении декора ставился прямо либо под углом. В последнем случае на влажной глине появлялись оттиски в виде «струйки». У трёх сосудов I типа и у шести — II мелкой гребёнкой были выполнены горизонтальные концентрические «мелкоструйчатые» узоры (ил. 15 — 19, 20; 16 — 10). На двух сосудах I типа и шести II глубоко оттиснутой узкой гребёнкой с мелкими косыми зубцами нанесены тонкие концентрические полосы, сходные со шнуровым орнаментом (ил. 15 — 11; 16 — 1, 6, 12). Своеобразен декор на одном маленьком горшочке. Помимо плотных наклонных оттисков тонкого гребенчатого штампа под венчиком, между гребенчатыми концентрическими поясами на шейке и плечиках сосуда тем же коротким (7 мм) чеканом с пятью зубцами нанесены горизонтальные оттиски в шахматном порядке, разделённые вертикальными прямоугольными (3x1 мм) насечками (ил. 15 — 11). Такой узор производит впечатление простейшего меандридного.

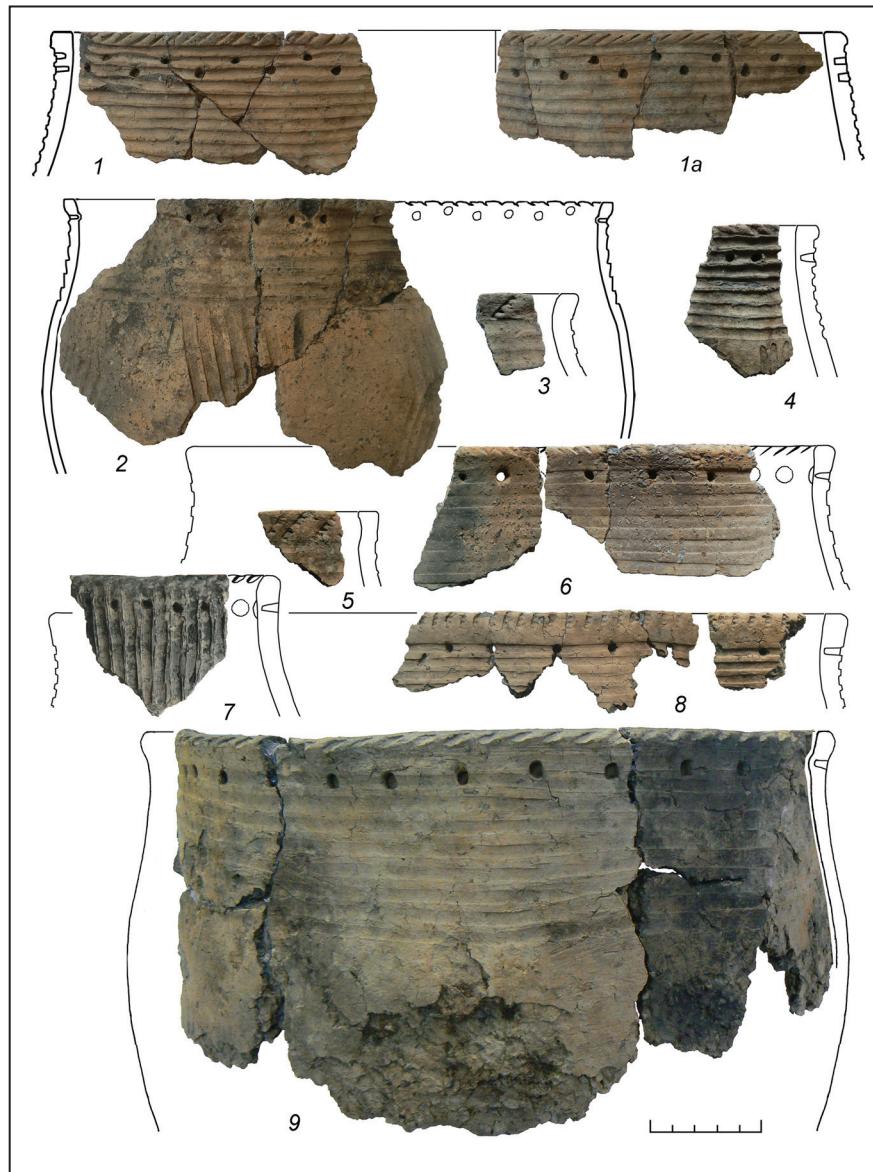
На плечиках и стенках горшков обоих типов разнообразные по форме и наклону отпечатки гребёнки и фигурных штампов образуют горизонтальные замкнутые концентрические пояски, а также длинные наклонные ленты. При этом узоры здесь более разреженные, чем на шейках. К уже известным «старым» элементам орнамента на карымской посуде, унаследованным от кулайского декора, относится всё разнообразие гребенчатых орнаментов, а также некоторые виды фигурно-штампованных оттисков: птичка, змейка, струйка, мелкая волна, уточка, уголок. Новые элементы декора на шейках и стенках — это оттиски ранее не известных фигурных штампов (углубленные «рамчатый» ромбический, треугольный и прямоугольный с мелкими жемчужинами, так называемые глазчатые узоры и др.), а также «свисающие» вертикальные и косые ленты, составленные из оттисков гребёнки, змейки и мелкоструйчатого штампа, завершающие орна-

Ил. 16. Селище Сартым-Урий 16. Раскоп 11. Карымская керамика типов II (1–10, 12–18) и IV (11, 19)

ментальную композицию на стенках. На сосудах II типа «рамчатая» уточка оттиснута вертикально или под наклоном вправо. Её оттиски обычно выстроены в один горизонтальный концентрический ряд (ил. 16 – 2, 4, 5), в одном случае – в два (ил. 16 – 1), при этом верхний ряд частично наложен на нижний. На одном горшке в нижней орнаментальной зоне прослежен «сбой». До определённого места «свисающие» косые ленты были нанесены фигурным штампом в виде «птички»; далее они были оттиснуты чеканом «рамчатая уточка», причём под другим наклоном и более плотно (ил. 16 – 18). Оттиски в виде «уточки» выстроены в одну – две линии (ил. 16 – 7, 9). На одном сосуде встречены плотно поставленные вертикальные оттиски оригинального штампа в виде столбика из четырех глазков-жемчужин (ил. 16 – 8). Необычен орнаментальный поясок, составленный из уточек и прямоугольных(?) фигур, нанесённых коротким, узким и гладким чеканом, производящий впечатление меандрийного декора (ил. 16 – 14). Однако наиболее показательным и легко узнаваемым карымским фигурно-штампованным узором являются отпечатки рамчатого ромбического чекана с четырьмя мелкими глазками-перлами. Такие оттиски обычно встречаются в основании шейки или на плечиках (ил. 16 – 3, 6, 10, 12, 15–17), но иногда – в основании орнаментальной зоны на стенках (ил. 16 – 9, 13). Они выстроены довольно плотно, в два – четыре ряда, в шахматном порядке. Иногда их заменяют оттиски треугольного штампа с тремя глазками, упорядоченные таким же образом (ил. 16 – 4, 5). В одном случае отпечатки рамчатого штампа были выстроены зигзагом или треугольными фестонами (ил. 16 – 13).

Тип III (ил. 17, 18 – 1, 2, 4–7, 9, 10). Посуда этого типа в основном массивная, толстостенная (0,6–1,0 см) и более грубая. Обработана снаружи и изнутри щепой, а затем заглажена мягким предметом (рукой, травой), но не слишком тщательно: следы полос на глине от шпателя всё же прослеживаются. В глине визуально фиксируются добавки шамота и песка. Обжиг сосудов неравномерный, костровый. Цвет черепков преимущественно серо-жёлтый и желто-серый, на отдельных черепках сохранился нагар. Диаметры ёмкостей по устью достигают 20–30 см. Сосуды III типа по своим размерам часто крупнее остальной посуды. Ёмкости горшковидные (единичны баночные), со средней и высокой (3–5 см) шейкой, слегка отогнутой наружу, слабо профилированными плечиками и туловом, вытянутой и зауженной придонной частью. Венчики у сосудов широкие и средней ширины (до 1,0 см), уплощенные горизонтальные со скруглёнными краями. Плоских днищ

Ил. 17. Селище Сартым-урий 16. Раскоп 11. Карымская керамика типа III

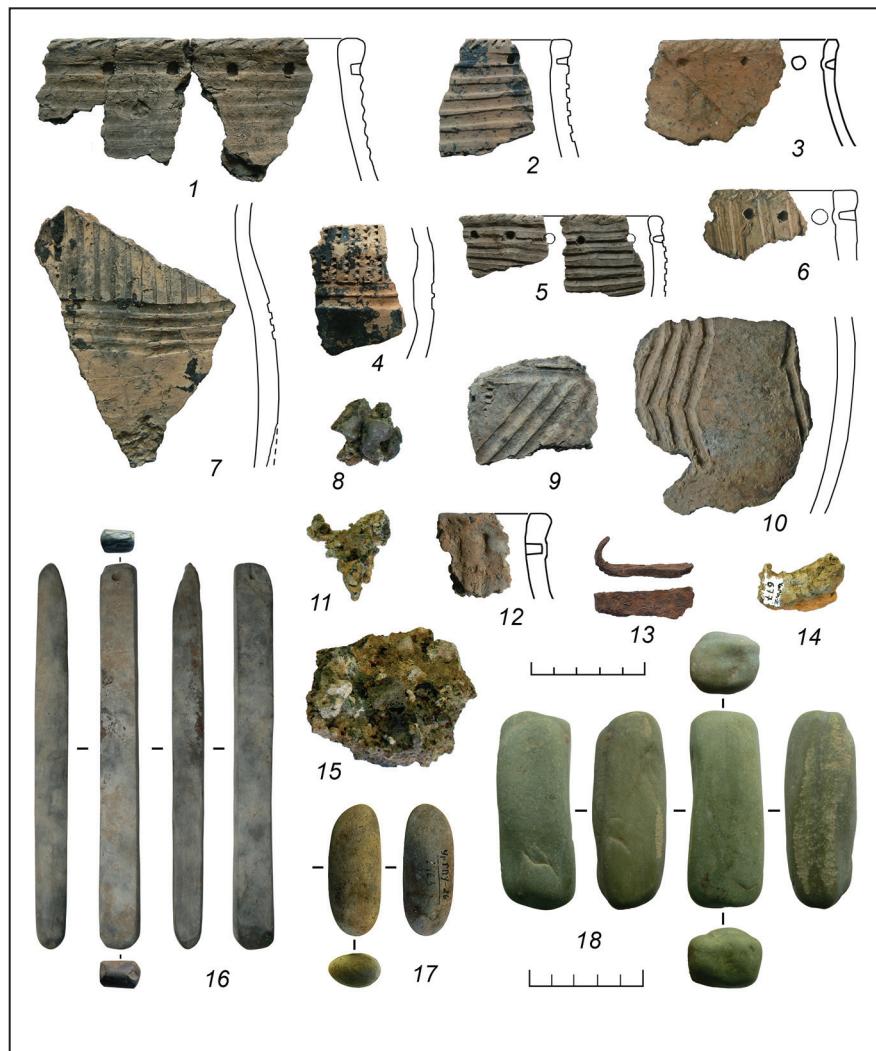
и поддонов, относящихся к данным сосудам, не обнаружено. На одной шейке имеется сквозное отверстие. Внешне сосуды данного типа производят впечатление хозяйственной и даже производственной посуды, но никак не столовой.

Орнаменты выполнены толстыми палочками, шпателями с плоскими зубцами шириной 4–5 мм либо узкими лопатками с длинным гладким рабочим краем, а также короткими гребенчатыми чеканами. Узоры покрывают половину или чуть более половины внешней поверхности сосуда. При этом они более разреженные на тулове. Края венчиков обычно украшены косыми насечками, нанесёнными гладкими чеканами: у четырёх горшков — с обеих сторон, у семи — только с внешнего края. У одного горшка верхний срез орнаментирован по всей ширине, у других он вообще без декора. На всех сосудах, кроме одного, на шейке под венчиком фиксируется поясок глубоких ямок; в одном случае ямки выстроены в шахматном порядке (ил. 17 — 1). Углубления обычно большие глубокие круглые, в редких случаях — мелкие подквадратные, подромбические или подтреугольные. Шейки и стенки сосудов украшены желобками трапециевидного и треугольного сечения, шириной 4–5 мм. Между ними фиксируются узкие (1–3 мм) уплощенные и заострённые валики. Точнее, их подобия: в данной коллекции валики специально не формовались и представляли собой поверхность сосуда между параллельными желобками. Иными словами, они оставались после выдавливания гладким или зубчатым шпателем желобков на влажной глине формующегося сосуда. Шейку и плечики украшает зона из 7–8 параллельных концентрических желобков. Ниже её — на стенках — следует зона из вертикальных и наклонных сгруппированных желобков, разделённых большими промежутками. В одном случае желобки были объединены по 5–6 в виде вертикального зигзага (ил. 17 — 2; 18 — 10). У одного сосуда параллельные вертикальные желобки зафиксированы на шейке у самого венчика (ил. 17 — 7). В пяти случаях (3 обломка шеек, 2 фрагмента стенок) в орнаментальную схему включены горизонтальные концентрические пояски из вертикальных оттисков короткого гребенчатого штампа (ил. 17 — 3, 5, 8; 18 — 4, 9).

Тип IV (ил. 16 — 11, 19; 18 — 3). К посуде этого типа нами отнесено 8 фрагментов от 3–4 сосудов. Почти по всем характеристикам они сходны с посудой I карымского типа, отчасти — II, а также с кулайской. Это горшки средних и больших размеров, с отогнутой наружу дуговидной шейкой и выпуклыми слабопрофилированными

плечиками. Тулова и нижние части сосудов не реконструируются. Черепки серо-жёлтых, жёлто-серых и светло-жёлтых цветов, с чёрным пригаром изнутри и в одном случае — нагаром снаружи. В глине визуально прослеживаются примеси песка и мелкотолченого шамота.

Ил. 18. Селище Сартым-Урий 16. Раскоп 11. Карымская керамика типов III (1, 2, 4–7, 9, 10), IV (3) и неопределенная (12); шлаки (8, 11, 15); обломок железного изделия (13); глиняная обмазка (14); каменные оселки (16–18)

Поверхность сосудов обработана щепой и затем заглажена мягким предметом. Венчики ёмкостей уплощенные, в одном случае сильно скошенные внутрь (ил. 16 – 19), но без закраины.

У двух горшков внешний край венчика украшен косыми гладкими насечками и гребенчатыми отисками. В первом случае это могли быть отпечатки ногтей. На шейке под венчиком имеется поясок ямок неправильной округлой и подромбической формы. Ниже орнамент на сосудах отсутствует.

Карымская керамика в пределах раскопа 11 залегала неравномерно (ил. 14). Основная масса её обломков была связана с жилищем № 3 (621 фрагмент = 50,1%) и межжилищным пространством, включая заполнение многих ям (590 фрагментов = 47,9%). Посуда здесь распределяется почти поровну. В объектах № 19 и 23 она единична, соответственно: 4 и 24 фрагмента (0,3 и 1,9 %)⁴. В помещении жилища № 3 обнаружено 385 обломков (31,1%); снаружи данного объекта, в его завалинке – 236 (19,0%). Из посуды, найденной в помещении, 322 фрагмента (26,0%) собрано в котловане (в том числе: 222 фрагмента – 17,9% – в очаге), а 63 (5,1%) – вокруг котлована, на территории предполагаемых нар. В межжилищном пространстве основная часть обломков посуды залегала перед жилищем № 3, рядом с его восточной стеной, недалеко от входа. Значительно меньше черепков обнаружено к югу от жилища, единичные – к северу от него. В последнем случае подавляющая их часть концентрировалась на участках А–Б/02, рядом с ямой 3. 221 фрагмент (17,9%) относится к сосуду, обнаруженному в заполнении ямы 1 (уч. В/1). Возможно, здесь находилось какое-то хозяйственное помещение.

Керамика первых трёх типов встречалась почти по всему раскопу, но распределялась неравномерно. Орнаментированных обломков керамики I и III типов – равное количество: по 123; без учёта находок в отвалах, соответственно: 111 и 118.

Между тем *посуда I типа* залегала по всему раскопу. Она найдена во всех объектах (№ 3, 19, 23) и на межжилищном пространстве. Не было её только в яме 1. Максимальное количество её обломков обнаружено в обваловке-завалинке (31 фрагмент = 27,9%), центральном очаге (23 фрагмента = 20,7%) и за пределами построек (29 фрагментов = 26,1%). При этом с жилищем связано 79 фрагментов (71,2%), в том числе с его котлованом – 48 (43,2%).

Обломков *посуды III типа* больше всего найдено в завалинке жилища № 3 (56 фрагментов = 47,5%), на межжилищном пространстве

(35 фрагментов = 29,7%) и в яме 1 (15 фрагментов = 12,7%). В объектах № 19 и 23 её не было. Внутри жилища № 3 обнаружено всего 12 обломков (10,2%), в том числе в центральном очаге — только 1.

Орнаментированных черепков *сосудов II типа* относительно немногого — 89. Они найдены на территории жилища № 3 (37 фрагментов = 75,5%), № 23 (2 фрагмента = 4,1%) и на межжилищном пространстве (10 фрагментов = 20,4%). Довольно много их внутри жилища № 3 (27 фрагментов = 55,1%) и его центральном очаге (13 фрагментов = 26,5%). Нет керамики данного типа только в постройке № 19 и яме 1.

Редкие обломки *сосудов IV типа* найдены в очаге (2 фрагмента), завалинке жилища № 3 (2 фрагмента), постройке № 19 (1 фрагмент) и на межжилищном пространстве (3 фрагмента).

В целом, в очаге, расположенному в котловане жилища № 3, доминировала керамика I и II типов, посуда III типа представлена одним обломком, а керамики IV типа там вообще не было. Всего внутри жилища найдено чуть более половины орнаментированных обломков сосудов II типа, менее половины — I и всего десятая часть — III. В обваловке вокруг жилища № 3 и на межжилищном пространстве больше всего было посуды III типа; только эта керамика найдена в яме 1. В постройке № 23 залегали черепки сосудов I и II типов, а в постройке № 19 — I и IV.

Предметы из камня — 51 экз. Из них три можно определить как орудия. Они найдены в котловане и обваловке стены жилища № 3, а также в отвале из уч. А—Б/1—2. Остальные камни, обнаруженные в жилище и за его пределами, не имеют видимых следов обработки.

Оселки — абразивные бруски, по-видимому, для заточки металлических изделий. Для одного из них использована темно-зелёная порода. Он небольшой (87x29—33x28—33 мм), уплощенный, прямоугольного плана и сечения, с закругленными гранями (ил. 18 — 18). Для другого взята беловато-серая мелкозернистая порода. Предмет длинный, прямоугольный, подквадратного сечения (168x16—17x12—13 мм), с отверстием у одного из концов для подвешивания к поясу (ил. 18 — 16). Среди белоярских и кулайских материалов таких изделий нет, хотя известны короткие прямоугольные оселки из галек, в том числе с отверстиями. Карымские же абразивы имели вид обычных камней с пришлифованными поверхностями. Описанные вещи с селища Сартым-Урий 16 производят впечатление импортных. В частности, второму изделию известны многочисленные аналогии в скифо-сарматском

инвентаре, который, однако, датируется ранним железным веком. В качестве заготовки для третьего абразива была использована вытянутая овальная галька. Цвет камня — светлый жёлто-серый. Размеры изделия — 5,8x2,3x1,5 см. На трёх длинных слегка уплощенных сторонах камня фиксируются слабые следы сработанности и пришлифовки (ил. 18 – 17).

На памятнике найдены также *кусочки железного шлака* — 36 экз. (ил. 18 – 8, 11, 15) и *обожжённой глины (обмазки)* — 4 экз. (ил. 18 – 14).

Фрагмент железного изделия найден у края обваловки жилища № 3, практически на поверхности заполнения ямы 1. Представляет собой сильно вытянутую подтреугольную пластинку, узкий слегка закругленный конец которой загнут в виде крючка. Длина её 2,9 см, максимальная ширина 0,9 см, диаметр крюка 1,1 см (ил. 18 – 13).

Остеологические материалы. Все костные остатки обнаружены в центральном очаге жилища № 3 и в яме 5 под ним. Они представляют собой мелкие кальцинированные обломки⁶.

Таблица
Результаты остеологических определений костных остатков
из раскопа 11 селища Сартым-Урий 16

Местонахождение	Вид	Количество костей	Минимальное количество особей
Уч. А/1-01, жилище № 3, очаг	Северный олень	2	1
	Лисица	1	1
	Бобр	1	1
	Соболь	1	1
	Щука	23	Неопред.
	Млекопитающие	65	Неопред.
	Рыба	17	Неопред.
Уч. А/1, жилище № 3, яма 5 под очагом	Белка	2	1
	Щука	22	Неопред.
	Окунь	1	Неопред.
	Карповые	6	Неопред.
	Осетровые	1	Неопред.
	Млекопитающие	24	Неопред.
	Рыба	16	Неопред.

Раскопом 12 площадью 100 кв. м и двумя траншеями, заложенными поблизости от него, выяснено, что скопление впадин диаметром до 3–5 м, расположенных в 70–150 м к востоку от края берега, имеет естественное происхождение, связанное с древними лесовалами. Необходимость проверки характера впадин на таком удалении от берега была вызвана

рядом причин. Во-первых, многие из них больше напоминали остатки древних объектов, чем углубления, оставшиеся от некоторых древних построек, раскопанных вдоль береговой кромки. Во-вторых, авторам известны поселения, расположенные на ещё большем удалении от берега (на Барсовой горе, в Сайгатино и т. д.).

Всего же в ходе 5-летних охранных раскопок на селище Сартым-Урий 16 экспедицией УрГПУ – УрГУ были исследованы остатки 16 жилищ и производственных построек карымского времени (рубеж III/IV – нач. VI вв.), 3 жилища и 2 хозяйственных постройки вожпайского периода (IX–X вв.) и небольшой кулайский комплекс нач. I тыс. Уже после наших работ, в августе–сентябре 2012 г., экспедициями под руководством С.А. Мызникова и В.А. Маракулина на селище Сартым-Урий 16 были вскрыты последние выраженные в рельефе 6 объектов (общая площадь этих раскопов составила 1500 кв. м)⁷. Все они датированы карымским периодом. При этом выяснилось, что последний объект находился на самом мысу и представлял собой какую-то хозяйственную (промышленную?) постройку (ил. 1). Возможно, здесь хранились снасти, стояли лодки обитателей древнего поселка.

На сегодняшний день памятники на протоке Сартым-урий являются самым детально изученным комплексом поселений раннего Средневековья в средней и северной тайге Приобья. Его материалы являются опорными для характеристики карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности и отчасти – для вожпайских древностей. Однако исследования этого комплекса не закончены. Между раскопами основной части селища Сартым-Урий 16 и постройкой на мысу расстояние вдоль берега составляет 24 м, и на нём можно ожидать новых открытий. Не раскопана и южная часть городища Сартым-Урий 18. Детальное изучение остатков его фортификаций, а также пространства между краем террасы и южным концом рва может пролить свет на то, почему значительная часть внутренней площадки осталась незастроенной, почему не закончено возведение оборонительных сооружений, что случилось с населением укрепленного посёлка. Завершение раскопок этих памятников актуально и из-за угрозы их уничтожения при непредвиденных ситуациях на трубопроводах, как это показал горький опыт 2000 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный порядковый номер был присвоен постройке потому, что впадина с таким же номером, исследованная в раскопе 12 в 100 м восточнее края берега, оказалась естественной – от древнего выворотня.

² Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 168—178; Говейлер Т.А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. — Пермь: Пермский гос. пед. у-т, 2007. — С. 187—190.

³ Только в одном жилище 5, расположеннном в центре данного селища, в 2008 г. был найден карымский сосуд типа III, имевший неорнаментированный поддон. — См.: Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 240. Ил. 9 — 1.

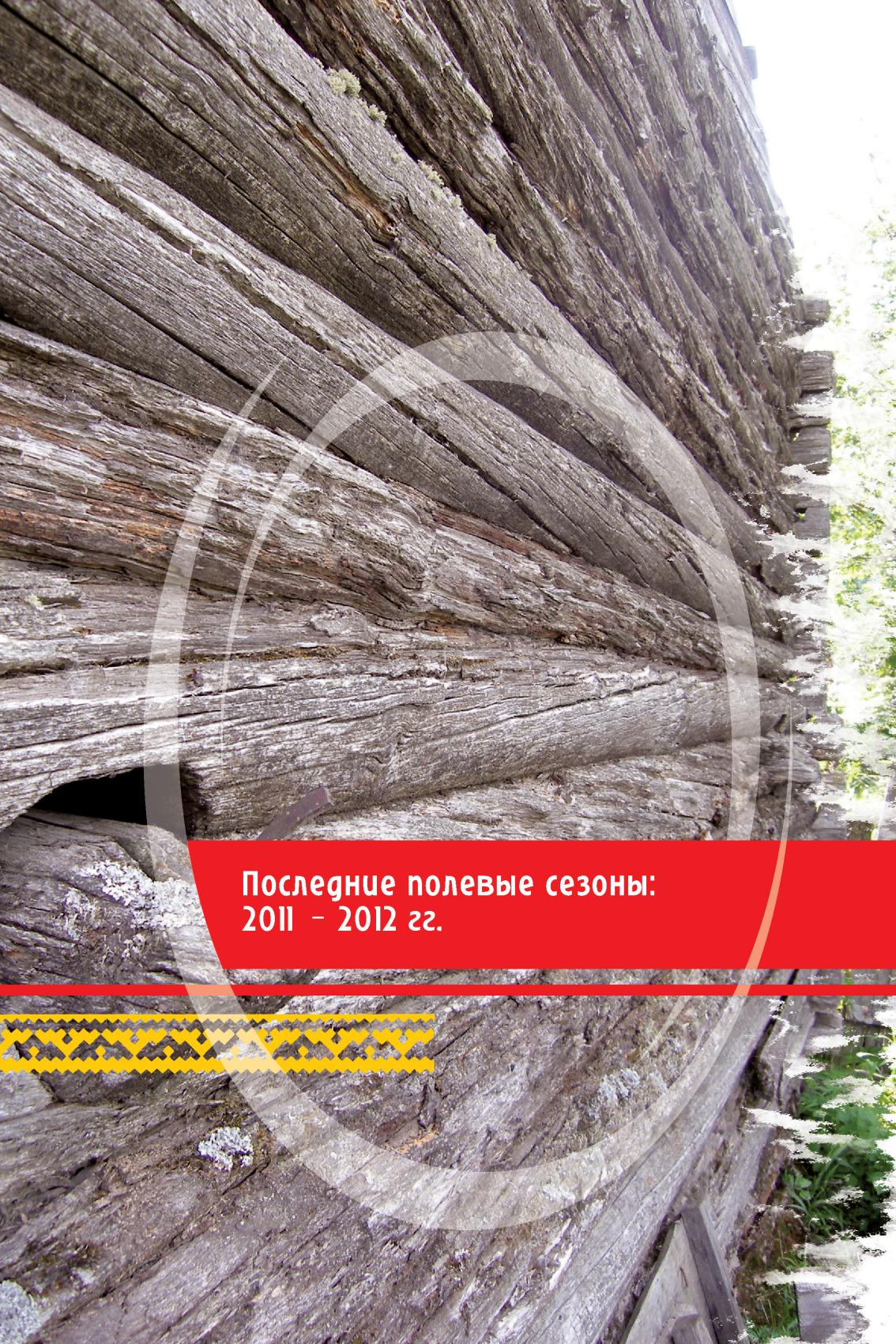
⁴ Поясок жемчужин без ямок зафиксирован на трёх сосудах типа I (из 15), на двух сосудах типа II (из 17) и одном — неопределенном (ил. 18 — 12). Жемчужины, чередующиеся в одном ряду с ямками, отмечены на двух сосудах типа I и на одном — типа II.

⁵ Здесь и далее расчёт проведен от 1239 обломков керамики, т. е. без учёта 138 фрагментов (10,0%), собранных в отвалах.

⁶ Анализ остеологических остатков и определение видов животных и рыб выполнены канд. биол. наук, с.н.с. Ин-та экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцевым.

⁷ Авторы благодарны С.А. Мызникову и В.А. Маракулину за информацию о результатах раскопок.

Последние полевые сезоны:
2011 – 2012 гг.

Работы по сохранению поселений Балинское 53, Балинское 54 и Балинское 56 на Приобском месторождении нефти в ХМАО – Югре в 2012 г.

М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова
г. Нефтеюганск
ООО «НПО «Северная археология – 1»

В августе 2011 г. при натурном обследовании правобережной части Приобского месторождения, в верхнем течении р. Балинской выявлено семь объектов археологического наследия. Три из них – поселения Балинское 53, Балинское 54, Балинское 56 – были расположены в створе проектируемого коридора коммуникаций и подвергались угрозе разрушения. Для их спасения был разработан перечень необходимых охранных мероприятий – «Проект проведения работ по сохранению выявленных объектов археологического наследия – Балинское 52–58 – в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры в 2012 г.» (утверждён Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры)¹.

В июне 2012 г. по территории указанных объектов был проложен коридор коммуникаций. В августе того же года проведены спасательные археологические раскопки в пределах границ коридора коммуникаций.

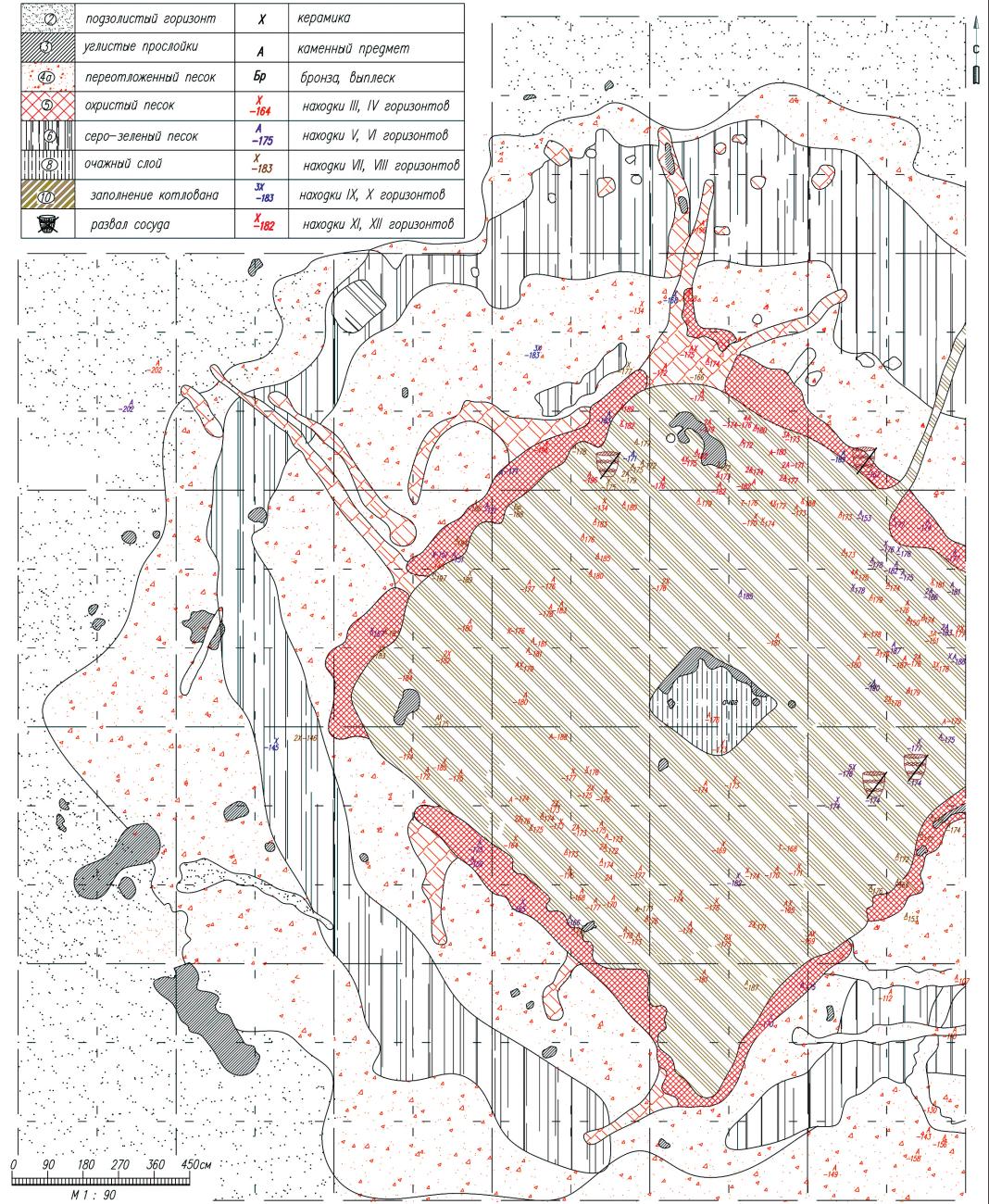
Поселение Балинское 53

Поселение располагалось в глубине второй надпойменной террасы левого берега р. Балинской. Археологическое сооружение фиксировалось в рельефе в виде впадины прямоугольной формы размерами 13x14 м и глубиной до 1,4 м с круговой обваловкой шириной до 10 м при высоте до 0,7 м. Общие размеры 27x26 м. Поверхность памятника была значительно повреждена гусеничной техникой. Восточный край сооружения оказался погребённым под насыпью действующей автодороги².

Проведено исследование видимого на поверхности сооружения и прилегающего к нему пространства. Площадь раскопа составила 1848 кв. м.

Условные обозначения

(2)	подзолистый горизонт	X	керамика
(3)	углистые прослойки	A	каменный предмет
(4)	переотложенный песок	Бр	бронза, выплеск
(5)	окристый песок	X -164	находки III, IV горизонтов
(6)	серо-зеленый песок	X -175	находки V, VI горизонтов
(8)	очажный слой	X -183	находки VII, VIII горизонтов
(10)	заполнение котлована	X -183	находки IX, X горизонтов
руб.	развал сосуда	X -182	находки XI, XII горизонтов

Ил. 1. Поселение Балинское 53. Сводный план очертаний и находок раскопа на кв. Л-Р/6-10. III–XII горизонты

Изучена крупная, слабо углублённая постройка каркасной конструкции с очагом (ил. 1). Полезная площадь постройки — до 200 кв. м, а общая площадь объекта — около 600 кв. м. Котлован имел форму квадрата размерами 14x14 м и был ориентирован по линии северо-запад — юго-восток. Его края подсыпаны охрой. В центре постройки находился открытый очаг, который выглядел как прямоугольное пятно серо-коричневого песка размерами 2,4x2,0 м. Возможно, очаг располагался в деревянной раме.

Вдоль стен котлована по его внутреннему контуру прослежены канавки шириной до 0,4 м и глубиной до 0,2 м, заполненные охристым песком. На дне канавок обнаружены фрагменты обугленных плашек и скопления керамики. В северо-восточном углу найдены два крупных каменных шлифованных изделия со следами сильного нагрева, уложенные параллельно друг другу.

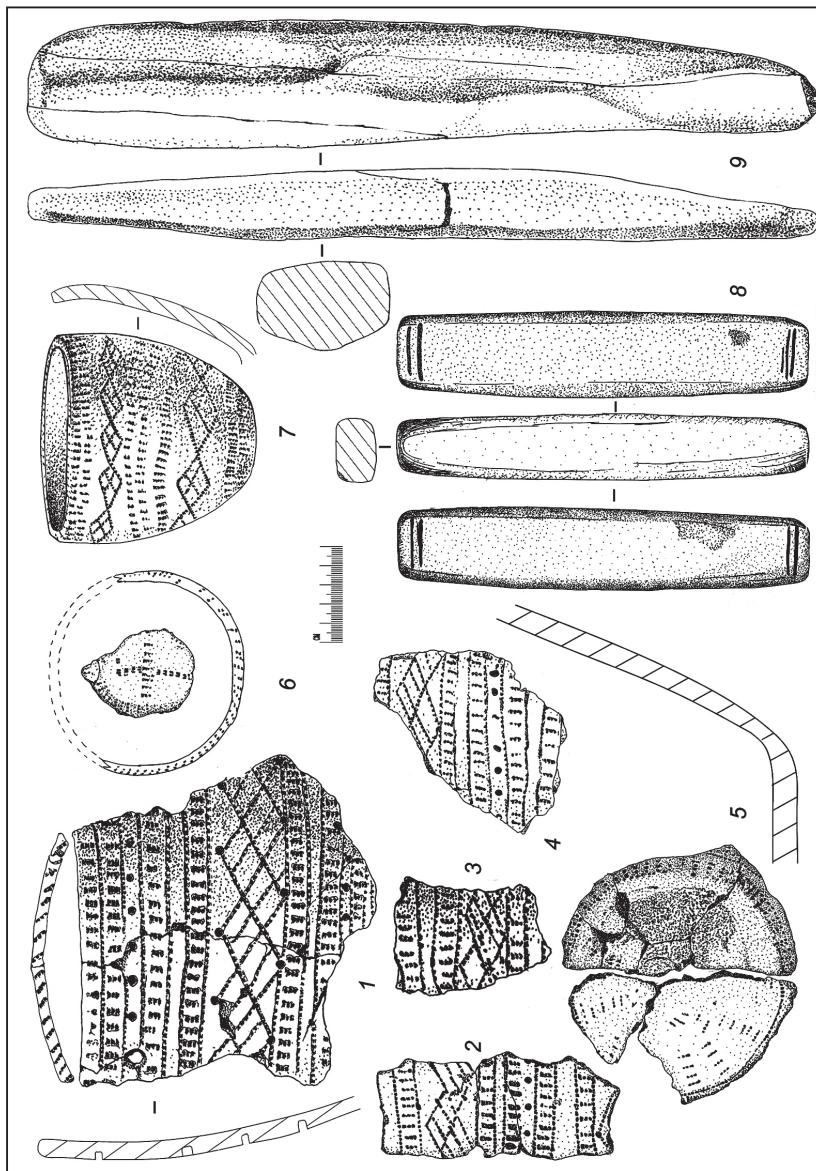
По периметру впадины располагалась валообразная насыпь из переотложенного серо-жёлтого песка мощностью до 0,5 м и оподзоленная на глубину до 0,2 м. При строительстве стены присыпались песком, а после разрушения стен насыпь затекла в котлован и расплылась по внешнему контуру. Обваловка залегает на слабо выраженном погребённом дерне. В слое обваловки и на погребённом дёрне находки не обнаружены.

Под обваловкой на материке прослеживались канавки, прокопанные от края котлована к внешнему контуру сооружения. Их длина ок. 4,0 м при средней ширине до 0,4 м. Можно предполагать, что эти канавки служили для проветривания и сезонного просушивания постройки.

В северо-восточном секторе постройки внутри внешнего контура обваловки на погребённом дёрне отмечено девять столбовых ям, расположенных в два ряда. Часть из них имеет наклон к центру постройки. Иных остатков конструкции не выявлено ввиду полного разрушения древесины.

На юго-восточном краю котлована под слоем обваловки обнаружено небольшое количество находок, что может указывать на ориентировочное направление выхода из постройки, однако восточный сектор сооружения погребён под насыпью автодороги.

В ходе исследований обнаружено 976 находок. Керамический комплекс включает фрагменты семи сосудов бытового назначения баночной формы с плоским дном (ил. 2). Глиняное тесто в качестве примеси содержит шамот, дроблённую каменную крошку, песок. Стенки сосудов толщиной 6—9 мм снаружи хорошо заглажены. Гребенчато-ямочный орнамент покрывает сосуды от венчика до дна. Он выполнен гребен-

Ил. 2. Поселение Балинское 53. Комплекс полымьтского типа бронзового века перв. пол. – сер. II тыс. до н. э.
1–4 – верхняя и средняя части сосуда 1; 5, 6 – придонные части сосудов 1, 2; 7 – реконструкция внешнего
вида сосуда 3; 8, 9 – шлифованные изделия

чатыми штампами в печатной технике и концом круглой палочки. Часть ёмкостей формовалась на сосудах-шаблонах, орнамент которых отпечатался на внутренних стенках новых изделий. Подтверждением наличия металлообработки являются два фрагмента тигля, обломок литейной формы и осколок бронзового изделия. На основании типологического анализа комплекс отнесён к полымъятскому типу бронзового века досейминского времени, датируемого перв. пол. — сер. II тыс. до н. э.³

Каменный инвентарь насчитывает 753 ед. В основном это отщепы, пластинчатые сколы, осколки, расколотые гальки, ядрища. Орудийный комплекс выполнен на кварцевых отщепах; определены скребки, острия, резчики, ножи, долотовидные изделия. Орудия использовались в операциях по скоблению органических материалов (шкур) и обработке дерева. Артефакты залегали в котловане, вне сооружения находки единичны.

В 2005 г. в нижнем течении р. Балинской исследован памятник с аналогичным керамическим комплексом — поселение Балинское 1⁴.

Получена радиоуглеродная дата: 3920+70 лет (ЛУ-5133). Возраст рассчитан от 1950 г.

Для выявления культурного слоя от раскопа до границ коридора заложены траншеи общей площадью 60 кв. м. Установлено, что культурный слой залегает локально, площадь его распространения совпадает с площадью поселенческого сооружения. Общая площадь раскопа и траншей составила 1908 кв. м.

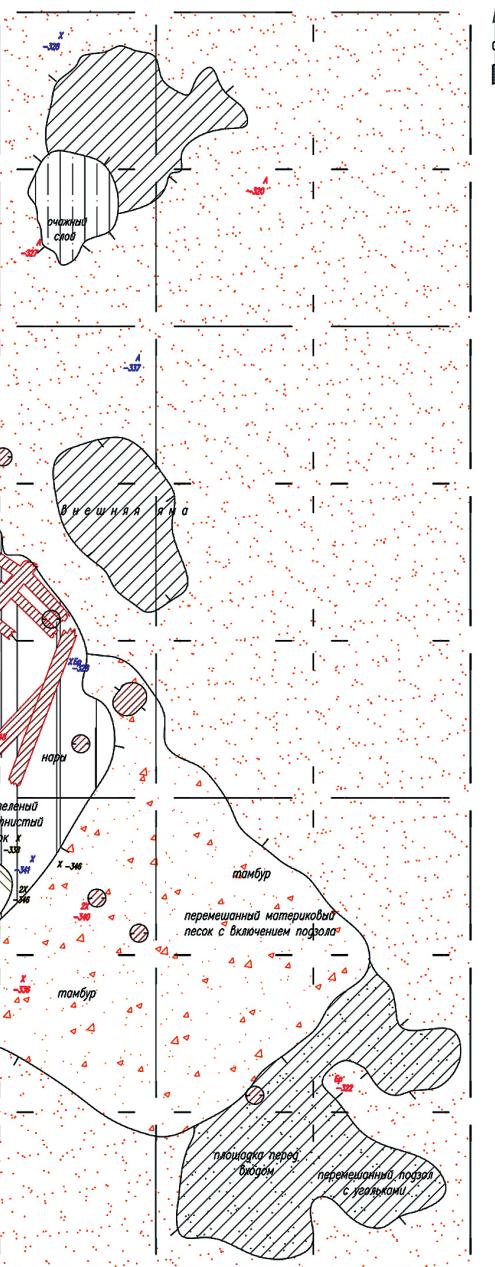
Поселение Балинское 54

Поселение расположено на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Балинской. На момент выявления на поверхности памятника фиксировалось три наземных сооружения. При строительстве коридора коммуникаций территория поселения сильно пострадала. Сооружение 1 перекрыто насыпью действующей автодороги. Сооружение 2 оказалось под насыпью съезда с автодороги, в ходе работ экскаватором был удален грунт. Сооружение 3 было уничтожено при прокладке трасс трубопроводов⁵.

Сооружение 2 исследовано раскопом 2 площадью 360 кв. м. Изучены остатки наземной постройки с очагом, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток.: Размеры центральной части постройки 4,2x3,6 м, общие размеры — 7,2x6,0 м, площадь до 45 кв. м (ил. 3). По периметру центральной части постройки располагалась вало-

Условные обозначения

1	подзол	слой деревянных элементов постройки
2	уэлестные прослойки	2A -318 находки I,II горизонт
3	материк	4 -334 находки III,IV горизонт
4	переотложенный песок	2A -330 находки V,VI горизонт
5	окристый песок	3A -327 находки VII,VIII горизонт
6	серо-зеленый песок	X керамика
7	очажный слой	A каменный предмет
8	заполнение котлована	бр бронза, выплеск

Ил. 3. Поселение Балинское 54. Сводный план очертаний и находок раскопа 2 на кв. О-Р/23-25. I—VIII горизонты

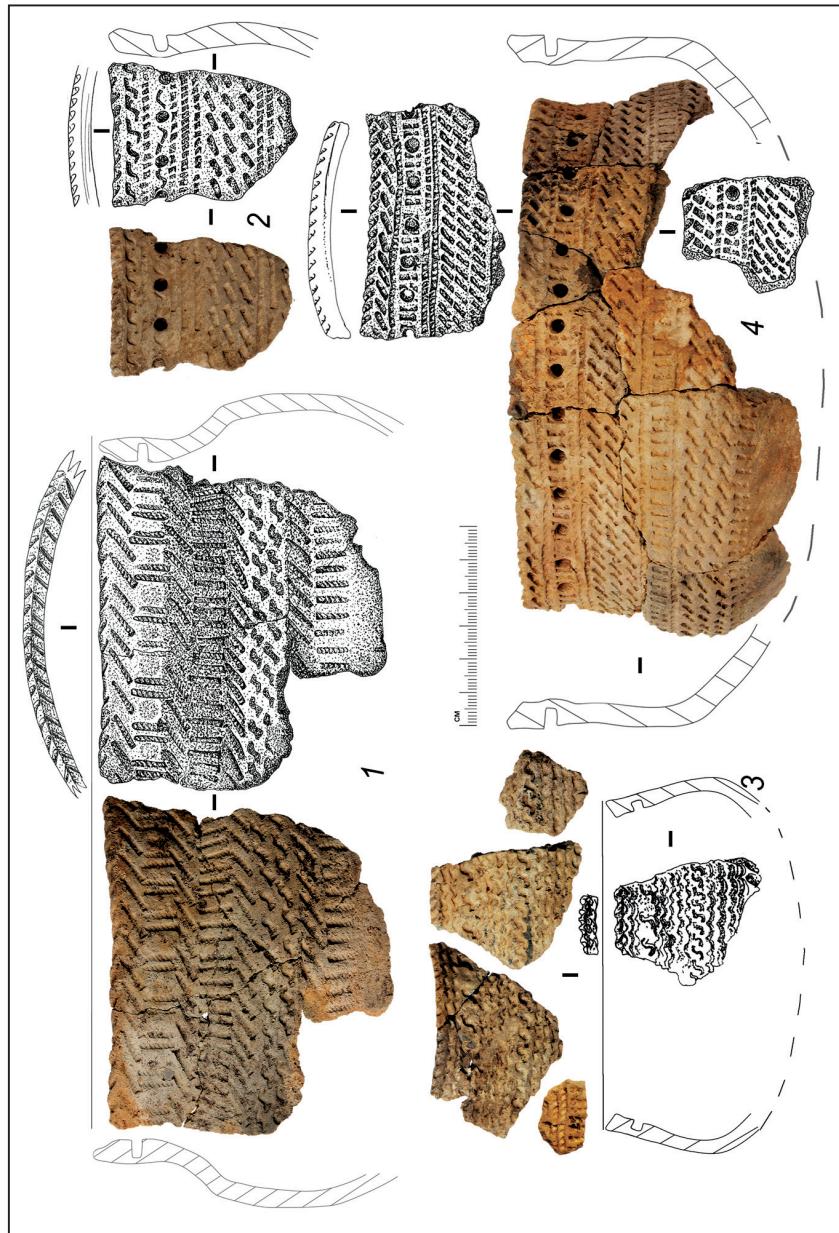
образная насыпь мощностью до 0,2 м, залегающая на погребённом подзоле. Выявлены остатки обрешётки стен постройки и обкладка жердями контура центральной площадки. Заполнение центральной части постройки сильно оподзолено, участки дна окрашены охрой в рыже-оранжевый цвет. Слой «спальных» мест выражен слабо. В центре фиксировались остатки очага размерами 0,9x0,8 м. Прямоугольная форма очажного пятна позволяет предполагать наличие деревянной рамы. В заполнении очага выявлено большое количество керамики, выплесков бронзы, кальцинированных костных остатков. Под очагом отмечена ярко выраженная охристая прослойка. В юго-восточном секторе постройки располагался привходовой тамбур размером 4,0x3,8 м площадью до 16 кв. м.

В северном секторе сооружения, за пределами обваловки располагались три крупные внешние ямы. В их заполнении находок не встречено. К северу от постройки, на краю берега, прослежены остатки уличного очага. Стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что в конструкции постройки отсутствовали значительно заглубленные несущие балки каркаса.

Основная часть артефактов обнаружена на полу постройки и в очаге, вне постройки находки единичны. В коллекции представлены фрагменты керамических круглодонных слабопрофилированных и котловидных сосудов (ил. 4). Венчики сильно скосены внутрь, имеют значительный карниз. Орнамент густой и спускается по тулову сосуда, представлен наклонными оттисками гребенчатого штампа. Встречаются также штампы — змейчатый, уголковый, в форме «уточки». Основу орнаментальных композиций составляют чередования горизонтальных и наклонных поясков оттисков одного-двух штампов.

В очаге собрано значительное количество выплесков бронзы, свидетельствующих о развитом бронзолитейном деле. Каменные предметы в коллекции представлены 36 ед. Большинство составляют кварцевые отщепы, осколки и нуклевидные формы на кварцевых гальках. Орудийный комплекс представлен концевыми скребками на кварцевых отщепах, которые использовались для скобления мягких волокнистых материалов (обработка шкур).

Керамический материал отнесен к позднему этапу существования кулайской культуры (I в. до н. э. — III в.)⁶. Ранее было проведено радиоуглеродное датирование памятника с аналогичным керамическим комплексом — поселения Кедровая 2 — и получена дата: 2100+150BP (SPb 336), т. е. I в. до н. э. — рубеж эр⁷. Однако керамический ком-

Ил. 4. Поселение Баринское 54. Раскоп 2. Керамический комплекс позднего этапа кульской культуры (I в. до н. э. – III в.). 1 – развал керамического сосуда I; 2 – орнаментированный бенчик сосуда 4; 3 – орнаментированные фрагменты сосуда 7; 4 – развал керамического сосуда 3

плекс поселения Балинское 54 может иметь несколько более поздний возраст.

В районе сооружения 3 заложен раскоп 3 площадью 128 кв. м. Слой был сильно разрушен и не содержал следов древних сооружений и находок.

Для выявления культурного слоя от раскопов до границ коридора проведена закладка траншей общей площадью 110 кв. м. На междиллищном пространстве следы жизнедеятельности и артефакты не выявлены. Площадь проведения противоаварийных спасательных археологических работ на поселении Балинское 54 составила 598 кв. м.

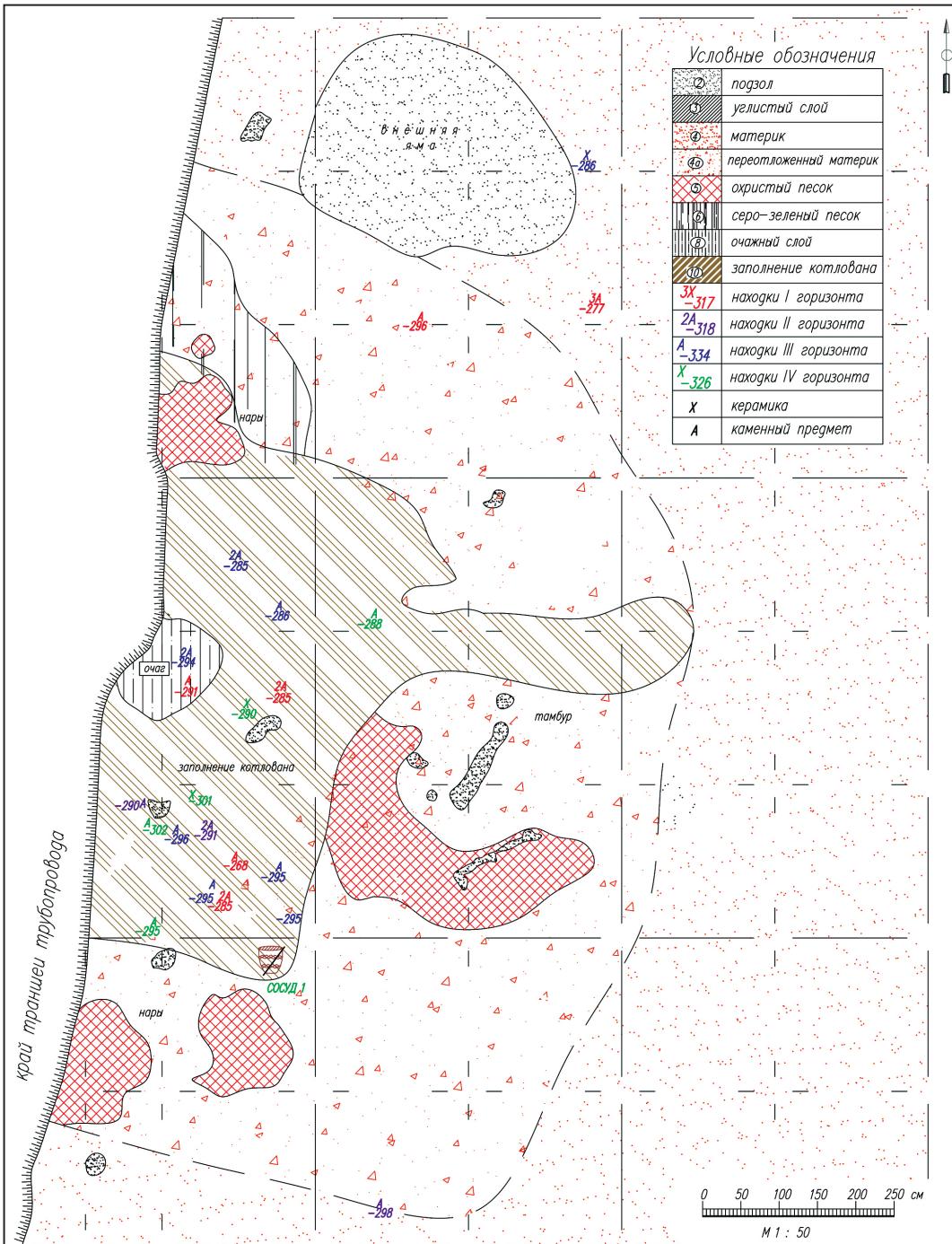
Поселение Балинское 56

Поселение расположено на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Балинской и выражено на поверхности двумя археологическими сооружениями. В 2012 г. западная часть памятника была уничтожена коридором коммуникаций, сооружение 2 не разрушено, от сооружения 1 сохранилась только восточная часть⁸.

На сооружении 1 был заложен раскоп площадью 264 кв. м, изучена часть слабо углубленной постройки каркасной конструкции с очагом, которая была ориентирована с северо-запада юго-восток (ил. 5). До разрушения сооружения его размеры составляли 15x14 м, а общие размеры сохранившейся части — 12x7 м.

Прослежены края котлована глубиной до 0,2 м. Заполнение значительно оподзолено, вследствие чего граница дна просматривалась слабо. Очажный слой практически не фиксировался, в центре бывшей постройки просматривались слабые затёки коричнево-серого слоя в материк. По периметру объекта располагалась валообразная насыпь из переотложенного песка мощностью до 0,2 м. Местами под обваловкой были расчищены пятна охристого песка мощностью до 0,5 см — следы подсыпки нар охрой. В восточной части сооружения прослеживался разрыв обваловки — прямоугольное пятно переотложенного материкового песка размерами 2,8x1,3 м (предположительно, выход из постройки). В северо-западном секторе объекта, за внешним контуром обваловки, располагалась крупная яма.

В ходе полевых исследований обнаружено 69 находок. Керамический комплекс включает фрагменты трёх сосудов баночной формы с плоским дном, отнесённых к полымъятскому типу и датированных перв. пол. — сер. II тыс. до н. э.⁹ Большую часть каменных предметов составляют кварцевые отщепы, кварцевые гальки. Орудийный комплекс

Ил. 5. Поселение Балинское 56. Сводный план раскопа на кв. А-В/37-39

представлен скребками на кварцевых отщепах, которые, вероятно, использовались для скобления мягких волокнистых материалов (обработка шкур).

Основная часть находок обнаружена на уровне пола постройки и в очаге. Мелкие отходы камнеобработки собраны при просеивании заполнения котлована. Вне постройки находки единичны. Вероятно, сооружение было обитаемо непродолжительное время.

Общая площадь раскопов и траншей на трёх вышеуказанных поселениях составила 2770 кв. м. В пределах построенного коридора ограничений для эксплуатации нет. Однако к западу от коридора расположены городище Балинское 52 и поселение Балинское 55. Сохранности объектов угрожает непосредственная близость зоны хозяйственной деятельности. Для обеспечения сохранности объекта необходимы ежегодный мониторинг археологических объектов, мероприятия по информированию недропользователя, запрещение движения техники и проведения любых работ на территории выявленных объектов археологического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проект проведения работ по сохранению выявленных объектов археологического наследия — Балинское 52–58 — в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры в 2012 г. — Нефтеюганск, 2012 — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. IV. Д. 20.

² Баранов М.Ю. Отчёт о НИР: Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 53 в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области в 2012 г. — Нефтеюганск, 2013. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. I. Д. 360.

³ Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — Вып. 20. — С. 92–101; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск: Ханты-Мансийск, 2006. — Вып. 3. — С. 211–229.

⁴ Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Мат-лы Всероссийского археологического съезда. — Новосибирск, 2006. — С. 343–346; Баранов М.Ю. Отчёт о НИР: Археологические раскопки памятников археологии поселения Балинское 1 и городища Балинское 2 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры Тюменской области в 2005 г. — Нефтеюганск, 2006. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. I. Д. 158/1.

⁵ Чарусова И.С. Отчёт о НИР: Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 54 в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области в 2012 г. — Нефтеюганск, 2013. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. I. Д. 361.

⁶ Чемякин Ю.П. Барсова гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск, 2008. — С. 78—95.

⁷ Чарусова И.С., Баранов М.Ю. Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО — Югре в 2010 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2011. — С. 463—467.

⁸ Андреев А.С. Отчёт о НИР: Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 56 в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области в 2012 г. — Нефтеюганск, 2013. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. I. Д. 362.

⁹ Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды... — С. 92—101; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28... — С. 211—229.

Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5)

В.А. Борзунов, О.Н. Корочкива, В.И. Стефанов

г. Екатеринбург

Центр археологических исследований

Института гуманитарных наук и искусств

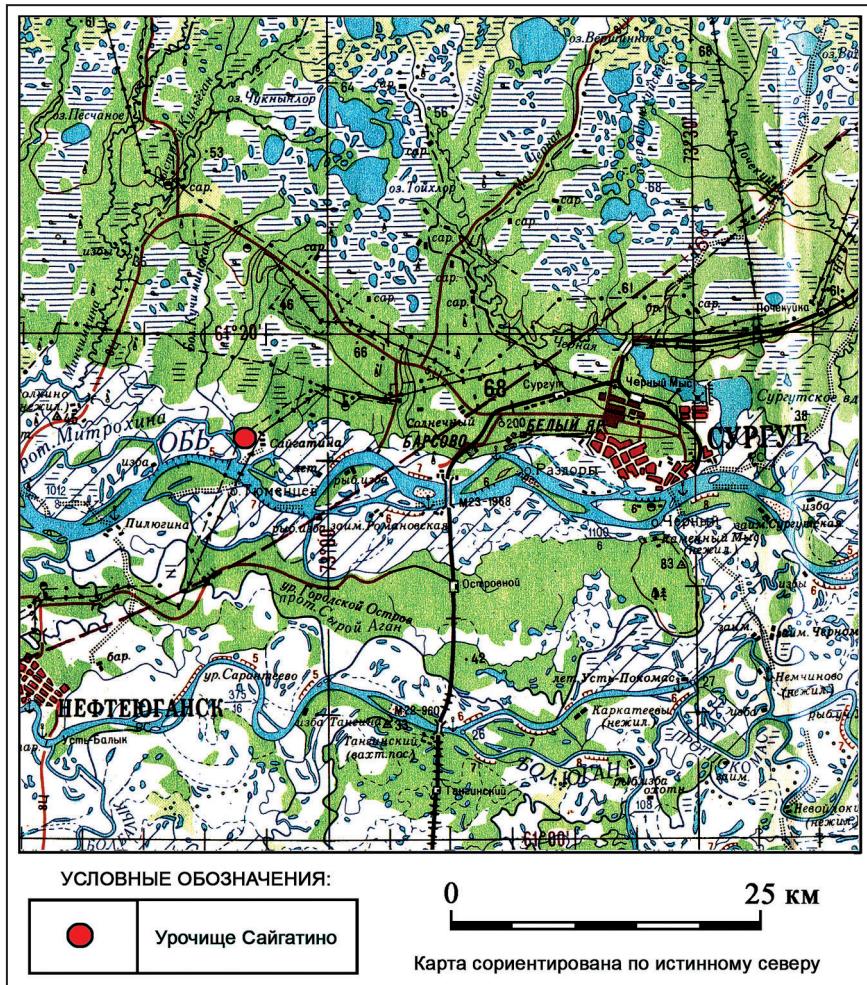
Уральского федерального университета

Местонахождение и краткая история исследования памятника*

Сайгатинский IV могильник находится в 28–30 км западнее г. Сургута, между старой д. Сайгатиной Сургутского р-на ХМАО – Югры и новым посёлком (Сайгатино) животноводческого комплекса той же деревни, в 0,4 км к югу от последнего (ил. 1–3). Географически памятник расположен в центральной части Западно-Сибирской равнины, на северо-востоке Среднеобской низменности, в Сургутском Приобье, на правом берегу Оби, на территории урочища Сайгатино. Последнее представляет собой оконечность обширного подтрапециевидного выступа-останца коренной обской террасы. С запада урочище ограничено р. Кучиминской с притоками, Кучиминским сором и протокой Кучиминской; с юга – протоками Большой Гнилой и Проточкой (Лебединая Шея); с востока и юго-востока – протокой Остяцкий Живец; с севера – р. Хаврониной и пойменным болотом. Некрополь занимает обширный (ок. 180x125 м), сравнительно невысокий (1,5–4,0 м над уровнем поймы) участок коренной террасы, удалённый от основного русла Оби на 1,6–2,0 км. Берег в этом месте слабоизогнутый, покатый, плавно переходящий в заболоченную низину. С западной стороны, где могильник частично совпадает с территорией Кучиминского XIX городища раннего железного века, береговая кромка террасы выражена более чётко (ил. 2–4).

* Авторы выражают глубокую признательность К.Г. Каракарову и Н.К. Стефановой за пре-доставленные сведения об истории исследования могильника.

Рельеф места работ равнинный, рассечённый. Поверхность террасы уплощенная, неровная, покрыта многочисленными древними и современными ямами, канавами и выкидами из них. До 1960-х гг. данная территория представляла собой девственный участок тайги. В настоящее время она занята различными производственными, хозяйственными и жилыми объектами, прокрыта густой сетью трубопроводов, дорог, линий электропередач и других коммуникаций (ил. 3). На участках урочища, не подвергшихся техногенному воздействию,

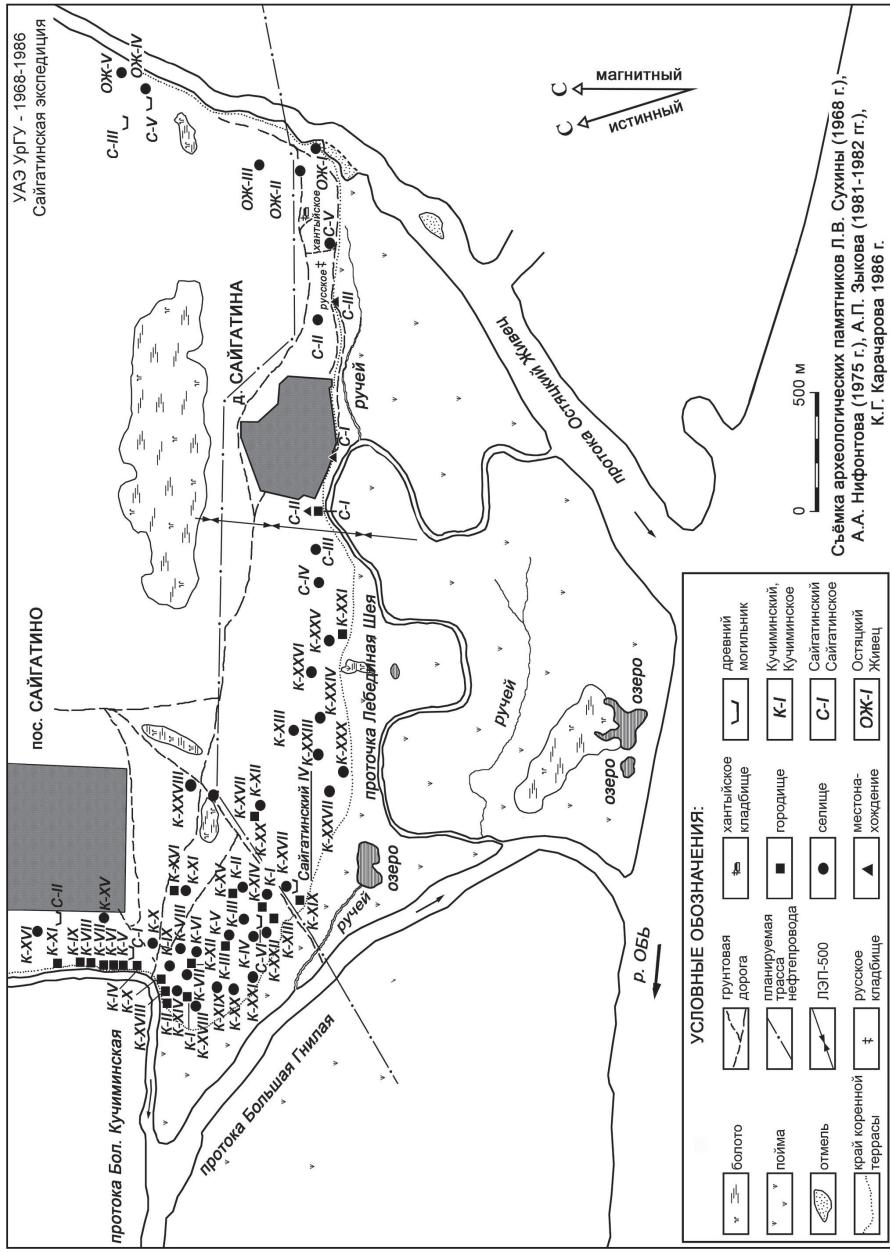

Ил. 1. Урочище Сайгатино. Место расположения

сохранился сосновый бор с примесью берёзы и кедра; нижний ярус леса представлен кустарниками, надпочвенный покров — брусличником и тайёжным мелкотравьем. За пределами просек, дорог и коридоров продуктопроводов участки с нарушенной поверхностью покрыты мхом, лишайником, лиственным и хвойным опадом. Почвы подзолистые песчаные и супесчаные.

Впервые урочище Сайгатино было обследовано археологами в июле 1968 г., что было связано с началом активного промышленного освоения Тюменского Севера. По заданию В.Ф. Генинга, основателя археологической лаборатории УрГУ (ныне — ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ), студенты-историки Л.В. Сухина и А. Дмитриев провели разведку под Сургутом — на Барсовой горе и в окрестностях д. Сайгатиной. Эти участки представляли собой кусты археологических памятников, насчитывавшие тысячи археологических объектов¹. Среди прочих пунктов на берегу Кучиминского сора археологи выявили 9 городищ раннего железного века и Средневековья (названия: Кучиминский Сор с порядковыми номерами от 1 до 9), а также «комплекс впадин Кучиминский Сор 1». При этом остатки некоторых древних жилых строений были ошибочно приняты за «курганчики» — небольшие «курганные захоронения»². В 1975 г. разведочная группа УАЭ УрГУ под руководством А.А. Нифонтова обследовала участок трассы нефтепровода «Нижневартовск — Куйбышев», проходившей по территории Сайгатинского урочища. В ходе работ близ д. Сайгатиной было обследовано 4 городища, два из них — впервые³.

Планомерные и широкомасштабные исследования Сайгатинского археологического куста начались в 1981 г. В 1981—1982 гг. Сайгатинская группа Газопроводного отряда УАЭ УрГУ, возглавляемая А.П. Зыковым, провела обследование территории, отведённой для подсобного хозяйства объединения «Сургуттрансгаз». В результате было зафиксировано 6 городищ и 18 селищ, относящихся к раннему железному веку и Средневековью, а также закреплена новая номенклатура и нумерация памятников⁴. Стационарные исследования начаты с раскопок разрушающихся паводками и строительными работами городищ эпохи железа Кучиминское I (Л.М. Терехова, 1981 г.) и Кучиминское II (А.П. Зыков, 1981 г.), расположенных у окраины нового посёлка д. Сайгатиной. Первый средневековый могильник — Сайгатинский I — начал изучаться Л.М. Тереховой в 1983 г. Тогда же поверх остатков средневекового Кучиминского V городища и Сайгатинского I могильника было зафиксировано первое средневековое святилище. В

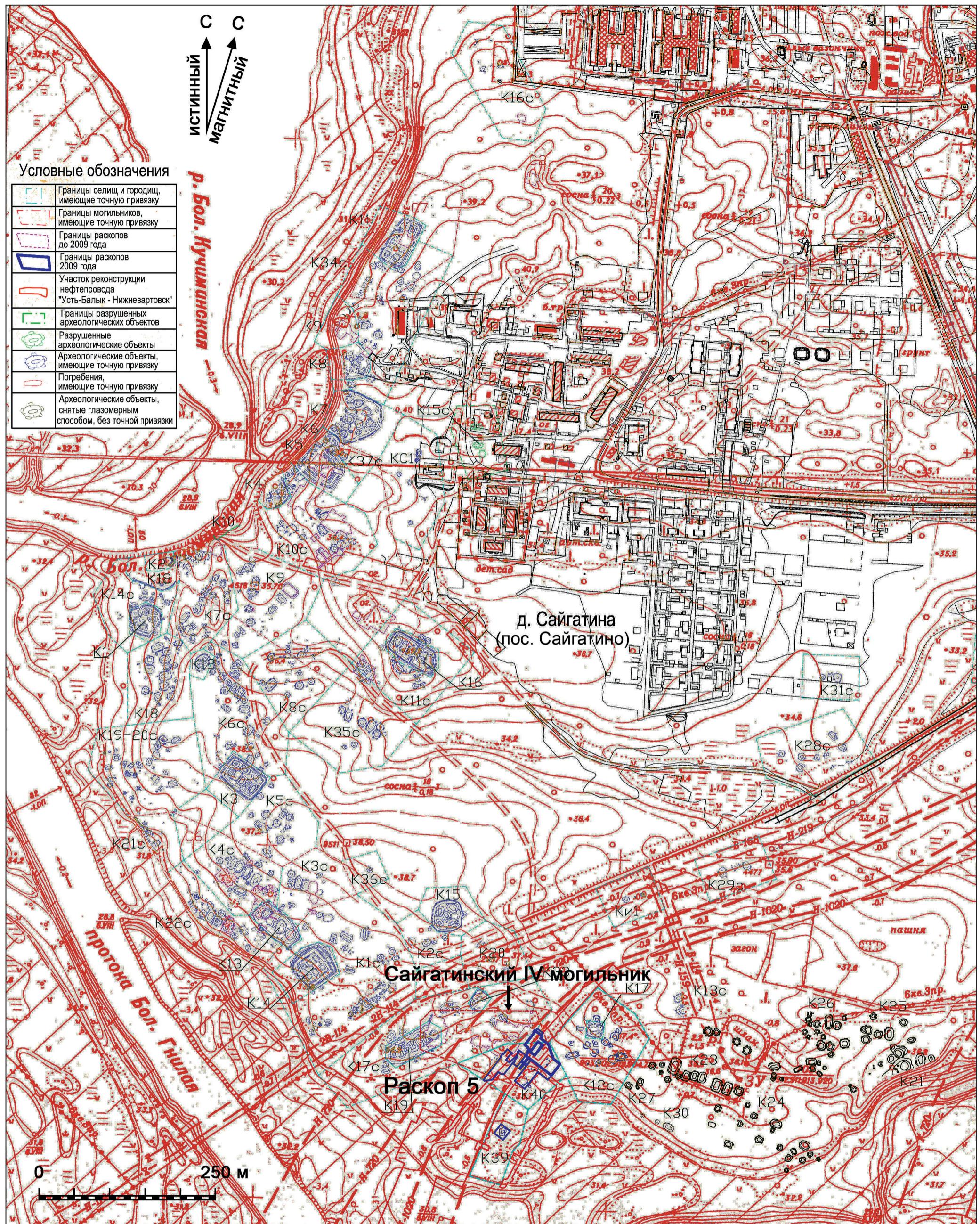
Ил. 2. Уроцище Сайатино. План-схема археологических памятников. Разведки 1960 — 1980-х гг.

дальнейшем на рассматриваемой территории вплоть до конца прошлого столетия с разной частотой, интенсивностью и результативностью проводились в основном раскопочные работы⁵. Исключение составил 1986 г., когда студент исторического факультета УрГУ К.Г. Карабаров продолжил здесь разведочные обследования. В результате в Сайгатинском урочище было выявлено и зафиксировано ещё 20 разновременных археологических памятников (ил. 2)⁶.

В кон. 1990-х – нач. 2000-х гг. археологами Екатеринбурга и Сургута с помощью современных измерительных приборов и методов, включая систему GPS, проведена съёмка всех археологических объектов урочища Сайгатино и составлен их сводный топографический план (ил. 3).

Сайгатинский IV могильник был обнаружен К.Г. Карабаровым в 1986 г., и данные об этом памятнике вошли в сводный отчёт Л.М. Тереховой. Ещё раньше, в 1981 г., А.П. Зыков недалеко от этого места открыл и картографировал городище Кучиминское XVII, а также 10 жилых объектов селища Кучиминское XVII (ныне – XVIIc). Могильник и селище были повреждены объектами компрессорной станции № 703, грунтовыми лесными дорогами, а также трассами нефтепроводов «Нижневартовск – Куйбышев» и «Усть-Балык – Нижневартовск». При этом часть могил была снивелирована либо полностью уничтожена. Выявленные погребения располагались тремя группами, первая из которых (66 могил) находилась на площадке городища Кучиминское XIX, в лесочке, между двумя нитками продуктопроводов; вторая (65 могил) – в 50 м восточнее первой; третья (ок. 80 могил) – севернее второй. На поверхности погребения имели вид узких овальных ям. Углубления были расположены довольно плотно, в основном параллельно друг другу, рядами. Основная масса погребений была сориентирована по линии северо-запад – юго-восток с небольшими отклонениями; часть могил располагалась по оси северо-восток – юго-запад. Памятник находился в лесу. Его поверхность была покрыта лесной подстилкой, состоявшей из тонкого слоя гумуса, мхов, лишайников, хвойного и лиственного опада. В могильных ямах на данном покрове росли высокий зелёный мох («зеленомошник»), черничник и брусничник⁷.

Раскопки некрополя были начаты сразу же после его обнаружения в 1986 г. экспедицией УрГУ под руководством Л.М. Тереховой. Первый раскоп был заложен приблизительно в 70 м северо-западнее нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск», на участке, где могильник накладывался на городище Кучиминское XIX. Площадь

раскопа 1 составила 270 кв. м, а в его пределах было зафиксировано 37 погребений. Второй раскоп площадью 135 кв. м был разбит с северо-западной стороны вышеупомянутого нефтепровода. В нём было вскрыто 16 погребений⁸. В следующем году Л.М. Терехова продолжила исследования могильника. К раскопу 1 было прирезано 189 кв. м и вскрыто 22 погребения. Раскоп 2 расширен на 486 кв. м, и в нём обнаружено 43 погребения. Тогда же к юго-западу от него был разбит раскоп 3 площадью 477 кв. м и вскрыто 69 погребений⁹. Результаты раскопок 1988 и 1990 гг. из-за погрешностей в отчётной документации разделить сложно. В частности, работы двух лет представлены в сводном отчёте, датированном 1988 г.¹⁰ Судя по отметке на титульном листе, он был написан в 1991 г. Между тем известно, что в 1988 г. на могильнике было вскрыто 75 погребений¹¹, в том числе в раскопе 1 – 40, в раскопе 3 – 33, в раскопе 4 – 2. В 1990 г. в раскопе 3 были открыты ещё 2 захоронения. Площадь раскопа 1 составила 513 кв. м, раскопа 3 (за два года) – 585 кв. м, раскопа 4 – 36 кв. м. Следует также отметить, что раскоп 4 располагался с юго-восточной стороны от коридора нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск», а раскоп 3 захватил часть самой трассы. Было установлено, что не только в лесу, но и в пределах этого коридора имеются погребения различной степени сохранности, отдельные предметы и фрагменты человеческих костей, относящиеся к обширному средневековому некрополю. В целом за 4 года работ (1986–1988, 1990) на Сайгатинском IV могильнике была вскрыта площадь в 2722 кв. м и исследовано 264 погребения (табл. 1).

Таблица 1
Данные по раскопам 1–4 Сайгатинского IV могильника

Год	Раскоп 1		Раскоп 2		Раскоп 3		Раскоп 4		Всего	
	Кв. м	Количество погребений	Кв. м	Количество погребений						
1986	270	37	135	16					405	53
1987	189	22	486	43	477	69			1152	134
1988, 1990	513	40	31		585	35	36	2	1165	77
Всего	972	99	652	59	1062	104	36	2	2722	264

Могильник первоначально был датирован XII–XV (XVI?) вв. При этом наиболее ранние погребения (XII–XIII вв.) открыты в западной части могильного поля — в р-не Кучминского XIX городища. Было также установлено, что умерших хоронили в неглубоких и узких под-прямоугольных ямах — в колодах либо на берестяных полотнищах и с таким же покрытием. Могильные ямы перекрывались поперечными плахами, уложенными на специально сооружённые «заплечики», но чаще — прямо на грунт. Иногда практиковались захоронения людей в лодках, отчего могильное углубление приобретало вытянутую под-треугольную форму, а также «подхоронения» — с прокопкой под-трапециевидных выступов у одного из краёв прямоугольных могил. Следов надмогильных сооружений не зафиксировано, но в древности они явно были: возможно, типа традиционных хантыйских «домовин». Дело в том, что ни одно погребение, несмотря на плотное расположение могил, не перекрывало другое и было устроено в соответствующем ряду. Покойников клали в могилы, как правило, вытянуто, на спину, головами на юго-восток (с отклонениями), реже — на юго-запад и юг. Различие в поле, возрасте и социальном статусе умерших подчёркивалось спецификой одежды и сопровождающего инвентаря. В ряде мест около могил были зафиксированы погребальные костры и остатки периодических тризн.

Многие предметы, найденные при раскопках данного некрополя, имеют большое научное значение и являются высокохудожественными произведениями декоративно-прикладного искусства. Самыми выдающимися из них являются украшения, произведённые в XII–XIII вв. в ювелирных мастерских Волжской Болгарии и Золотой Орды¹². Вместе с тем основную массу находок составляют вещи из железа, цветных металлов, кости, дерева, бересты, изготовленные местными мастерами. В их числе — многочисленные бронзовые отливки, выполненные по приуральским образцам. Для артефактов конца сайгатинского этапа — XIV–XVI вв. — это были уже «копии с копий» исходных волжско-болгарских и финно-камских изделий.

В 1999 г. на нефтепроводах, пересекающих Сайгатинский IV могильник, была проведена крупная реконструкция. Новостройка сильно повредила многие его участки, остававшиеся нетронутыми после прокладки первых нефтетрасс. В том же году разведочной группой археологической экспедиции ИИА УрО РАН под руководством О.Н. Череватова, при участии руководителя МУ «ИКНПЦ «Барсова Гора» Н.В. Шатунова, была обследована часть памятника, подвергшаяся

разрушению. С поверхности были собраны металлические предметы и фрагменты человеческих костяков. Среди находок был повреждённый медный котёл и зооморфные бронзовые подвески XIV–XV вв.¹³

Раскопки данного некрополя и окружающих его селищ были продолжены в 2009 г. Они проводились экспедициями ООО «Гиперборея» (г. Сургут), МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора» (г. Сургут) и ПНИАЛ УрГУ (г. Екатеринбург) по заданию ООО «Нефтестройпроект» в системе спасательных археологических мероприятий в зоне реконструкции нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск», на территории ЛПДС «Западный Сургут» Сургутского месторождения нефти. В связи с большим объёмом работ аварийные раскопки выполнялись тремя экспедициями под общим руководством К.Г. Каракарова. Ответственные исполнители работ – В.А. Борзунов, К.Г. Каракаров, А.В. Носкова (табл. 2; ил. 3).

Таблица 2

**Список археологических памятников и ответственных исполнителей
раскопок 2009 г. в зоне реконструкции нефтепровода
«Усть-Балык – Нижневартовск»**

Номер раскопа*	Памятник	Ответственный исполнитель	Площадь (кв. м)
5	Могильник Сайгатинский IV	В.А. Борзунов	697
6	Могильник Сайгатинский IV	К.Г. Каракаров	1343
7	Могильник Сайгатинский IV	А.В. Носкова	238
8	Могильник Сайгатинский IV	А.В. Носкова	40
9	Селище Кучиминское XLc	А.В. Носкова	829
10	Селище Кучиминское XXXIXc	А.В. Носкова	256

* Продолжена нумерация раскопов Сайгатинского IV могильника.

Общие результаты археологических исследований А.В. Носковой на Сайгатинском IV могильнике и средневековом селище Кучиминское XXXIXc опубликованы¹⁴. В раскопе 7 вскрыты 32 погребения, в раскопах 8–10 могил не обнаружено. Всего за время стационарных работ на некрополе изучена площадь более 3000 кв. м и открыто 339 погребений, датированных XII–XVI вв., т. е. сайгатинским этапом (по К.Г. Каракарову – сайгатинской культурой) обь-иртышской культурно-исторической общности¹⁵.

Аварийные работы на раскопе 5 проведены Сайгатинской экспедицией ПНИАЛ УрГУ (начальник – О.Н. Корочкова) под руководством В.А. Борзунова. Погребения разбирались О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым при участии антропологов ИЭРЖ УрО РАН (г. Екатерин-

Ил. 4. Могильник Сайгатинский IV и лагерь экспедиции. Вид из поймы обской протоки Большой Гнилой. На переднем плане — старичное озеро, на заднем плане слева (в лесу) — могильник. Сн. с запада

бург) и ИПОС СО РАН (г. Тюмень) Д.И. Ражева и Е.О. Святовой. Двумя последними специалистами проведена диагностика костного материала, в том числе определены половозрастные характеристики умерших. Рисунки погребений выполнены В.И. Стефановым, чертежи могил — им же и О.Н. Корочковой, планы и разрезы поселенческих слоёв — В.А. Борзуновым. К составлению некоторых планов и фиксации находок были привлечены мл. науч. сотр. ПНИАЛ УрГУ Е.А. Юдина и сотрудник Сургутского краеведческого музея А.В. Зубова.

Результаты исследования средневекового могильника (раскоп 5)

Общие сведения о раскопе 5. Местонахождение, конфигурация, размеры и нумерация раскопа 2009 г. были определены К.Г. Каракарчировым. Раскоп 5 — вытянутой подтрапециевидной в плане формы, размерами 55–57x10–20 м. Он был заложен на просеке, точно в створе нефтепровода «Усть-Балык — Нижневартовск» и ориентирован почти продольно ему — по оси юг—юго-запад — север—северо-

запад (по истинному С)¹⁶. Для удобства фиксации археологических объектов и находок раскоп разделён на квадраты (2x2м), которым присвоена буквенно-цифровая нумерация (ил. 7). В единой сетке раскопов 2009 г. он занимал крайнее западное положение и примыкал к лесному массиву, в котором располагались раскопы 1–3. В частности, с северо-западной стороны к раскопу 5 примыкал засыпанный раскоп 3 (1990 г.). Северо-западная часть раскопа 5 окружала с трёх сторон юго-восточную половину прямоугольной приподнятой площадки, на которой разместились задвижка № 48 и вантуз № 231/2 вышеупомянутого нефтепровода. Данная площадка представляла собой песчаную насыпь, огороженную железными трубами большого диаметра и забором из крупноячеистой стальной сетки. Рядом с ней — для наблюдения с вертолётов — установлен знак «231», обозначающий 231-й км трассы нефтепровода. Центральная и зауженная юго-восточная части раскопа 5 простирались к югу—юго-западу от вышеупомянутой площадки и углублялись в лес. По их оси проходила широкая (ок. 4 м) засыпанная перемешанным грунтом траншея, в которую была уложена труба магистрального нефтепровода (ил. 5–7).

Раскоп 5 находился на пологом склоне, в юго-западной части могильника. Поверхность в этом месте неровная, слегка наклонена в сторону поймы. Перепад высот на 57 м длины раскопа между его юго-западным и северо-восточным краями составлял ок. 0,9 м (абсолютные отметки по Балтийской системе высот, соответственно: +33,04 и +33,97 м). Уровень прилегающего к террасе верхового болота (заболоченной поймы) — ок. +31,50–32,00 м. Ближайший к протоке и реке юго-западный угол раскопа 5 удалён от поймы приблизительно на 50–60 м. В 200–250 м юго-западнее раскопа, за открытым болотом находится обская протока Большая Гнилая.

Стратиграфия. Естественный профиль подзолистых почв в урочище Сайгатино — песчаного механического состава с элементарным морфологическим строением:

- лесная подстилка;
- подзолистый горизонт обычно самый светлоокрашенный (элювий);
- пёстроокрашенный горизонт — переходный от элювиального к иллювиальному;
- иллювиальный горизонт — наиболее ярко окрашенный, нередко плотно сцементированный;
- почвообразующая порода.

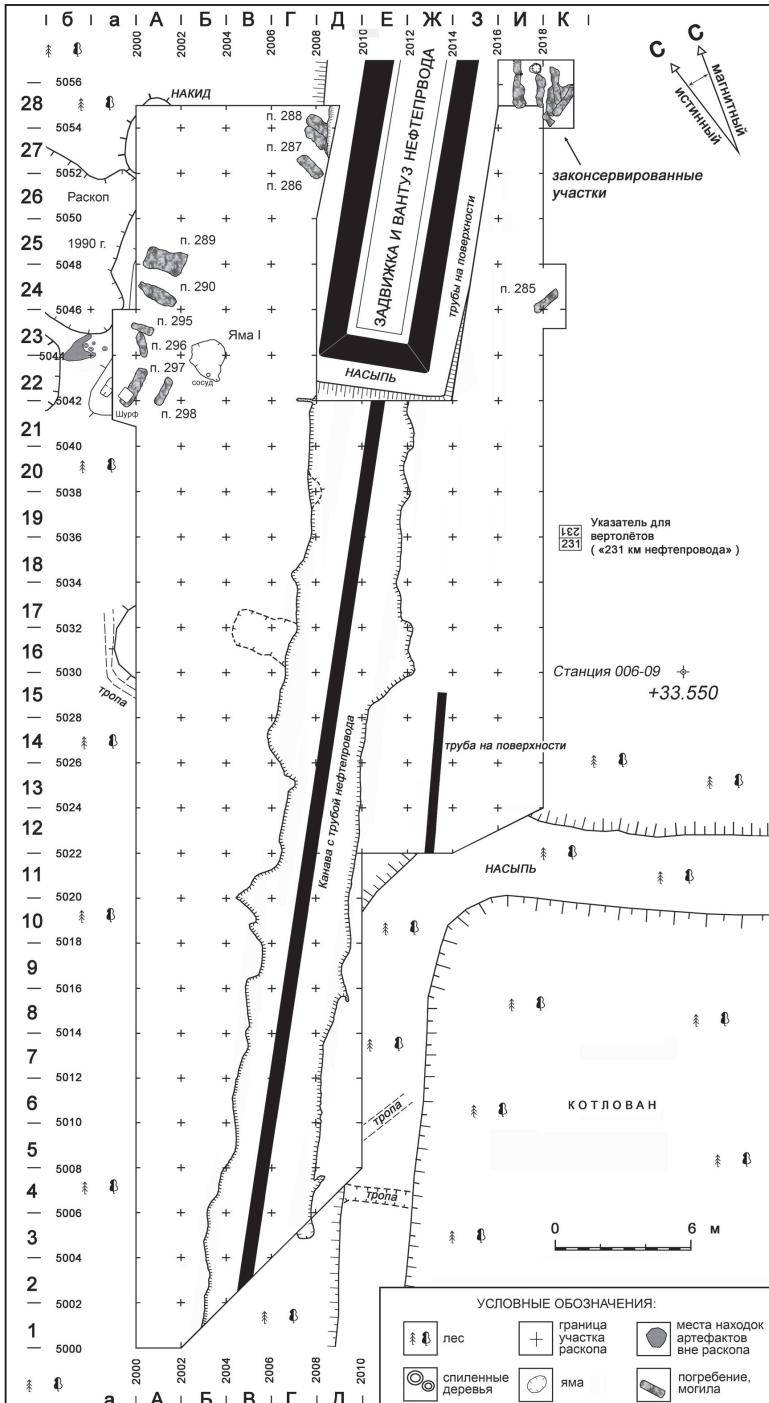
Именно так выглядит почвенная колонка на участках коренной обской террасы, никогда не подвергавшихся нарушениям. В преде-

Ил. 5. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Размеченная сетка северо-западных участков. На 2-м плане — раскопы К.Г. Карабарова и А.В. Носковой. Сн. с юго-запада

Ил. 6. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Расчистка верхних контуров погребений 286–288. На 1-м плане — уч. В–Г/26–28, на 2-м плане — размеченная сетка центральных и юго-восточных участков. Сн. с севера

Ил. 7. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5.
Общий план раскопа и погребений

лах исследованной площади Сайгатинского IV могильника, который расположен на той же песчаной террасе, она зафиксирована вдоль небольшой части северо-западной границы раскопа 5 (уч. А/1–10). На остальной его площади стратиграфическая картина сильно деформирована современными разрушениями. В том числе маломощный культурный слой (антропогенный почвенно-литологический горизонт) переотложен: срыт полностью или частично, а также продавлен гусеничной и колёсной техникой.

Могильные ямы (погребения № 285–290, 295–298), открытые под насыпным грунтом в северо-западной части раскопа 5, были выкопаны в светло-жёлтых и белых материковых песках. Три из них оказались частично разрушены строительной техникой и автотранспортом (погребения № 295, 287, 288). В центральной и южной (юго-восточной) частях раскопа локально фиксировались участки перемешанных современных серых и тёмно-серых подзолов, а также погребённых древних светло-серых подзолов. Общая мощность современных почвенных и древних культурных наслойений (вне погребений) варьировала от 0,2 до 1,5 м. Ниже культурных горизонтов залегали светло-жёлтые и белые материковые пески. Пересекавшая раскоп 5 траншея нефтепровода была заполнена и перекрыта перемешанным грунтом. Особо следует отметить, что за последние два-три десятилетия — со времени прокладки нефтепровода — поверх современных переотложенных песков образовался тонкий горизонт новой лесной подстилки, и начала расти трава. Остатки старой почвы и светло-серых подзолов были погребены под насыпями. В ряде случаев такие современные погребённые слои по цветности и особенностям залегания сходны с древними культурными слоями. Вместе с тем, в отличие от последних, они не содержали археологических материалов.

Основные археологические объекты в раскопе 5 включали 10 погребений (№ 285–290, 295–298), яму I с практически целым сосудом раннего железного века, а также локальные культурные слои с остатками столбовых и иных ямок, прокалов, очагов, углистых супесей, растительной органики, мельчайших кальцинированных косточек и небольших обломков глиняной посуды начала железного века. Все могилы локализовались на северо-западных участках раскопа 5 (ил. 8–19), относились к Сайгатинскому IV могильнику и, предположительно, за исключением одной (№ 296), датировались поздним Средневековьем — кон. сайгатинского этапа (XIV–XVI вв.). Вероятно, погребений было больше: часть из них была уничтожена при обустройстве вышеупомянутого участка.

мянутой насыпной площадки с задвижкой № 48 и вантузом № 231/2 данного нефтепровода. Об этом свидетельствуют расположение площадки в самой гуще средневековых захоронений, а также наличие разрозненных человеческих костей и средневековых артефактов в северо-западной части раскопа — в верхних слоях, перемешанных строительной техникой, между средневековыми могилами и поодаль от них (ил. 20 – 2–8). Одно из погребений (№ 296), отличавшееся от других ориентацией, характером заполнения и керамикой, появилось, возможно, в начале эпохи железа (ил. 21). Яма I, обнаруженная также в северо-западной части раскопа, на участке Б/23 (ил. 22), осталась, по-видимому, от некоего (предположительно, культового) сооружения кулайского периода раннего железного века (кон. I тыс. до н. э. – III в.). Прочие остатки, выявленные в северо-западной и центральной частях раскопа 5, на участках линий З–И, скорее всего, представляли собой следы наземных построек раннего неукреплённого поселения — селища кулайского времени. Найденный в раскопе 5 обломок сосуда калинкинской археологической культуры VI–IV/III вв. до н. э.¹⁷ (ил. 24 – 19) не исключает, что на данной территории или рядом с ней жилища могли возводиться ещё до кулайских.

Во время завершения работ на раскопе 5, при зарисовке профилей стенок уч. И/27 была обнаружена ещё одна группа средневековых погребений. Их верхние контуры были зафиксированы за пределами раскопа 5, на уч. К/27, И–К/28 (ил. 7). Вследствие дефицита отведённого нам времени эти могилы исследовали К.Г. Каракаров и А.В. Носкова.

Средневековые погребения на территории раскопа 5 на поверхности не прослеживались. Остатки надмогильных сооружений и верхние очертания могил были срезаны строительной техникой, местами перекрыты песчаным отвалом из раскопа 3 (1992 г.), а также перемешанным грунтом, состоявшим из переотложенного почвенного слоя, материковых песков и культурного слоя памятника. Поверх современного переотложенного горизонта фиксировался тонкий слой лесной подстилки, продавленный автотранспортом и гусеничной техникой. Южные концы двух могил (№ 287, 288) были уничтожены при прокладке нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск», а их оставшиеся части были перекрыты песчаной платформой, на которой сооружены задвижка № 48 и вантуз № 231/2 данного продуктопровода. В пользу того, что все исследованные нами могилы ранее были видны на поверхности, свидетельствуют, как минимум, два факта.

Первый: в 1980-х гг. расположенные по-соседству в лесу средневековые могилы (раскопы 1–3) были хорошо выражены в рельефе. Второй: по центральной оси каждого погребения раскопа 5 прослеживались характерные узкие полосы светло-серого (пепельно-серого) подзола. Таковые оставались в тех случаях, когда могильные ямы долгое время сохранялись на поверхности, и в них накапливалась вода от дождей и талого снега.

Погребения раскопа 5 концентрировались на уч. а–Б/21–25, Г–Д/28–29, И–К/23–24 и не прослеживались южнее линии уч. А–И/21 (ил. 7). Было очевидно, что в этом месте мы зафиксировали юго-западную кромку Сайгатинского IV могильника. Она была удалена от поймы на 90–100 м и располагалась от последней на высоте 2,0–2,5 м.

Могилы в раскопе 5 размещались плотно, двумя группами и тремя разнонаправленными рядами. Ориентация ям в пределах рядов одинакова. Погребения в рядах находились на удалении 0,15–1,20 м и были расположены параллельно друг другу. В рядах зафиксировано от двух до трёх умерших. Первоначально их, видимо, было больше, так как окончания рядов уходили за пределы раскопа. Можно предположить, что в могильных рядах были захоронены близкие родственники — члены больших и малых семей. Промежутки между соседними рядами небольшие — от 2 до 7 м. Вероятно, над каждой могилой возводилось особое деревянное сооружение в виде модели традиционного хантыйского прямоугольного дома с низкой двускатной крышей и песчаной обваловкой—«завалинкой». Такие дощатые «домовины» до сих пор возводят на могилах хантов у д. Сайгатиной. Остатки подобных сооружений в своё время были исследованы авторами в окрестностях Сургута — на позднесайгатинском могильнике XVI в. Моховая XLV¹⁸. Между тем по изложенным выше причинам следов таковых конструкций в раскопе 5 не было прослежено. Сами могильные ямы — вытянутые, узкие, неглубокие — ориентированы по оси север — юг (№ 286–288), север—северо-запад — юг—юго-восток и северо-запад — юго-восток (№ 295; 297, 298), северо-восток — юго-запад (№ 289, 290). Размеры полностью вскрытых углублений варьировали от 0,85x0,30 до 1,80–1,90x0,45–0,50 м. Могилы выкопаны в материковом песке на глубину 0,15–0,30 м. В ряде случаев зафиксировано, что дно ям выстелено берестяными полотнищами, а в единичных погребениях прослеживались остатки бревенчатых перекрытий. Умершие были положены вытянуто, головами на юг, юго-запад и северо-запад и перекрыты берестяны-

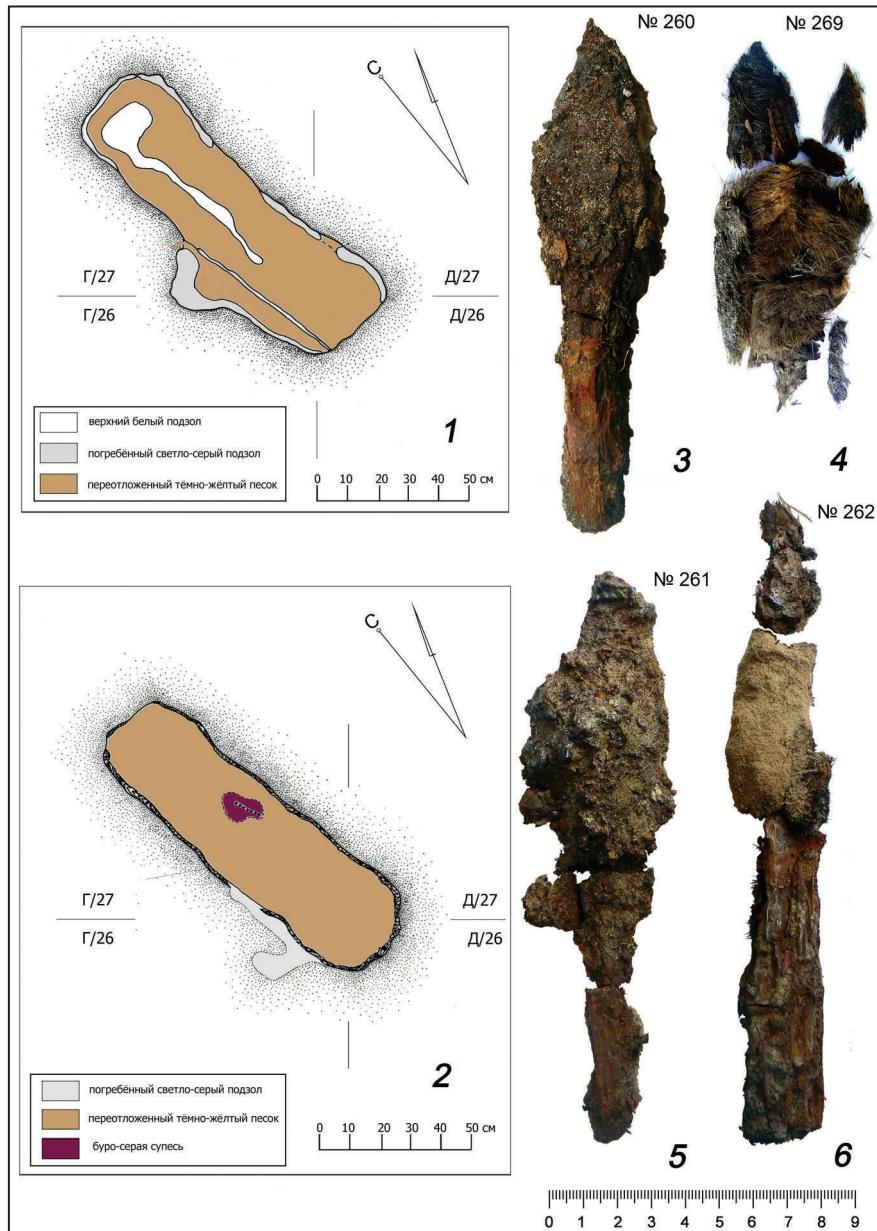
ми полотнищами. Поодаль, в 9–13 м от остальных погребений, на уч. И–К/23–24 обнаружена ещё одна, наполовину разрушенная средневековая могила (№ 295), ориентированная в направлении, близком к широтному (восток–северо-восток – запад–юго-запад). Погребённый в ней лежал головой на запад. Не исключено, что это захоронение входило в какой-то ряд могил, расположенных юго-восточнее уч. И–К/23–24.

Судя по найденному материалу, а также отсутствию средневековой керамики в могилах, погребения раскопа 5 датируются поздним Средневековьем, точнее, кон. сайгатинского этапа – XIV–XVI вв.¹⁹ Это, в частности, указывает на то, что Сайгатинский IV могильник разрастался от руин Кучминского XIX городища на восток и юго-восток.

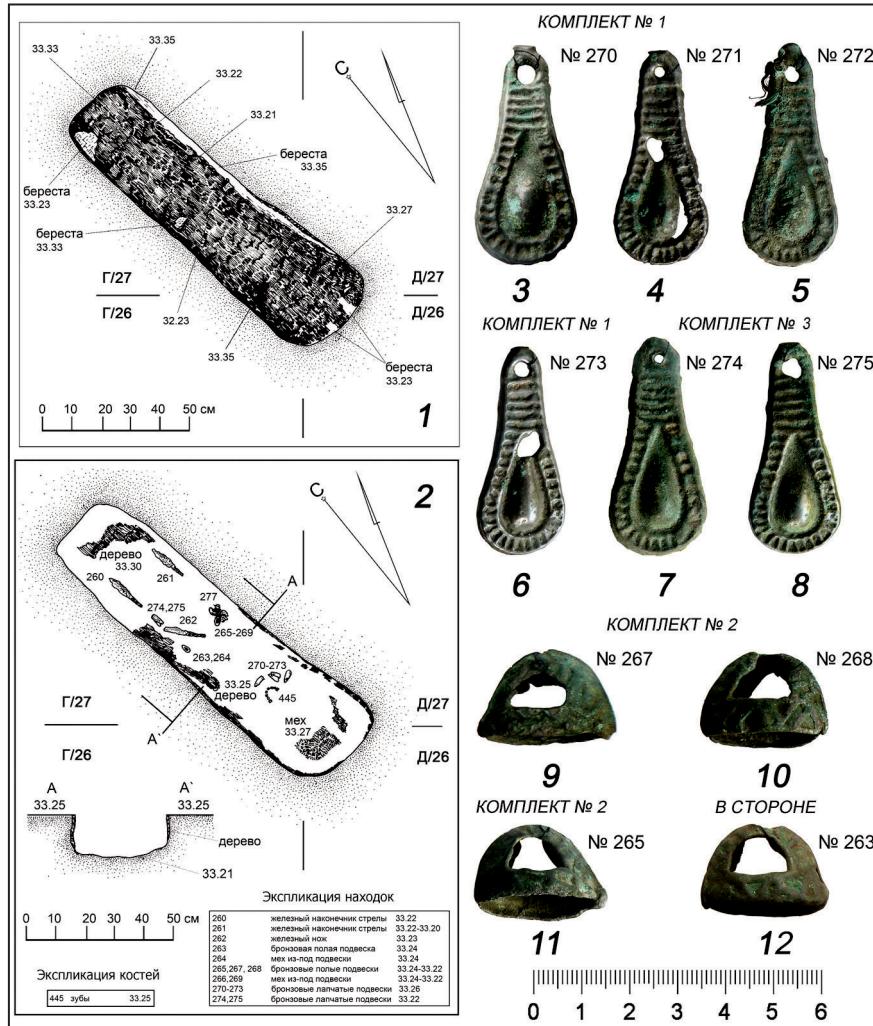
Ниже приведены краткие характеристики каждого погребения; вернее, по большей части, реконструкции последних. Детальное изложение методики и процесса исследования могил, а также выявленных в них остатков с индивидуальным описанием изделий из железа, бронзы и кости можно найти в соответствующем отчёте о раскопках данного памятника²⁰.

Погребение № 286 – южное в восточном ряду (уч. Г–Д/26–27). Начало прослеживаться на уровне 33,60 м – после снятия современных перемешанных песков и подзолов, а также края вышеупомянутой песчаной платформы (ил. 6–8). Здесь его контуры отчётливо фиксировались на фоне тёмно-жёлтого переотложенного песка, представлявшего собой выклиды из данной ямы и соседних могил № 287, 288. На этой глубине яма – овально-вытянутая, размерами ок. 1,20x0,25 м. Ниже углубление приобрело более чёткие очертания. На уровне 33,35 м могила – подпрямоугольной формы со скруглёнными углами и слегка зауженной северной частью, размерами 1,16x0,30–0,33 м, ориентирована по оси север–северо-запад – юг–юго-восток. В ней обнаружены скопление зубов человека, три комплекта бронзовых украшений, отдельно лежавшая бронзовая подвеска, 3 железных предмета и остатки меха (ил. 8; 9). В могиле, по-видимому, был похоронен ребёнок, одетый в меховую одежду. Он был положен на спину, головой к югу. Дно могилы покрывала какая-то органическая подстилка. Сверху и с боков тело умершего было покрыто берестяным полотнищем. Сама могила была перекрыта деревянным настилом из продольно расположенных плах и засыпана землёй.

Головной гарнитур (комплект 1), найденный при умершем, состоял из четырёх лапчатых подвесок (ил. 9 – 3–6). Под украшениями сохра-

Ил. 8. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 286. Планы верхних очертаний могилы (1, 2) и погребальный инвентарь (3–6). 1 – уровень 33.45 м; 2 – уровень 33.35 м; 3, 5, 6 – железо; 4 – мех

Ил. 9. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 286. Планы могилы (1, 2) и погребальный инвентарь (3–12). 1 – деревянное перекрытие могилы (уровни 33.35–39.21 м); 2 – план и профиль дна могилы (уровни 33.35–39.21 м); 3–12 – бронза

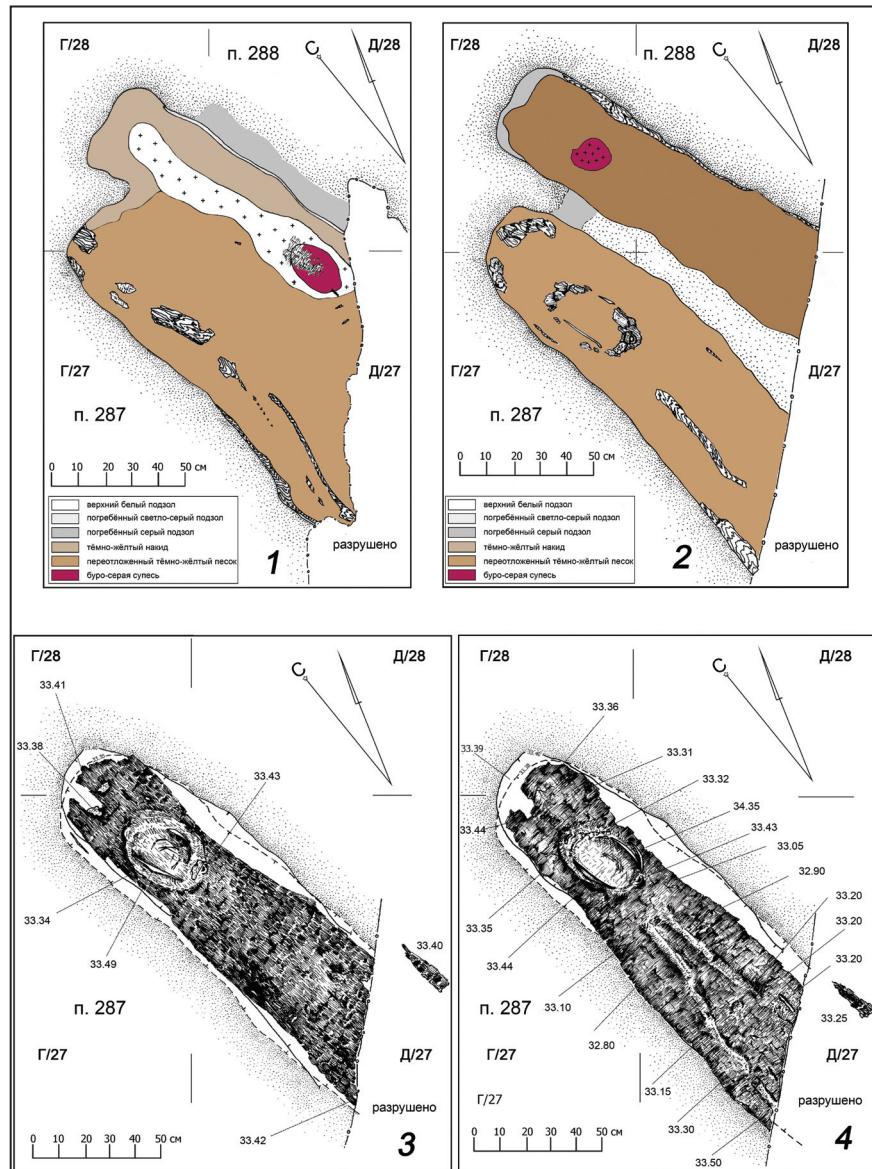
нились остатки меха (ил. 8 – 4; 9 – 2) и мелкий фрагмент настолько маленькой косточки, что антропологи затруднились в её определении. Большой кусок меха сохранился около южной стенки (9 – 2). Мех мягкий, коричневый. По мнению палеоохраников, он принадлежал зверьку из породы куных. Комплект 2, располагавшийся справа, в районе поясницы ребёнка, состоял из трёх полых зооморфных подвесок (ил. 9 – 9–11). Здесь же были расчищены небольшие кусочки меха с грубым трубчатым ворсом (олень?). Комплект 3 (ил. 9 – 7, 8) состоял из двух лапчатых подвесок и находился слева от покойного, в области его левой бедренной кости. Чуть выше лежала полая подвеска (ил. 9 – 12), а между перечисленными выше бронзовыми украшениями найден большой железный нож (ил. 8 – 6; 9 – 2). Два массивных железных наконечника стрел лежали симметрично справа и слева от останков, в области нижних конечностей покойного (ил. 8 – 3, 5).

Погребения № 287 и 288 – центральное и северное в восточном ряду (уч. Г–Д/27–28). Первоначально, на отметке 33,60 м* фиксировались в виде одного большого аморфного пятна. На уровнях 33,55–33,45 м ямы приобрели более определённую форму и очевидную стратиграфию (ил. 10 – 1). Погребения разновременные: одно из них (288) было перекрыто выкидом из соседней ямы. На уровне 33,40–33,37 м очертания могил разделились (ил. 10 – 2). Тогда же окончательно выяснилось, что их южные части разрушены траншеей.

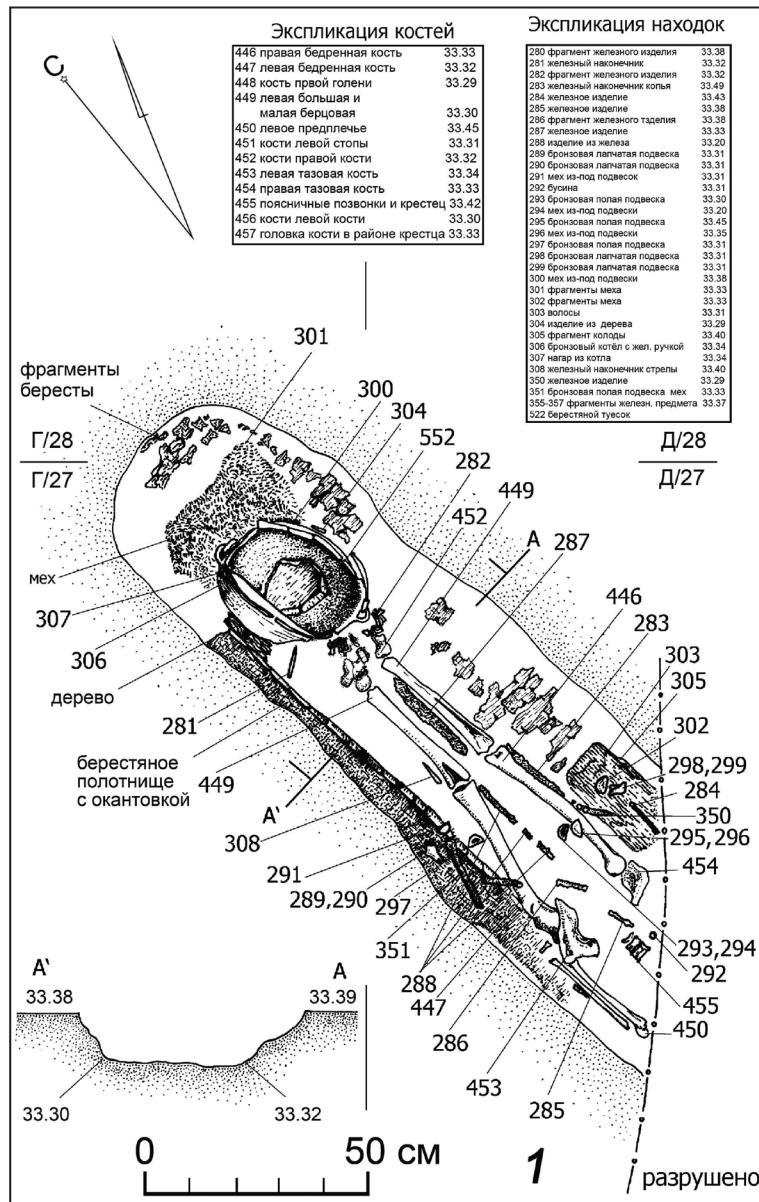
Погребение № 287. На уровне 33,40–33,38 м обозначилась основная часть могильной ямы – овальной формы, со скруглёнными углами, размером 1,60x0,45 м, ориентированной по оси север–северо–запад – юг–юго–восток (ил. 10 – 2). Затем был снят перекрывавший яму слой переотложенного жёлто–серого песка с линзами светло–серого подзола, и обозначился оконтуривавший яму древесный тлен толщиной 3–8 см. В дальнейшем заполнение могилы вычерпывалось по её контурам. При этом были последовательно сняты остатки деревянного перекрытия (из плах толщиной 4 см) и пласт берёсты, состоявший из двух плотно прилегавших слоёв. Фрагменты дерева имели продольную направленность волокон и перекрывали всю площадь погребальной камеры; волокна берёсты были сориентированы преимущественно поперёк могилы с небольшими отклонениями (ил. 10 – 3, 4). После освобождения от берестяного покрова обнажились очертания могилы овальной формы, вытянутой по оси север – юг. Размеры сохранившейся части ямы – 1,80x0,50–0,55 м (ил. 11 – 1). В погребении обнаружены останки посткраниального скелета человека,

---

* По Балтийской системе высот

Ил. 10. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребения 287, 288. Верхние очертания могил. 1 – уровень 33.45 м; 2 – уровень 33.38–33.37 м; 3 – деревянное перекрытие могилы 287 (уровни фиксации 33.49–33.34 м); 4 – берестяное перекрытие могилы 287 (уровни фиксации 33.50–33.10 м)

Ил. 11. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 287. План и профиль дна могилы (I), погребальный инвентарь (2–10). 1 – уровни 33.38–33.32 м; 2 – стекло, паста; 3–7 – бронза; 8 – дерево; 9, 10 – бронза, железо, береста (туесок в котле)

расположенные большей частью (кости рук, ног, таза и др.) *in situ*, значительное количество изделий из бронзы и железа, а также фрагменты деревянных и меховых предметов (ил. 11). Череп покойного вместе с южной частью могилы был уничтожен строительной техникой.

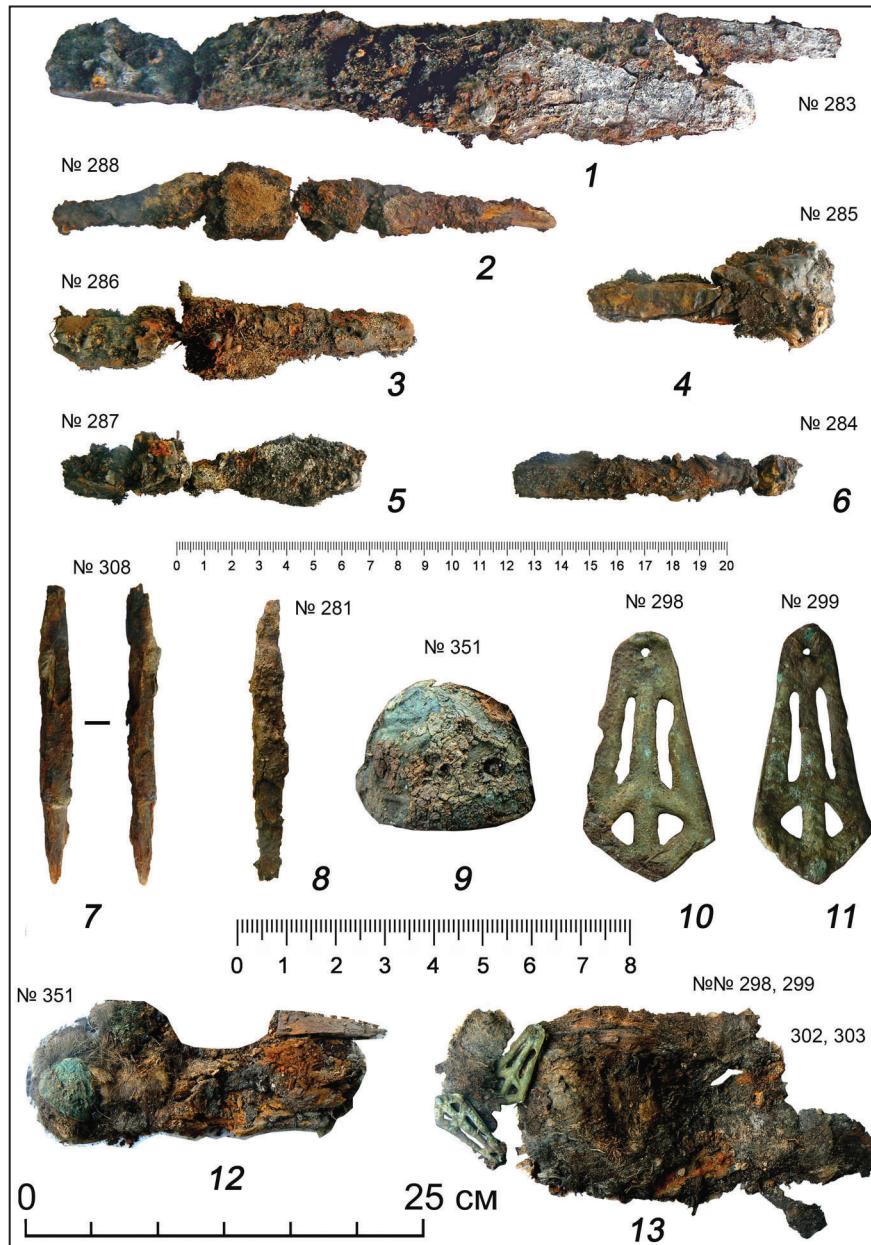
Для умершего – взрослого человека – была выкопана овальная яма шириной 0,50–0,55 м, глубиной в материке ок. 0,3 м, ориентированная в направлении, близком меридиональному. Судя по сохранившейся части, длина могилы значительно превосходила рост умершего человека. В яму была помещена сложная погребальная конструкция, состоявшая из деревянной колоды, перекрытой слоями бересты с обработанными краями. По-видимому, берестяное полотнище было подвёрнуто и положено под дно деревянной конструкции. Дно колоды было выстлано шкурами северного оленя или лося ворсом вверх. Умерший был уложен на спину, вытянуто, головой на юг. Ноги были выпрямлены и сведены в области колен и голеностопных суставов. Признаков принудительной фиксации тела в области таза и ног не обнаружено. Ана-

томическое сочленение костей стоп и направленность костей плюсны обеих ног позволяют говорить об ограниченном пространстве, в котором происходило разложение мягких тканей стоп покойного. В качестве подобного ограничителя могла выступать кожаная (меховая) плотная обувь. Левая рука умершего была выпрямлена в локтевом суставе и уложена поверх таза тыльной стороной ладони вниз — в положении супинации. Обращает на себя внимание отсутствие в исследованной части погребения костей правой руки, особенно её кисти. Этот факт свидетельствует, что положение правой руки было иным. Погребальный костюм был украшен сложносоставным поясным гарнитуром. Кроме того, сопутствующий инвентарь включал железное оружие, изделия из дерева и меха. В ногах покойного был установлен бронзовый котёл устьем вверх. Ручка котла — железная. На дно котла был поставлен берестяной туесок (ил. 11, 12). Поверх берестяного покрова погребальной конструкции были уложены толстые доски или плахи, которые перекрывали всю могильную яму. Затем погребальная камера была засыпана грунтом.

Богатство вещевого комплекса и сложная могильная конструкция указывают на высокий социальный статус погребённого индивидуума.

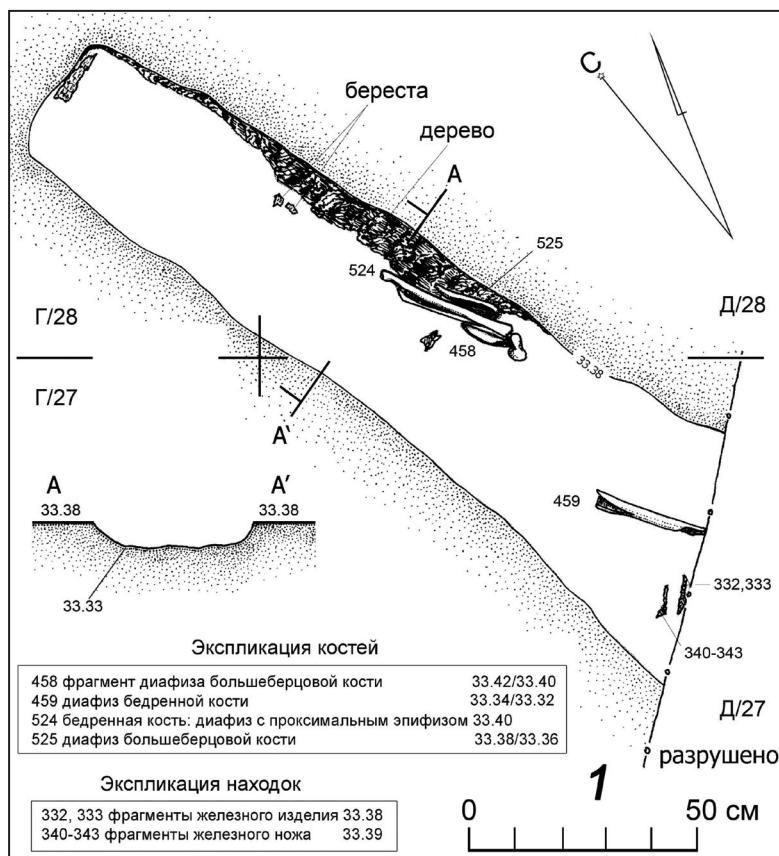
Значительное количество артефактов обнаружено в области бёдер и таза погребённого, в том числе два симметрично расположенных комплекта бронзовых украшений (ил. 11 — 1–7; 12 — 9–13). Одни вещи лежали на слое меха, другие — под ним. Первый набор включал две пары плоских лапчатых и объёмных полых подвесок. Лапчатые подвески были уложены друг на друга, лицевыми сторонами внутрь. Второй набор, как и предыдущий, состоял из двух плоских лапчатых и двух полых объёмных подвесок. Лапчатые подвески располагались друг на друге, в горизонтальной плоскости, перпендикулярно продольной оси могильной ямы. Под украшениями зафиксированы два слоя меха: верхний — ворсистой частью вниз, нижний — ворсистой частью вверх. Под мехом обнаружены три кусочка витых верёвочек, ориентированных перпендикулярно центральной оси украшений. Параллельно им находились фрагменты длинных волос (возможно, человеческих), которые были взяты на генетический анализ. Железные изделия представлены сильно коррозированными остатками ножей (2 экз.), двумя предметами неопределённого назначения и, возможно, наконечником стрелы (ил. 11 — 1; 12 — 2–7). Справа от 4-го поясничного позвонка найдена синяя пастовая бусина (ил. 11 — 1, 2). В ногах покойного, около котла, обнаружены обломки двух железных предметов, в том числе, вероятно,

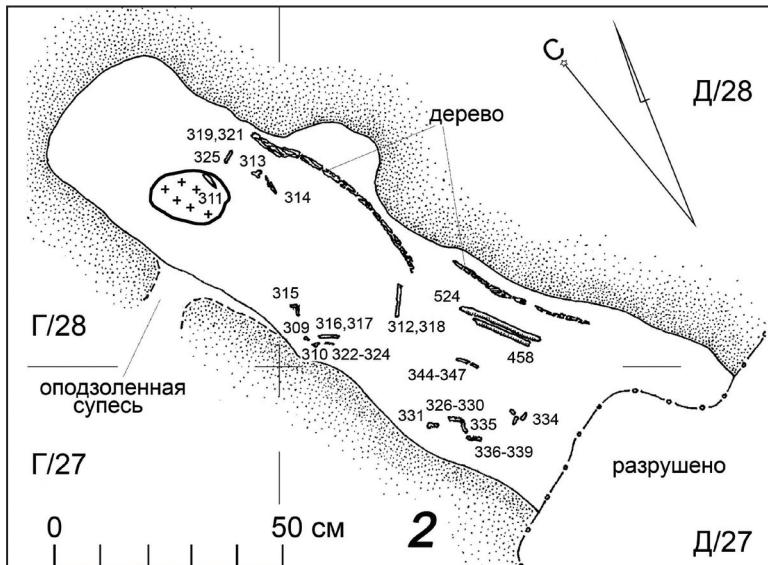
Ил. 12. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 287. Погребальный инвентарь. 1–8 – железо; 9–11 – бронза; 12, 13 – бронза, мех

наконечника стрелы (ил. 12 – 8). На дне ямы, между голеней покойного расчищены фрагменты железного клинка (ил. 11 – 1; 12 – 1).

Погребение № 288 сильно повреждено. Первые чёткие очертания могильной ямы были зафиксированы на уровне 33,40 м, однако реальные границы захоронения стали проступать в его придонной части ниже 33,37 м (ил. 10 – 2; 13 – 1, 2). В могиле были обнаружены остатки деревянного перекрытия, полотнищ берёсты, разрозненные кости человека (остатки посткраниального скелета), несколько железных предметов (4 наконечника стрел, обломок однолезвийного ножа)

Ил. 13. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 288. Планы и профиль дна могилы (1, 2), погребальный инвентарь (3–7). 1 – план и профиль дна могилы (уровни 33.38–33.33 м); 2 – дно могилы (уровень 33.37–33.33 м); 3–7 – железо

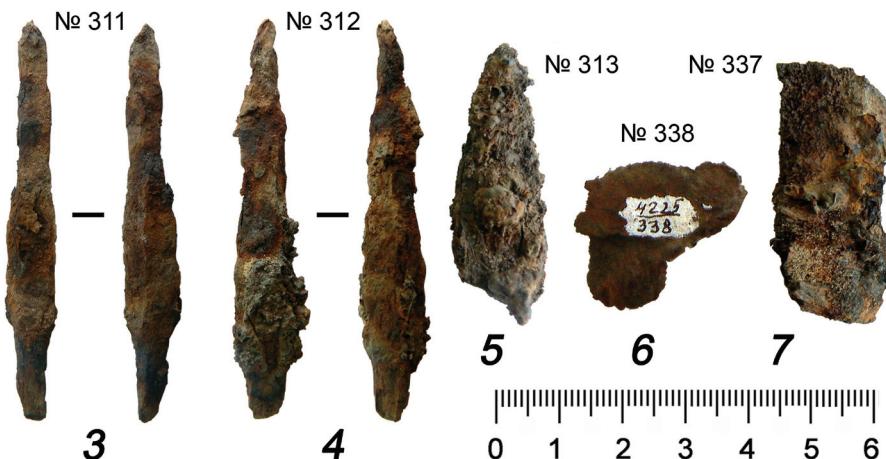

Экспликация костей

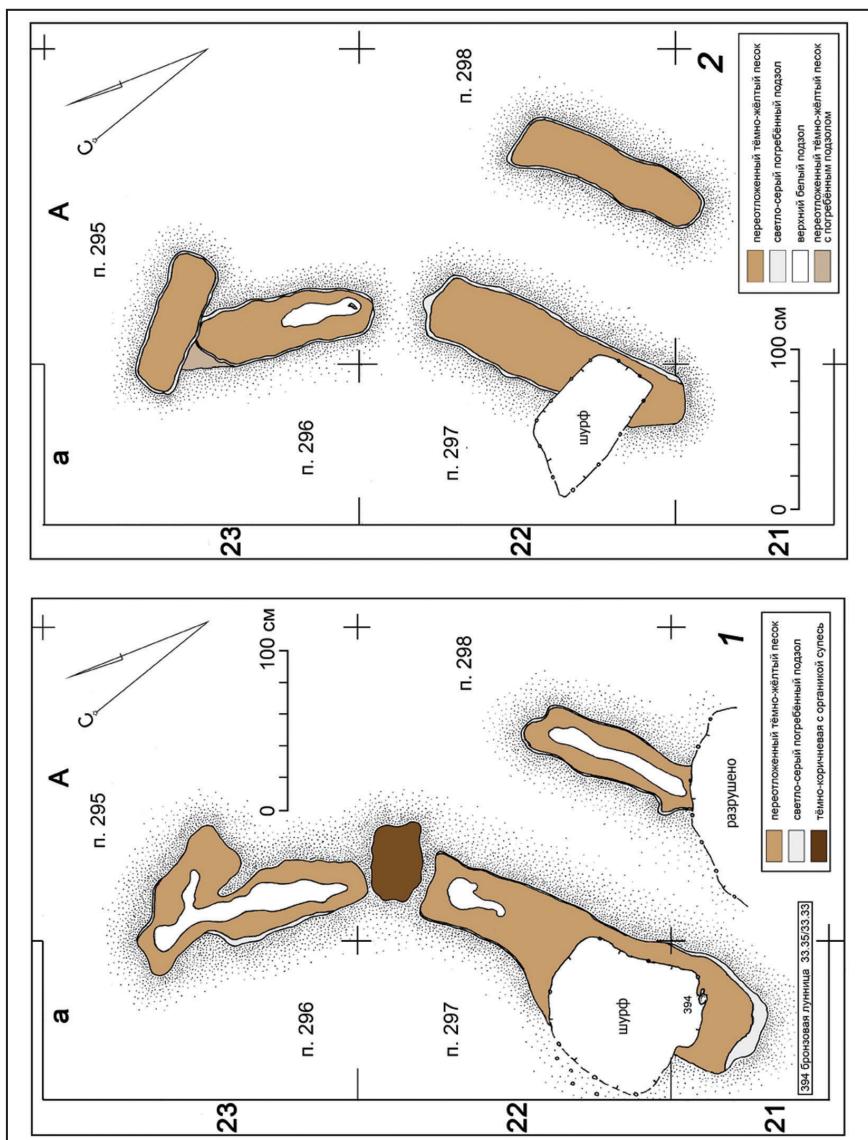
458 фрагмент диафиза большеберцовой кости 33.42/33.40
524 бедренная кость , диафиз 33.40

Экспликация находок

309-310 фрагменты железного изделия	33.42	325 фрагмент железного изделия	33.42/33.41
311 бронебойный наконечник стрелы	33.37/33.33	326-330 фрагменты железного изделия	33.43/33.36
312 бронебойный наконечник стрелы	33.43/33.38	331 фрагмент железного изделия	33.43/33.36
313 фрагмент плоского наконечника стрелы	33.36/33.35	332-333 фрагменты железного изделия	33.38
314 фрагмент деревка	33.36/33.35	334 фрагмент железного изделия	33.44/33.41
315 фрагмент железного изделия	33.37	335 фрагмент железного изделия	33.43/33.36
316-317 фрагменты железного изделия	33.42	336 фрагмент железного изделия	33.40/33.35
318 фрагмент железного изделия	33.43/33.38	337-339 фрагменты железного изделия	33.40/33.35
319-321 фрагменты железного изделия	33.35	340-343 фрагменты железного ножа	33.40
322-324 фрагменты железного изделия	33.37	344-347 фрагменты железного изделия	33.36

Ил. 14. Могильник
Сайгатинский IV.
Раскоп 5. Погре-
бения 295—298.
Верхние очерта-
ния. I — уровень
33.35 м; 2 — уро-
вень 33.30 м

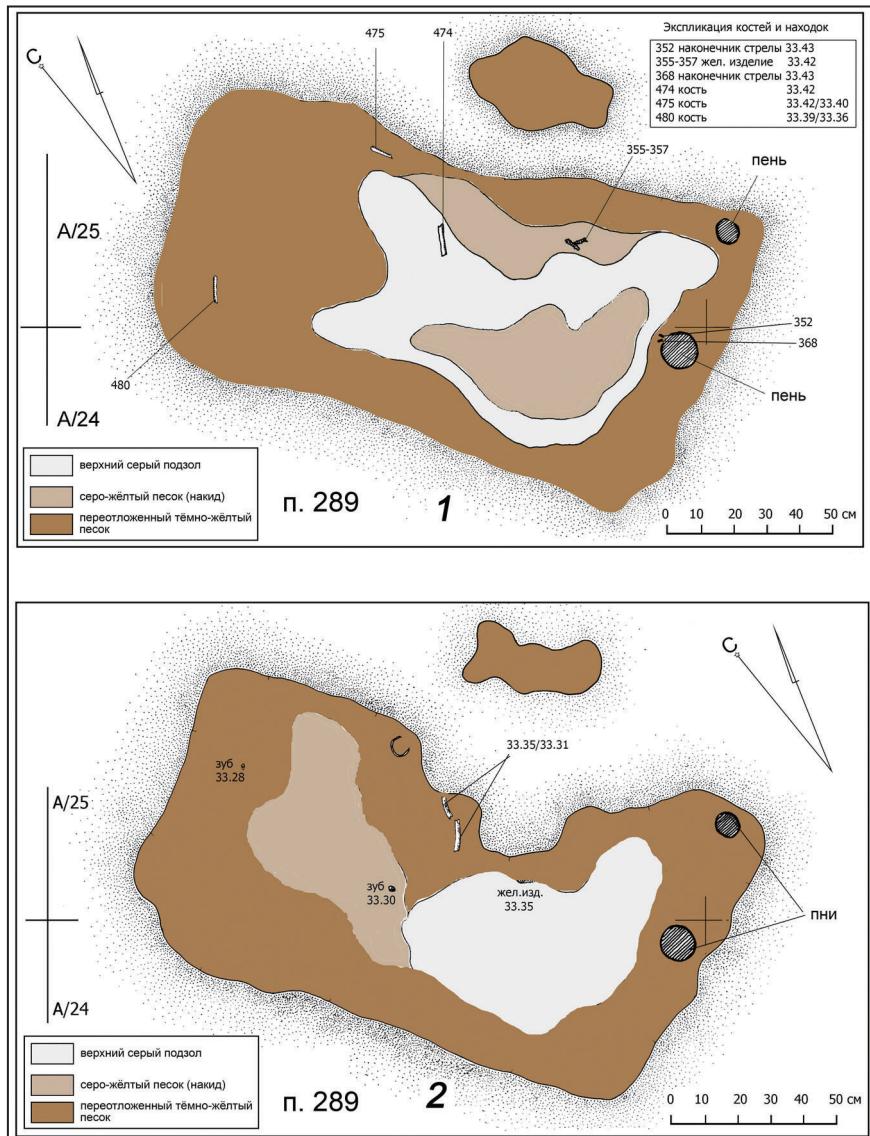

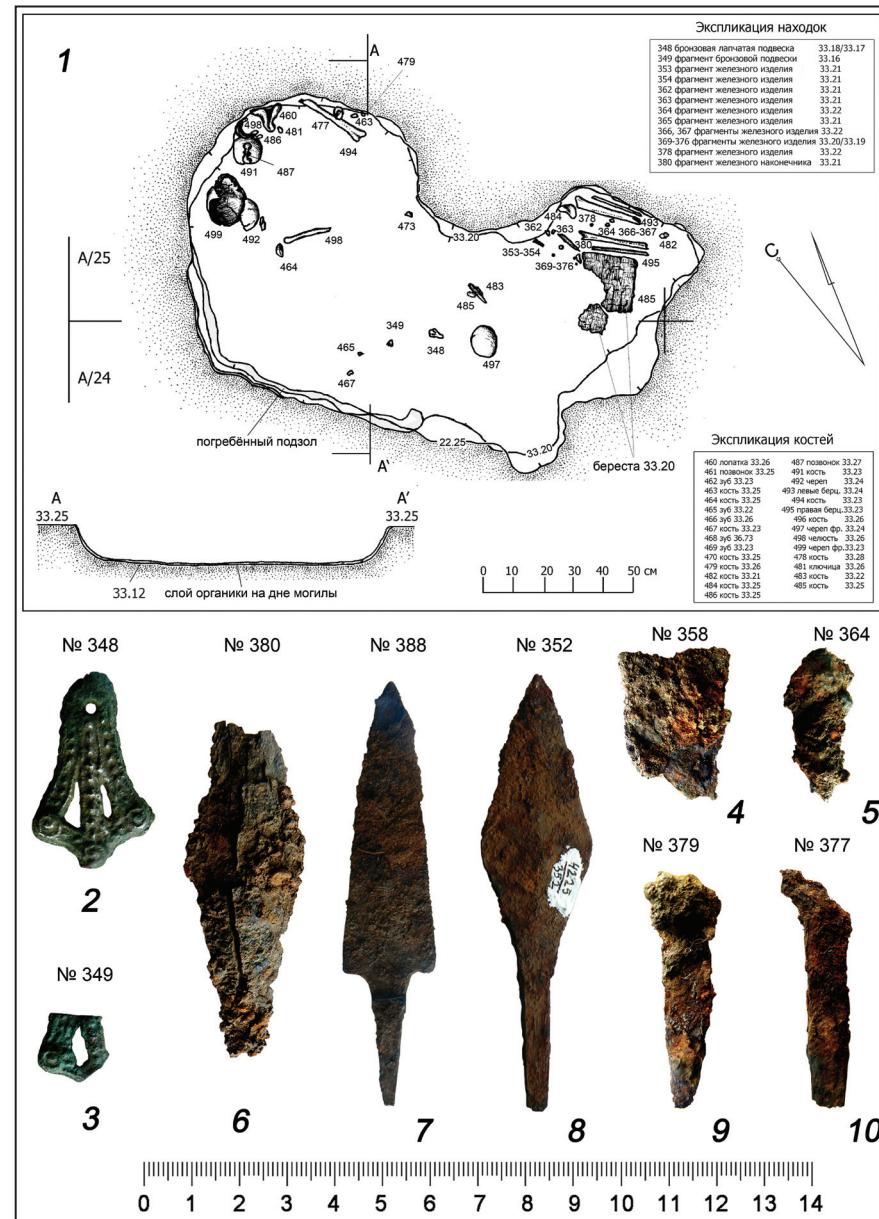
и их фрагментов (ил. 13 – 3–7). Было очевидно, что для умершего была выкопана яма подпрямоугольной формы со скруглёнными углами и суженной торцевой частью, ориентированная по оси север—северо-запад — юг—юго-восток, шириной 0,3–0,5 м. Длина её сохранившейся части — 1,8 м. Погребальная конструкция включала берестяной покров и мощное деревянное перекрытие. По истечении времени, достаточного для разложения мягких тканей, захоронение было разграблено, при этом кости оказались поломаны. Значительно позже, при прокладке трубопровода, погребение было потревожено повторно.

Две следующие группы средневековых погребений проявились полностью после зачистки на уровне 33,35 м, в пределах уч. А/21–25, а также в «прирезанной» линии уч. а/21–23. Две ямы, расположенные рядом (№ 297 и 298), были вытянуты по оси юго-запад — северо-восток. Три могилы (№ 289, 290, 295), ориентированные по линии северо-запад — юго-восток, располагались в один ряд, на расстоянии 1,0–1,2 м одна от другой (ил. 7; 14; 15).

Погребение № 289 было сильно повреждено выворотнем от упавшего дерева. Могильная яма находилась на уч. А–Б/24–25 и впервые отмечена на уровне 33,60 м. Её более чёткие границы обозначились значительно ниже, на отметке 33,35; 33,30 и 33,25 м (ил. 15; 16 – I). В могиле были обнаружены разрозненные остатки двух человек и фрагменты погребального инвентаря. От первого индивидуума до нас дошли череп, нижняя челюсть, зубы, шейные позвонки, лопатка, плечевые, берцовые и левая таранная кости, находившиеся в анатомическом порядке и сочленении. От второго — обломок теменной части черепа и каменистые кости зубов (ил. 16 – I). По этим остаткам можно судить, что в прямоугольной могиле размерами 1,7x0,9 м, глубиной в материке 0,28–0,30 м, ориентированной по оси северо-запад — юго-восток, были захоронены тела двух детей. Старший был уложен в северной части ямы на спину, с выпрямленными ногами, головой на северо-запад. Тело сильно не пеленалось. В южной половине был уложен младший ребёнок. По прошествии некоторого времени, в течение которого мягкие ткани истлели, погребение подверглось разграблению. Сопутствующий инвентарь представлен изделиями из железа (ил. 16 – 4–10). Среди них — два наконечника стрел, остальные — обломки очень мелкие и неопределимые. В центре могилы обнаружена целая бронзовая лапчатая подвеска и маленький фрагмент подобного украшения (ил. 16 – 2, 3).

Ил. 15. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 289. Верхние очертания могилы. 1 – уровень 33.35 м; 2 – уровень 33.30 м

Ил. 16. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 289. План и профиль могильной ямы (1), погребальный инвентарь (2–10). 1 – уровни 33.25–33.12; 2, 3 – бронза; 6–10 – железо

Погребение № 290 выявлено в юго-западном углу уч. А/24. На уровне 33,40 м оно имело вид узкой канавки, заполненной тёмным грунтом и вытянутой в меридиональном направлении. Её торцевые стенки уходили в край раскопа и юго-западную бровку уч. А/24. На следующем горизонте (33,35 м) размеры могилы уменьшились, и её границы вырисовались полностью (ил. 17 – 5). Яму окаймляла узкая лента погребённого светло-серого подзола. В центральной части могилы расчищены остатки посткраниального скелета, представленные диафизами длинных костей и фрагментом таза. Кости располагались в анатомическом порядке. В заполнении могилы обнаружен костяной предмет в виде заострённого стержня округлого сечения (ил. 17 – 11), а также несколько мелких бронзовых пластин (ил. 17 – 6–10). Последние – подтреугольной и аморфной формы, выпуклые и плоские, с неровными краями; они могли быть обломками бронзовых котлов либо украшений.

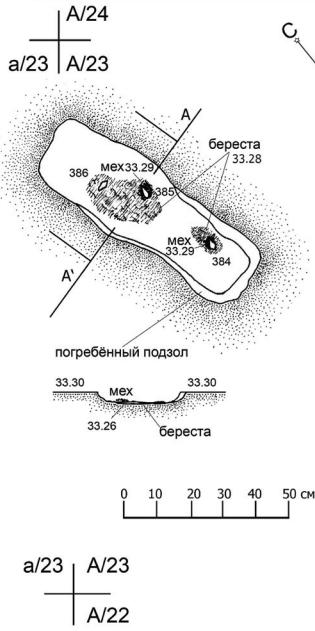
Судя по сохранившимся остаткам, для умершего была выкопана яма размерами ок. 2,0x0,6 м и глубиной порядка 0,5 м от уровня древней поверхности. Могила была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток и сужена в северной части. Покойник был уложен на спину с вытянутыми вдоль корпуса руками и выпрямленными ногами. Тело не было плотно зафиксировано. Разложение мягких тканей происходило в свободном пространстве, предполагающем наличие погребальной камеры. Неполный состав скелета и минимальное количество сопутствующего инвентаря указывают на то, что могила была ограблена в древности.

Погребение № 295 у поверхности сливалось с соседним погребением № 296 раннего железного века. На уровне 33,35 м оба углубления имели вид большого аморфного пятна, состоявшего из переотложенной жёлто-серой почвы, оконтуренной с западной стороны полосой серовато-белёсого подзола (ил. 14 – 1). На следующем уровне фиксации (33,30 м) контуры могил обозначились более чётко (ил. 14 – 2). Ямы здесь были сориентированы под углом 45° друг к другу, а торцевая северная стенка могилы № 296 примыкала к середине западной стенки погребения № 295. Ниже (33,25 м) погребения окончательно обособились (ил. 7; 17 – 1).

Могила № 295 приобрела прямоугольную форму со скруглёнными углами, размерами 0,73x0,20–0,23 м и ориентацию по оси северо-запад – юго-восток. На её дне обнаружены 3 бронзовые подвески, рядом с которыми прослеживались остатки меха, берёсты и иной органики

Экспликация находок

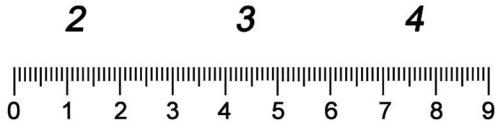
384 бронзовая лапчатая подвеска 33.28
385 бронзовая лапчатая подвеска 33.28
386 бронзовая лапчатая подвеска 33.29

№ 384

№ 385

№ 386

1

№ 381 № 382 № 382

6

7

8

№ 382

9 10

№ 382

11

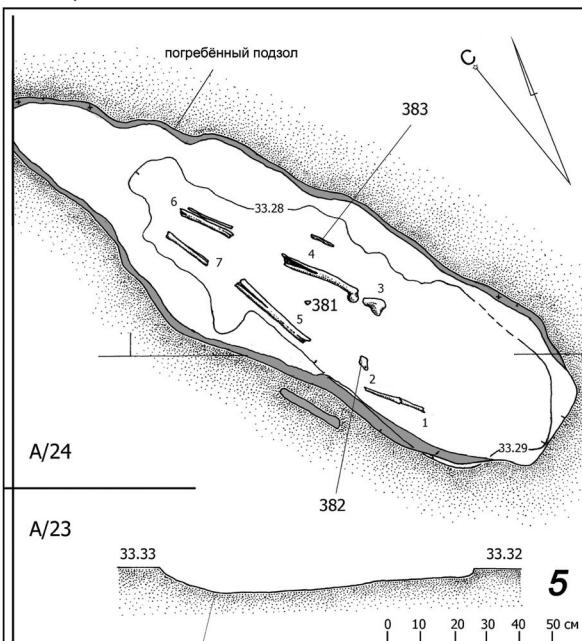

Экспликация костей

500 кость	33.31
501 кость	33.31
502 кость	33.31
503 кость	33.31
504 кость	33.32

Экспликация находок

381 фрагмент изделия из бронзы	33.30
382 фрагмент изделия из бронзы	33.30
383 костяное изделие	33.31

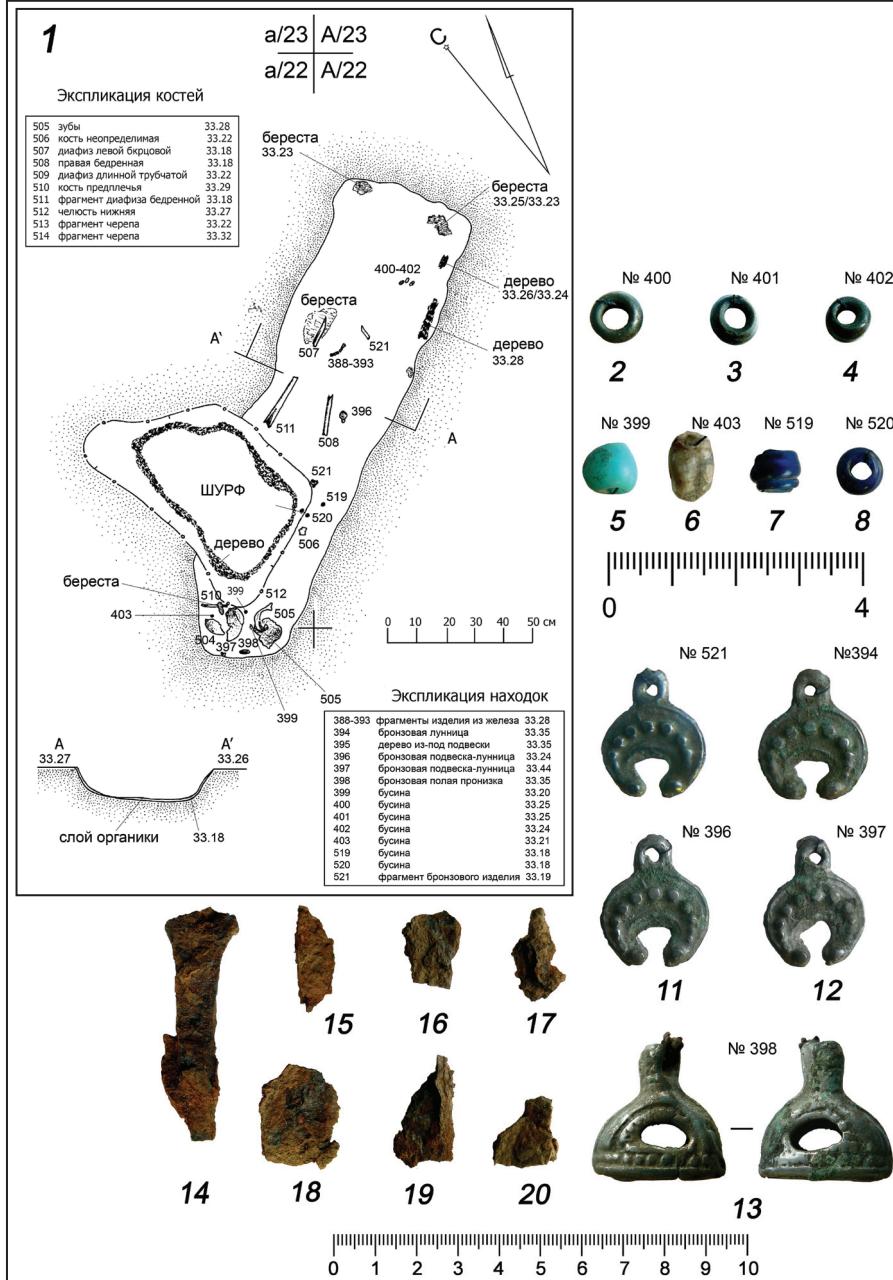

Ил. 17. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребения 295 (1–4) и 296 (5–11). Планы и профили могил (1, 5), погребальный инвентарь (2–4, 6–11). 1 – уровни фиксации – 33.30–33.26 м; 5 – уровни фиксации – 33.32–33.25 м; 2–4, 6–10 – бронза; 11 – кость

(ил. 7; 17 – 1–4). Один кусок берёсты (25x12 см) находился в центре ямы, другой (12x7 см) – близ её северо-восточной стенки. В древности для умершего была выкопана прямоугольная яма (0,7–0,9x0,2 м), углублённая в материк на 0,15–0,17 м. Скорее всего, в ней был похоронен ребёнок, погребальный костюм которого украшали плоские лапчатые подвески. Дно могилы устлано берестой. Судя по сохранившимся кусочкам меха под украшениями, покойник был одет в меховую одежду.

Погребение № 297. Первые очертания могилы зафиксированы на уч. А/22 на уровне 33,40 м. На отметке 33,35 см углубление приобрело вид прямоугольного (2,3x0,5–0,6 м) пятна, вытянутого по линии северо-восток – юго-запад (ил. 14 – 1). На следующем горизонте (33,30 м) границы ямы стали более чёткими. Для полного исследования могилы были прирезаны дополнительные уч. а/21–22 (ил. 7; 14 – 2). На последних был обнаружен разведочный шурф (1x1 м), ориентированный по сторонам света. Ниже заполнение могилы разбиралось по её контурам. В могиле обнаружены разрозненные антропологические останки и атрибуты сопутствующего инвентаря (ил. 14 – 2; 18). Останки человека представлены фрагментами черепа и элементами посткраниального скелета. Часть костей сохранилась в первоначальном положении, остальная была разрушена и перемещена. По стенкам могилы и на её дне прослеживались куски берёсты.

По этим материалам можно заключить, что для покойного была выкопана прямоугольная яма размерами 1,7x0,5 м, ориентированная по оси северо-восток – юго-запад, углублённая в материк на 20 см. Тело умершего было положено на спину, вытянуто, головой на юго-запад, о чём свидетельствует положение костей нижних конечностей. Череп и фрагмент диафиза длинной кости смещены со своего первоначального положения, по всей видимости, вследствие ограбления погребения. Судя по состоянию костей черепа, проникновение в погребальную камеру произошло после разложения мягких тканей и связок умершего человека. Рядом с его черепом найдены две пастовые бусины (ил. 18 – 5, 6), две бронзовые лунницы и полая бронзовая подвеска (рис. 18 – 10, 12, 13), ок. правой бедренной кости – вторая лунница (ил. 18 – 11). Ещё одна лунница (рис. 18 – 9) и две стеклянные бусины (рис. 18 – 7, 8) лежали чуть выше, на границе с шурфом. Между костями ног сохранились фрагменты двух железных изделий неопределённого назначения (ил. 18 – 14–20). Ещё 3 бусины найдены ближе к восточной стенке могилы (ил. 18 – 2–4). Тонкая прослойка органики на дне

Ил. 18. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 297. План и профиль дна могилы (1), погребальный инвентарь (2–20). 1 – уровни фиксации 33.26–33.18 м; 2–8 – стекло, паста; 9–13 – бронза; 14–20 – железо

могилы указывала на наличие здесь в момент погребения подстилки из меха или берёсты.

Погребение № 298. Очертания могилы фиксировались от отметки 33,40 м (ил. 14 – 1, 2). С уровня 33,25 м (ил. 19 – 1), когда обозначились более чёткие границы углубления, оно выбиралось по контурам. Могильная яма — овальная, размерами 1,2x0,3 м, ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Её северо-восточная торцевая стенка имела выступ (15x15 см), обращенный к северу: возможно, это только нора. На уровне 33,30–33,25 м вдоль стенок могилы фиксировались остатки перекрытия в виде небольших участков древесного тлена и берёсты. На дне ямы (ил. 19 – 1) сохранились куски берёсты, под которыми лежали зубы человека и немногочисленные изделия из бронзы и железа. Зубы располагались в горизонтальной плоскости, жевательные поверхности разнонаправлены, чётких рядов, соответствующих анатомическому расположению зубов, они не образуют. Ещё один зуб обнаружен в центральной части погребения. Бронзовые украшения представлены бракованной отливкой подвески-лунницы (ил. 19 – 3) и тонкой согнутой пластинкой (ил. 19 – 2). Изделия из железа плохой сохранности, сильно повреждены коррозией (ил. 19 – 4, 5).

Предполагается, что для захоронения ребёнка была выкопана яма овальной формы, размерами 1,2x0,3 м, глубиной до 20 см в материке. Несмотря на отсутствие останков скелета и малочисленность инвентаря, достаточных аргументов для предположения ограбления, кажется, нет. В детских погребениях данного некрополя часто сохраняются только зубы, а состав сопровождающего инвентаря нередко отличается минимализмом.

Погребение № 285 было срезано транспортной колеёй и залито мазутом. Его полные контуры были установлены после расчистки сохранившейся части костяка на уч. И–К/23 (уровень 33,65 м) и прирезки уч. И–К/24. Между тем более чёткие очертания могилы начали фиксироваться с уровня 33,60 м. Яма — вытянуто-овальной формы, размерами 1,7x0,30–0,44 м, глубиной 20 см в материке, ориентирована по оси запад—юго-запад — восток—северо-восток. Контур углубления маркировался едва заметным древесным тленом. Останки погребённого и другие находки локализовались в средней части ямы. Здесь были обнаружены кости человека в анатомическом соответствии (бедренные, кости голени, элементы левой кисти), остатки меха и бронзовые изделия — две плоские шумящие подвески с цепочками и бубенцами. Кости черепа отсутствовали (ил. 14 – 1, 2; 19 – 6). Первая шумящая

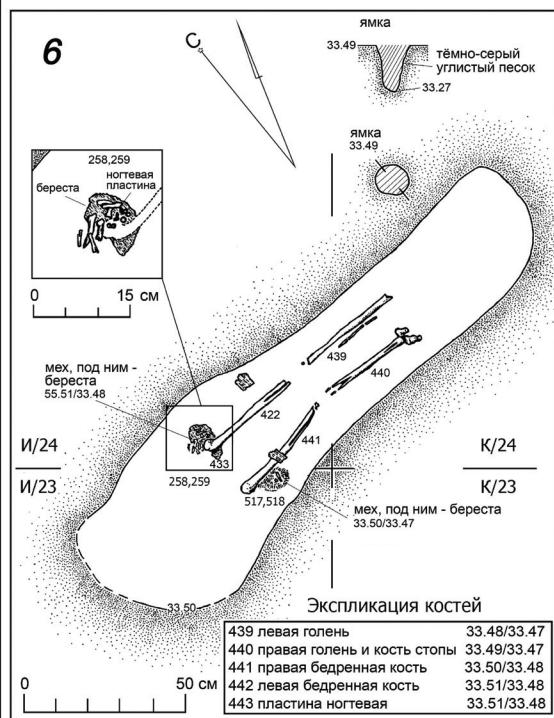

419	бронзовая подвеска-лунница	33.25
420	фрагменты бронзовой пластиинки	33.27
421-423	фрагменты железного изделия	33.26/33.24
424-426	фрагменты железного изделия	33.36

Экспликация находок

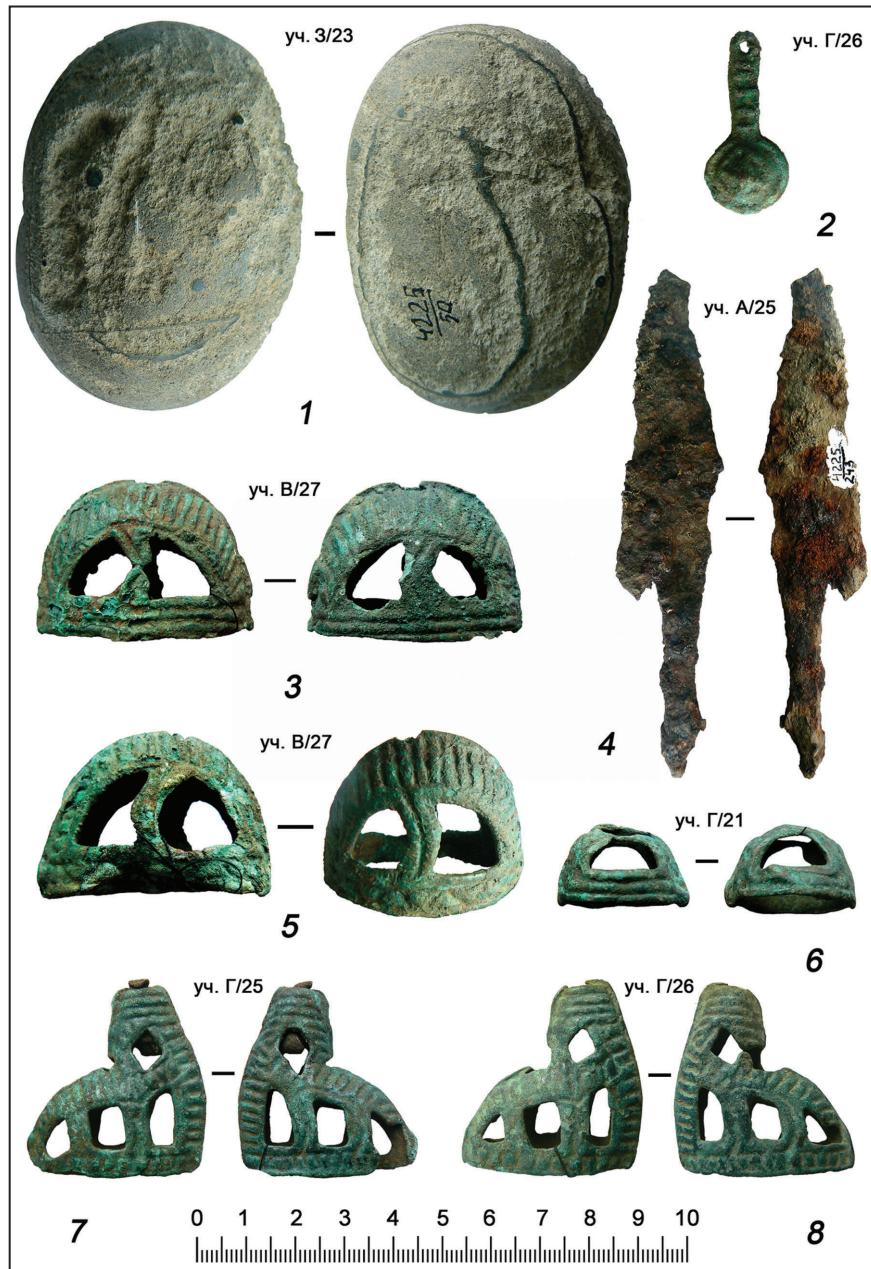
258	бронзовая шумящая подвеска	33.47/33.45
259	мех из-под подвески	33.47/33.45
517-518	мех. береста, подвеска шумящая	33.50/33.47

Ил. 19. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребения 298 (1–6) и 285 (6–8). Планы могил (1, 6) и погребальный инвентарь (2–5, 7, 8). 1 – уровни фиксации 33.27–33.22 м; 6 – уровни фиксации 33.51–33.47 м; 2, 3, 8 – бронза; 4, 5 – железо; 7 – бронза, мех

подвеска (ил. 19 – 8) находилась между правой бедренной костью человека и юго-восточной стенкой погребения. Подвеска стояла в вертикальном положении, перпендикулярно длинной оси ямы; петли для крепления цепочки были обращены книзу. К медиальной петле присоединено звено цепочки. Вплотную к подвеске прижат бубенец. Украшение снизу и с боков было окружено остатками мехового изделия. Мех мягкий, коричневый, длиной до 10 мм. Вторая шумящая подвеска найдена под проксимальной частью левого бедра. Здесь же были расчищены элементы левой кисти руки. Подвеска располагалась практически вертикально, составляя перпендикуляр к длинной оси бедра и могильной ямы. Петли для крепления цепочки были обращены вверх (ил. 19 – 6, 7). Под верхней частью бедренной кости, элементами кисти и бронзовым изделием обнаружены остатки меха. В зоне ногтевых фаланг и ногтей он был мягкий, коричневый, длиной до 5–7 мм (куньи?). Между пястными костями проступал жёсткий, трубчатый мех с длиной волоса более 10 мм (северный олень?). Под мехом залегал слой берёсты, «волокна» которой были ориентированы перпендикулярно длинной оси погребения.

Исходя из зафиксированных остатков, можно реконструировать следующую картину. Для погребения была выкопана яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,7x0,3–0,45 м, глубиной ок. 0,25 м от уровня древней поверхности, ориентированная по оси восток–северо-восток – запад–юго-запад. В могилу была помещена деревянная конструкция, от которой сохранилась прослойка органики на дне ямы. Судя по расположению костей посткраниума, умерший былложен головой на запад – юго-запад с вытянутыми вдоль туловища руками и вытянутыми ногами. Плотной циркулярной фиксации тела не установлено, однако наблюдается преднамеренное придание особого положения левой руке. Левая кисть покойного не-крепко охватывала бронзовое изделие – шумящую подвеску. Неплотно сжатый кулак был прижат тыльной стороной к ноге и частично заведен под ягодицу. Разложение тела происходило при наличии свободного пространства. Зафиксированные границы могилы не соответствуют размерам погребённого индивида: яма гораздо меньше. Могильное сооружение включало деревянную конструкцию, облик которой восстановить сложно. Возможно, в могиле было совершено парциальное захоронение. Не исключено также, что погребение было ограблено в древности, однако известные сомнения в этой версии вызывает неподтверждённое положение бронзовых украшений.

Ил. 20. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Антропоморфное изображение (1) и средневековый погребальный инвентарь (2–8) из переотложенных слоёв. 1 – камень; 2, 3, 5–8 – бронза; 4 – железо

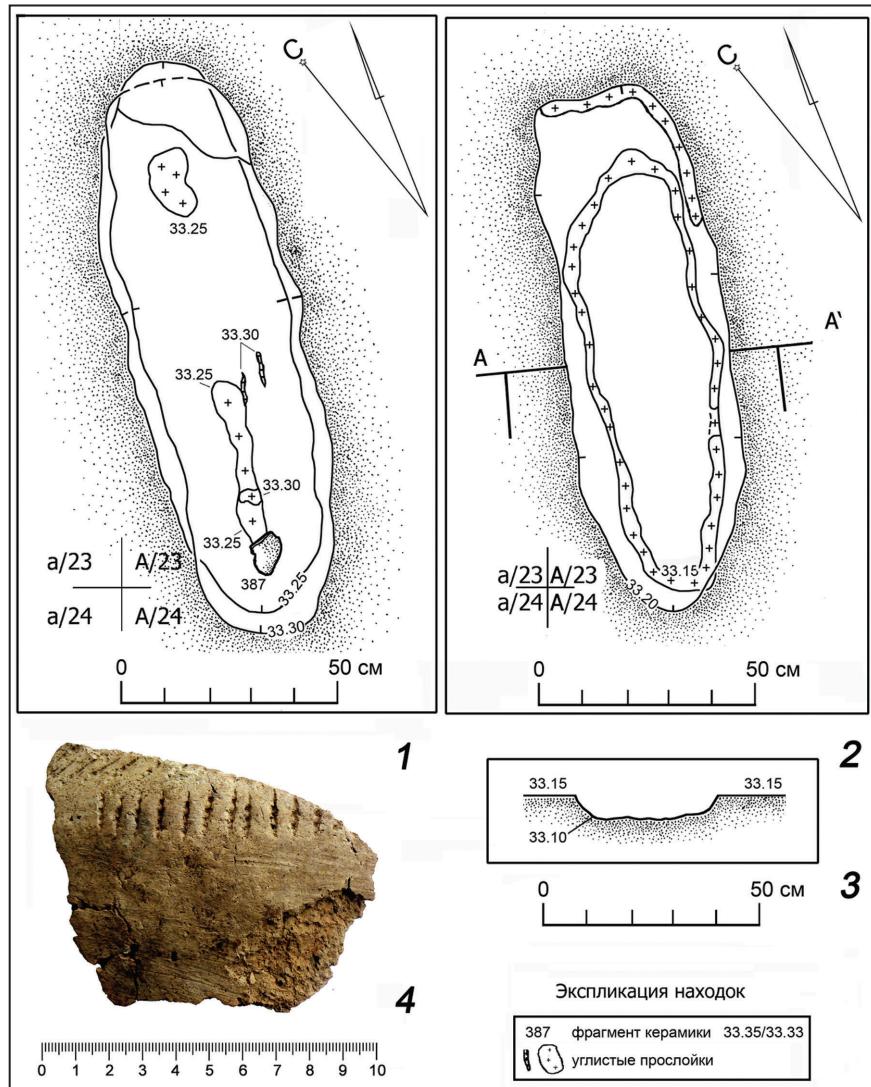
Предметы из переотложенных слоёв, связанные с уничтоженными средневековыми могилами. Помимо единичных человеческих костей, они представлены фрагментом железного наконечника стрелы и бронзовыми подвесками — небольшой плоской ложковидной (серьга?) и четырьмя полыми зооморфными, в том числе одной миниатюрной (ил. 20 — 2–8).

Объекты раннего железного века (раскоп 5)

Погребение № 296. Могильная яма, обнаруженная на уч. А/22—23 между двумя рядами средневековых могил (№ 289, 290, 295 и 297, 298), отличалась от остальных погребений ориентацией, деталями конструкции и погребальным инвентарём. Кроме того, в верхнем горизонте она была прорезана средневековой могилой № 295. Всё это, а также найденный в заполнении погребения № 296 фрагмент сосуда раннего железного века подтверждают версию о более ранней дате данного объекта: в пределах IV/III вв. до н. э. — III в.

На отметке от 33,35 до 33,30 м северный край могилы № 296 ещё соединялся с расположенной рядом могилой № 295. Интересующая нас яма имела подпрямоугольно-ovalную форму с неровными стенками, размерами 1,3x 0,35—0,4 м (ил. 14 — 1, 2; 21 — 1). На уровне 33,25 м границы могилы обозначились в пределах овального пятна размерами 1,3x0,4 м, сориентированного по линии север—северо-восток — юг—юго-запад. В пределах углубления фиксировались локальные углистые линзы и пятна бурой органики. Практически с верхних горизонтов фиксации было подмечено, что заполнение данной могилы заметно отличается от расположенных рядом погребений № 295 и 297. Оно представляло собой супесь бурого цвета с углистыми включениями. Контуры могилы очерчены узкой полоской органики тёмно-коричневого цвета (ил. 21 — 2). Останков погребённого в могиле не обнаружено. В верхнем горизонте ямы, ок. её южной торцевой стенки лежал крупный обломок стенки сосуда кулайской культуры раннего железного века (ил. 21 — 2, 4).

Для умершего была выкопана яма подпрямоугольной формы, размерами 1,3x0,4 м, глубиной 20—25 см в материке, ориентированная по оси север—северо-восток — юг—юго-запад. Стенки ямы полого опускались к неровному дну. Дно и стенки могилы были выстланы каким-то материалом, возможно мехом. Остатками этого покрова являлся тонкий слой тёмно-коричневой супеси с включением органики.

Ил. 21. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Погребение 296. Планы и профиль дна могилы (1–3), керамика (4). 1 – уровни фиксации – 33.30, 33.25 м; 2 – уровни фиксации – 33.20, 33.15 м; 3 – профиль дна могильной ямы (уровни фиксации – 33.15–33.10 м); 4 – фрагмент сосуда раннего железного века

Яма I (культовая постройка?). В рельефе данное углубление не было выражено и обнаружилось в процессе раскопок на свободной от других объектов площадке (уч. Б/22–23), в непосредственной близости от могил № 295–298. При этом погребение № 296 находилось всего в 1,5–2,0 м юго-восточнее ямы I (ил. 7). Яма была перекрыта мощным (0,20–0,45 м) техногенным горизонтом — мешанным светло-жёлтым песком с оподзоленными и углистыми прослойками. Под ним фиксировались остатки пепельно-серого подзола. На верхнем уровне (33,50 м) она сливалась с проходившей рядом широкой колеёй, ориентированной по оси северо-восток — юго-запад. Это указывает на то, что южный край ямы I был продавлен колёсной и гусеничной техникой. На уровне 33,40 м углубление приобрело очертания и размеры, близкие первоначальным. Яма I в плане подпрямоугольная (1,8x1,2–1,4 м), с ориентацией, близкой меридиональной. Два противоположных выступа, расположенные на центральных отрезках её длинных сторон, остались, по-видимому, от современных деревьев. На шести следующих уровнях (от 33,300 до 32,965 м) форма ямы менялась от вытянутой подпрямоугольной до овальной и затем — неправильной квадратной. На среднем уровне (33,20 м) углубление имело максимальные размеры: 2,00x1,65 м. У дна (33,00–33,05 м) его площадь сократилась до 1,6x1,4 м (ил. 22).

Яма I была выкопана в материковых песках на глубину ок. 0,5 м. Её слегка вогнутое дно прорезало канавку естественного происхождения, образовавшуюся в материковом жёлтом песке и заполненную светло-серым «оглеенным» песком (ил. 22). Верхние горизонты ямы I сложены светло-серыми подзолами с пятнами ортзандов, средние — жёлто-серыми углистыми и буро-коричневыми супесями с включениями сгоревшей и сгнившей органики, нижние — красно-оранжевыми прошлаками, чёрными углистыми супесями, розовато-жёлтыми песками, жёлто-коричневыми и бурыми ортзандами. Некоторые культурные слои с восточной стороны прорезаны норами животных.

У юго-западной границы ямы обнаружен практически целый сосуд раннего железного века. Он стоял *in situ* вверх дном, устьем вниз. Уровень фиксации дна горшка — 33,235 м, устья — 33,120 м. Под сосудом и вокруг него зафиксирован горизонт прошлённого красно-оранжевого песка мощностью 5–6 см и тонкая (1–2 см) серо-коричневая углистая прослойка (ил. 7; 22; 23). Сосуд лепной, горшечной формы, круглодонный. Максимальный диаметр его туловища — 17,0 см, устья — 16,2 см, высота — 14,5 см. Шейка невысокая (2,0–2,5 см), слегка отогнутая,

Ил. 22. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Яма I (культовая постройка?) раннего железного века. Уч. Б/22–23 (уровень 33.05 м). Сн. с северо-северо-востока

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

Ил. 23. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Яма I (культовая постройка?). Уч. Б/23. Сосуд раннего железного века

плечики выпуклые, слабопрофилированные, придонная часть плавно зауженная. Верхний срез сосуда неровный; венчик плоский, скошен внутрь ёмкости. Глиняное тесто с примесью шамота и песка. Горшок с обеих сторон обработан щепой и гребёнкой, затем заглажен, причём снаружи — более тщательно. На обеих сторонах прослеживаются длинные параллельные борозды от зубчатого шпателя, причем изнутри — более глубокие и в большем количестве. Обжиг горшка неравномерный, костровый. Толщина шейки, стенок и дна варьирует в пределах 4–7 мм. Орнамент на сосуде простой и разреженный. Основание шейки украшает неровный поясок небрежно нанесённых ямок — округлых, овальных и неправильной формы. Ямки средней глубины, реже — глубокие, оставляющие бугорки («жемчужины») на внутренней стороне сосуда. На плечиках — поясок наклонных оттисков крупнозубчатого штампа в форме двояковыпуклой линзы. На одном из участков поясок прерывается, и вдавления отсутствуют. Венчик покрыт частыми наклонными оттисками того же штампа. В целом в декоре, форме и обработке сосуда чувствуется определённая небрежность. Данный тип горшков характерен для посуды сургутского варианта куляйской культуры (культурно-исторической общности), возможно, его поздней, «саровской», стадии²¹. До недавнего времени последняя датировалась I в. до н. э. — III в.²²; сейчас разделена на две (среднюю и позднюю), хотя хронология их чётко не определена²³.

После разрушения объекта стенки ямы I осыпались и стали покатыми; постепенно песок заполнил всё углубление. Приблизительно через полторы тысячи лет это место стало активно использоваться в качестве средневекового кладбища, что также изменило очертания поверхности ямы. Тем не менее достаточная её глубина и песчаная засыпка предохраняли сосуд от разрушения. До нас он дошёл в относительно хорошем состоянии и почти таким, каким его оставили древние обитатели Сургутского края. Дно горшка было слегка проломлено при раскопках. Вместе с тем, он и в древности был, возможно, не новым. В момент, когда сосуд был поставлен сюда, его плечики были слегка сколоты. Так что готовить пищу в такой ёмкости было весьма проблематично. В лучшем случае, данный сосуд можно было использовать для хранения продуктов или в каком-то ином качестве. При этом горшок был оставлен пустым: он находился вверх дном и «жал своей очереди».

Можно предположить, что охарактеризованное выше углубление являлось не простой ямой, а котлованом небольшой постройки. Явных

остатков столбовых конструкций в яме I и рядом с ней не выявлено, равно как и следов бревенчатых стен. Тем не менее в яме сохранились остатки сгоревшего и сгнившего дерева. Нельзя также установить, ограничивалась ли постройка территорией углубления или последнее занимало только часть помещения. Котлован первоначально был хотя и небольшой ($1,8-2,0 \times 1,8$ м), но глубокий ($0,50-0,55$ м). Его песчаные стенки могли сохраниться только благодаря опалубке из жердей или колотых досок, укреплённых вертикальными кольями. Пол в данном помещении, особенно в зимнее время, мог быть покрыт деревом. В целом, это могла быть небольшая постройка с углублённым полом и лёгким деревянным (жерdevым) каркасом. При этом она была явно нежилая. Кроме единственного сосуда, в данной постройке ничего не найдено. В том числе очагов и очажных слоёв с костной крошкой — обязательного атрибута жилых помещений.

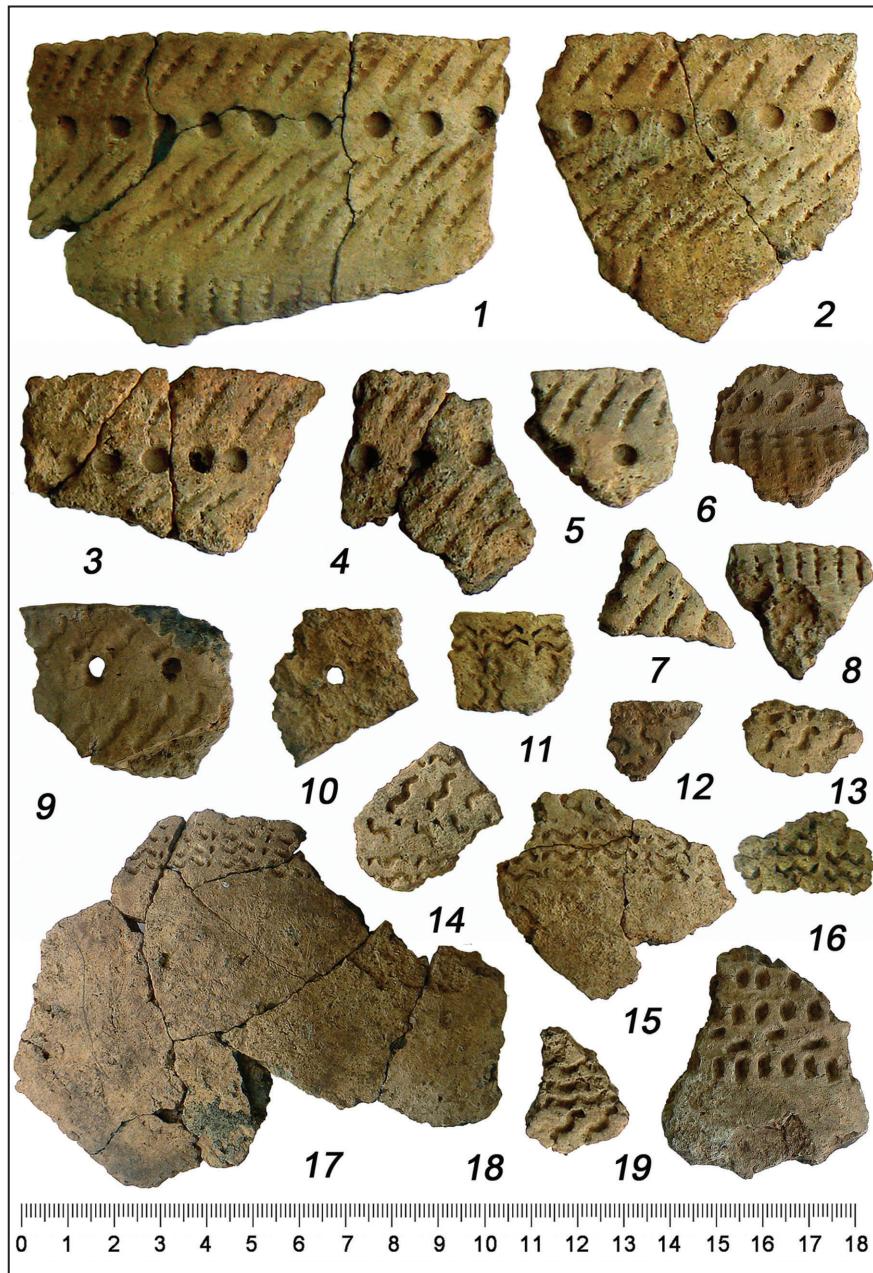
От известных полифункциональных домов, как круглогодичных, так и зимних, выступавших в качестве жилых, производственных, хозяйствственно-бытовых и иных помещений, наша постройка отличалась и по конструкции. Кулайские жилища обычно средних и больших размеров (от 30 до 130 кв. м; известно одно площадью 170 кв. м), прямоугольные, наземные, со слегка углублённым полом, каркасно-столбовой, реже — срубной конструкции. Стены построек слегка наклонные или вертикальные. Снаружи они укреплялись песчаной обваловкой-«завалинкой», по периметру которой прослеживались канавки или цепочка овальных ям-«карьеров», из которых брали песок для насыпки нар и завалинок. У ряда домов имелся крытый, выступавший наружу коридорообразный вход. В Сургутском и Нижнем Приобье раскопаны сотни и открыты тысячи таких жилищ. Правда, наша постройка по размерам сходна с малыми кулайскими объектами хозяйственного назначения площадью от 2 до 16 кв. м²⁴. Помещение использовалось явно не постоянно, а периодически, и не в производственных целях. В лучшем случае, таковыми могли быть землянки-кладовые. Впрочем, в раскопанных малых помещениях также находят артефакты — керамику от нескольких ёмкостей, обломки тиглей, орудий труда и т. д. Нахождение целого сосуда вверх дном, на «заплечиках» котлована, использовавшихся в качестве деревоземляных нар, также большая редкость. Хотя в древности так обычно и хранили в жилищах пустые круглодонные ёмкости, а также сосуды на поддонах или с маленьким плоским дном²⁵. Всё это наводит на мысль об особом, возможно сакральном, назначении данной постройки. Тем более, рядом находилось

погребение № 296 раннего железного века. Специальных культовых построек кулайского времени в Сургутском Приобье пока не известно. Между тем именно к рубежу эр в этом регионе относятся самые ранние святилища и первые достоверные погребальные комплексы²⁶. Примерно в это же время (ок. II—I вв. до н. э., а по данным дендрохронологии — в сер. I тыс. до н. э.) в Нижнем Приобье появляется известный кулайский культовый центр — Усть-Полуйское городище-святилище²⁷ с остатками предполагаемых «культовых амбарчиков»²⁸, функционировавший вплоть до III в.

До кулайской «эпохи» культовые предметы, по-видимому, хранили в обычных домах, хотя и в специально отведённых для них частях помещения.

Остатки поселенческих слоёв. В процессе раскопок зафиксированы два типа остатков, которые можно отнести к древним поселениям: обломки глиняной лепной посуды раннего железного века и участки самих древних слоёв.

Керамика залегала большей частью в переотложенном состоянии в верхнем горизонте памятника, реже — *in situ* в остатках древних слоёв. При этом основная масса обломков ($216 = 92,7\%$) была сосредоточена на двух участках — А/22 (188 ед.) и Г/17 (28 ед.), разделённых промежутком в 9 м. На каждом из них были найдены осколки от двух разбитых сосудов. В целом керамика представлена 233 фрагментами (без учёта горшка из предполагаемой культовой постройки и черепка из погребения № 296), относящимися, как минимум, к пяти сосудам (ил. 24). Три из них выделены по шейкам с венчиками (22 фр.) (ил. 24 — 1–5, 9–11), два — по стенкам с оригинальным орнаментом (2 фрагмента) (ил. 24 — 6, 19). Не исключено, и даже вероятно, что часть неорнаментированных черепков, в частности с уч. Ж/18, И/18, Г/21, З/19 или из очажного слоя на уч. И/19, могла относиться к другим ёмкостям. Керамика лепная, изготовлена из глины с примесью шамота и песка. Обжиг сосудов неравномерный, костровый. Цвет черепков жёлтый, кремовый, серо-жёлтый, светло-коричневый, жёлто-коричневый с серыми пятнами; на изломе — тёмно-серый. Керамика фрагментированная, но в нескольких случаях осколки подклеиваются в крупные обломки. Толщина черепков варьирует от 4 до 8 мм. Сосуды горшечной формы, слабопрофилированные, с плоским, слегка скошенным внутрь ёмкости венчиком, слабо отогнутой шейкой высотой 2,5–3,0 см, намеченными плечиками, слабо раздутым туловом и зауженной придонной частью. Обломков плоских донышек нет: скорее

Ил. 24. Могильник Сайгатинский IV. Раскоп 5. Керамика раннего железного века из переотложенных и поселенческих слоёв

всего, посуда была круглодонной. Орнамент покрывает шейку сосуда, плечики и верхнюю часть стенок, у двух из трёх ёмкостей — венчик. Декор в нижней части тулов и на дне обычно отсутствует. Узоры плотные, без свободных пространств, с примыкающими друг к другу концентрическими орнаментальными зонами. По орнаменту основная масса черепков относится к двум типам: ямочно-гребенчатому и ямочно-фигурно-штампованным. Обязательный элемент декора сосудов — поясок круглых ямок по основанию шейки, с «негативом» на обратной стороне в виде ряда небольших «жемчужин». Иногда в этих поясках присутствуют сквозные отверстия. Два горшка орнаментированы гребенчатым чеканом с линзовидным острием и зубцами средней величины (ил. 24 — 1–8), столько же — отпечатками фигурного штампа в виде змейки и уточки (ил. 24 — 9–18). Узоры просты и представляют собой пояски наклонных, вертикальных или горизонтальных оттисков штампа; пояски с одинаковыми отпечатками группируются по 2–3, а затем чередуются. На венчиках нанесён поясок наклонных оттисков. Один сосуд с гребенчатым декором (ил. 24 — 1–5, 7, 8) по орнаментике сходен с черепком из погребения № 296 (ил. 21 — 4) и горшком из предполагаемой культовой постройки на уч. Б/22–23 (ил. 23). Судя по форме и орнаменту, вся эта посуда относится к сургутскому варианту кулайской культурно-исторической общности.

Из общей массы находок выделяется обломок стенки сосуда, найденный на уч. Г/25 (ил. 24 — 19). Забегая вперёд, отметим, что данный участок находится за пределами зоны кулайских поселенческих объектов, открытых в раскопе 5. Ямочный декор этой ёмкости, прежде всего поясок треугольных ямок-насечек, расположенных в шахматном порядке, аналогичен узорам на сосудах калинкинской культуры VI–IV/III вв. до н. э.²⁹

Антропоморфный камень — ещё одна находка, помимо керамики, которую следует упомянуть. Он происходит из переотложенного слоя на уч. З/23 (уровень 33,94 м). Это овальная галька (8,5x6,0x2,8 см), на одной из сторон которой угадывается подобие человеческого лица (так называемая личина). Две неглубокие ямки напоминают глаза, длинная прямая канавка — нос, расположенный под ними сегментовидный естественный валик похож на рот человека (ил. 20 — 1). По заключению специалиста-трасолога, вns ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрГУ Л.Л. Косинской, порода камня мягкая, зернистая, метаморфизированная (возможно, песчаник), легко поддаётся обработке и естественной деформации. На торце гальки и вдоль тёмно-серых прожилок прослеживаются следы

«выкрошенности», скорее всего, естественной. Вероятно, следствием такой деформации являются углубления на лицевой части предмета («глаза», «нос», углубление внутри «рта»). Была галька подработана мастером или нет — установить не удалось, но выбитость на камне — явно древняя, не современная. Датировка предмета не ясна.

Культурные слои раннего железного века содержат остатки неглубоких котлованов, больших и малых хозяйственных (?) ям, столбовых ямок, наземных кострищ, углубленных очагов (очажных ям и канав), а также обугленных деревянных конструкций, углистых пятен, оранжевых прокалов, светлых погребённых подзолов, тёмно-коричневых супесей. Последние насыщены сгоревшей и сгнившей органикой, в том числе кальцинированными костными остатками (по-видимому, рыб, птиц и млекопитающих). У нас нет возможности представить развёрнутое описание всех обнаруженных объектов данного периода. Отметим только, что все они были выявлены в узкой полосе вдоль юго-восточной границы раскопа 5 и располагались тремя группами (уч. 3—И/23—25; 3—И/18—19; 3—И/14—15), разделёнными промежутками в 4—7 м. Сейчас трудно установить, сколько жилищ здесь было первоначально. На поверхности они не фиксировались. Судя по территории распространения (25x4 м) на описываемом памятнике и внешнему облику остатков построек на соседнем кулайском Кучиминском XL селище, в раскопе 5 их было не менее двух. В древности такие «дома», по-видимому, имели вид каркасно-столбовых сооружений со слабо углублённым полом. Ширина северной постройки была не менее 5 м. Удалённость от реки, а также относительная «стерильность» помещения (отсутствие обломков керамики, орудий труда, предметов быта, отходов производства и т. д.) указывают на то, что данная постройка была зимником. Второе жилище и, возможно, какие-то «надворные» строения были связаны с центральной группой поселенческих объектов. Здесь и рядом с этой группой были найдены отдельные фрагменты кулайской глиняной посуды. Именно это послужило основанием для датировки всех поселенческих остатков, открытых на раскопе 5, ранним железным веком. К объектам южной группы с уверенностью можно отнести одну-две крупные ямы, одну мелкую ямку, пласт прокалённой супеси и канаву, заполненную углистым подзолом. Все они, за исключением небольшой ямки, были углублены в материковые пески и, бесспорно, являлись следами жизнедеятельности древних людей.

Находки между раскопами 3 (1990 г.) и 5 (2009 г.)

Комплекс древних предметов случайно обнаружен В.И. Стефановым после прирезки дополнительных уч. а/22–23, рядом с погребениями № 295–297. ТERRитория вокруг расположенных здесь пней от спиленных берёз была покрыта мхом, высокой травой и кустарником. Место обнаружения первого артефакта — обломков круглого бронзового зеркала — было тщательно осмотрено. Затем — с помощью металлодетектора GARRET-2500 — обследована территория в радиусе 10 м. Артефакты залегали в горизонте лесной подстилки; края некоторых изделий, в том числе зеркала, выступали из почвенного слоя на поверхность. Всего здесь было найдено 14 древних предметов и их фрагментов, а также 20-копеечная монета 1967 г. и часть электрода. Вещи были сосредоточены на небольшой площадке, ранее не исследовавшейся археологами: между нашим раскопом 5 и старым засыпанным раскопом 3. Площадка, на которой были найдены артефакты, треугольного плана, размерами 2,0x1,2 м. Она окружала спиленные деревья, но большей частью располагалась к западу от них. В сетке раскопа это уч. а–б/22–23 (ил. 7; 25).

Краткая характеристика находок.

Бронзовое зеркало (10,1x9,8x0,1 см) — круглое, выпуклое с отверстием (3 мм) в центре. С внутренней стороны предмета циркульным резцом нанесена шестилепестковая розетка, вписанная в двойное кольцо диам. 6,0–6,5 см (ил. 25 — 12).

Железный наконечник стрелы (8,9x1,8x0,2 см) — плоский, с асимметрично-ромбическим пером линзовидного сечения и длинным черешком без уступа. Остриё обломано (ил. 25 — 11). Наконечник мог выступать преимущественно как боевой и отчасти как бронебойный — для поражения пластинчатого доспеха.

Бронзовая накладка (1,6x1,5x0,4 см) — квадратная со скруглёнными углами и слегка вогнутыми гранями. Внешняя поверхность выпуклая, неровная, оборотная — плоская. Предмет отлит в односторонней плоской формочке, края его слегка зашлифованы (ил. 25 — 1). Первоначально мог использоваться как деталь украшения костюма — в качестве нашивки или пуговицы.

Фрагмент бронзовой трубчатой пронизки (5,2x1,2—1,8x1,2—1,8 см). Изделие полое, округлое в сечении, двухсоставное. Имеет шаровидное «воздутие» («фонарик») с четырьмя продольными линзовидными прорезями. Отлито в двусторонней форме, половинки соединены

Ил. 24. Могильник Сайгатинский IV. Вещи из культового (поминального, жертвенногого) комплекса между раскопами 3 и 5. 1–10, 12 – бронза, 11 – железо

пайкой (ил. 25 – 2). В Приуралье, откуда в Западную Сибирь в раннем Средневековье поступали первые образцы бронзовых пронизок, последние использовались как детали составных шумящих подвесок, украшавших пояса, нагрудники и головные уборы женщин.

Бронзовый бубенчик (2,5x1,9x1,9 см). Изделие полое, состоит из двух рифлённых полусфер и сломанной петли (0,6x0,6 см). Все детали после отливки соединены пайкой. В нижней части шарика — прорезь. Внутри бубенчика сохранился издающий звук бронзовый шарик (ил. 25 – 3). Данные предметы обычно выступали как концевые привески в составных шумящих украшениях; отдельно использовались как пуговицы.

Бронзовый бубенчик (2,5x1,9x1,9 см). Сходен с предыдущим по форме, размерам и декору, но петля целая, а шарик отсутствует (ил. 25 – 4).

Фрагмент бронзового бубенчика (1,8x1,7 см) — продольная половинка полого шарика с частью петельки (ил. 25 – 5).

Фрагмент стенки бронзового котла (3,2x2,5x0,3–0,4 см) в виде массивной подтреугольной литой пластинки с неровными краями. Поверхность котла украшена узким (3 мм) поперечным валиком, имитирующим шнур (ил. 25 – 8).

Фрагмент стенки бронзового котла (2,5x2,5x0,4 см) в виде массивной подпрямоугольной со скруглёнными углами пластинки. Обе поверхности предмета гладкие, без декора (ил. 25 – 9).

Фрагменты изделий из бронзы (2,5x1,1; 2,7x1,8; 1,8x1,2 см). Представлены тонкими пластинками подтрапециевидной (две) и треугольной формы (одна) с неровными краями. У последнего предмета — лист сморщенный, возможно, от пребывания в огне (ил. 25 – 6, 7, 10). Назначение их неясно.

Все эти артефакты, не считая современных, относились к двум археологическим периодам, разделенным хронологической лакуной в полторы тысячи лет.

Зеркало импортное; произведено, вероятнее всего, в одном из ремесленных центров Средней Азии в кон. I тыс. до н. э. — нач. I тыс. Довольно распространённая категория вещей в пьяноборской и кулайской среде. В Сургутское Приобье предмет попал, скорее всего, через Прикамье, по одному из северных («пушных») ответвлений трансконтинентального «Великого шёлкового пути». В Приуралье такие зеркала часто встречаются в женских погребениях кон. II в. до н. э. — II в., имеют круглые отверстия по краям и интерпретируются как по-

ясные бляхи³⁰. В тайском Приобье они принадлежали, по-видимому, мужчинам высокого социального статуса. Кроме того, существует версия, что такие зеркала-бляхи могли использоваться в качестве панцирного покрытия³¹. На некоторых целых изделиях и обломках с циркульным орнаментом, найденных в Сургутском Приобье, встречаются процарапанные рисунки животных, личин и антропоморфных фигур³². Последнее явно связано с культовой практикой.

Остальные предметы — наконечник стрелы, накладка-пуговица, пронизка, бубенчики, обломки котлов и других изделий — скорее всего, местного производства. Они датируются поздним Средневековьем и аналогичны материалам из близлежащих погребений финала сайгатинского периода: XIV—XVI вв. Плоские черешковые без упора наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером — одна из самых массовых категорий данного типа оружия, производившаяся в тайском Приобье на протяжении всего Средневековья — с IV—VI до XVI—XVII вв. Прототипы этих изделий известны в Восточной Европе и азиатских степях. Данные предметы полифункциональны: стрелы с такими наконечниками использовались как на охоте, так и в бою. Приведённые выше категории бронзовых украшений появились в Западной Сибири ещё в раннем Средневековье. Их прототипы попали сюда из Приуралья, а затем воспроизводились местными мастерами в течение тысячелетия.

Найденную группу предметов мы склонны интерпретировать как поминальный («жертвенный») комплекс. Вещи из него, даже бронзовое зеркало, выполнены довольно небрежно, из плохого металла. Это рядовые, массовые изделия, в основном намеренно сломанные или представленные фрагментами, что соответствует сакральным целям. Что же касается бронзовых котлов, то эта посуда в позднем Средневековье становится очень популярной в тайском Приобье и с XIV в. практически полностью вытесняет глиняную³³. Это демонстрируют и раскопки данного могильника. Обломки бронзовых котлов и бронзовые пластинки, по всей вероятности, заменяют в культовых обрядах целые сосуды и другие предметы. Этот обычай особенно был распространен в бедных слоях местного общества. Нахождение поминальных комплексов, «кладов» и святилищ на территории древних поселений и могильников — явление обычное для севера Западной Сибири, в том числе Сургутского Приобья. На Барсовой горе и в урочище Сайгатино открыто более десятка таких мест³⁴. Особенno много их было зафиксировано Л.М. Тереховой и К.Г. Каракаровым

при раскопках на территории Сайгатинского III, Сайгатинского IV и Сайгатинского VI могильников (к сожалению, эти материалы пока не опубликованы). В состав сакральных комплексов входили как одновременные, так и разновременные артефакты, включая керамику и предметы из металлов. Очень долго аборигенами приобской тайги использовались высокохудожественные украшения из серебра и светлой оловянистой бронзы, которые были изготовлены мастерами Волжской Булгарии ещё в XII—XIII вв. Такие вещи встречают и в погребениях XV—XVI вв.³⁵ На святилищах обских угров, а также в их культовых амбарчиках и сундуках до сих пор хранятся вместе вещи разных археологических периодов и исторических эпох — от каменного века до современности³⁶.

Эти факты позволяют пролить свет и на происхождение нашей находки. Вещи, обнаруженные на уч. а—б/22—23 Сайгатинского IV могильника, скорее всего, представляли собой единый, но разнородный по составу комплекс. Вопрос о том, когда он появился, остаётся открытым. Артефакты залегали неглубоко, практически на поверхности, что могло бы свидетельствовать об очень позднем возрасте данной « коллекции ». Вместе с тем прирост почвы на песчаных террасах западносибирской тайги происходит крайне медленно — столетиями и даже тысячелетиями. По этой причине данный культовый комплекс мог появиться на могильнике как в момент функционирования последнего, так и значительно позже — вплоть до XX в. Дело в том, что аборигены Сургутского Приобья продолжают отправлять свои культы на традиционных местах вплоть до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сухина Л.В. Жаркое лето «68-го» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 13—15; Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 42; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — 208 с.

² Сухина Л.В. Отчёт об исследовании археологических памятников в окрестностях г. Сургута в 1968 г. — Свердловск, 1968. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 4019.

³ Нифонтов А.А. Отчёт об археологической разведке в Сургутском районе Тюменской области в 1975 г. — Свердловск, 1976. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 6023.

⁴ Зыков А.П. Отчёт о разведке в зоне строительства подсобного хозяйства объединения «Сургуттрансгаз» в Сургутском районе в 1982 г. — Свердловск, 1983. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 10097; Зыков А.П. Отчёт об археологической разведке у деревни Сайгатино в Сургутском районе в 1981 г. — Свердловск, 1982. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 8428.

⁵ Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таёжного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 38—43 и сл.

⁶ Каракаров К.Г. Отчёт об археологической разведке в районе д. Сайгатино Сургутского района Тюменской области. — Свердловск, 1986. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 11442.

⁷ Терехова Л.М. Отчёт о раскопках в районе пос. Сайгатино Сургутского района Тюменской области в полевом сезоне 1986 г. — Свердловск, 1986. — Т. II. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. — Д. 429А. — С. 2, 20. Рис. 1—160.

⁸ Терехова Л.М. Отчёт о раскопках в районе пос. Сайгатино Сургутского района Тюменской области в 1986 г.: В 3 т. — Свердловск, 1986. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 11431—11433.

⁹ Терехова Л.М. Отчёт об археологических исследованиях в районе пос. Сайгатино в 1987 г. Свердловск, 1987. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 12373, 12372а.

¹⁰ Терехова Л.М. Отчёт о раскопках Сайгатинского IV могильника летом 1988 г. — Свердловск, 1991. — Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — № 17549.

¹¹ Терехова Л.М., Каракаров К.Г. Раскопки Сайгатинских могильников // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. — С. 161.

¹² Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. — № 246—249, 269, 273, 301, 305, 309.

¹³ Череватов О.Н. Отчёт о НИР. Археологические исследования в окрестностях посёлка Сайгатино, Сургутский район, ХМАО, 1999 год. — Екатеринбург, 2000. — Архив ИИА УрО РАН.

¹⁴ Носкова А.В., Чемякин Ю.П. Раскопки средневекового селища Кучиминское XXXIXc в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 298—311; Носкова А.В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 331—339.

¹⁵ Носкова А.В. Раскопки могильника Сайгатинский IV... — С. 332, 339. Ил. 2.

¹⁶ Здесь и далее ориентация дана по истинному северу. В урочище Сайгатино магнитное склонение — восточное, равно 17°06'. Ориентация оси раскопа по истинному северу — ок. 327 °— 33°. Отклонение длинной оси раскопа на истинный север составляет порядка 33° (к востоку).

¹⁷ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 35. Рис. 12; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 74—78. Рис. 64—67.

¹⁸ Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV — новый памятник позднего Средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 142—143, 148, 152, 157—158. Ил. 4.

¹⁹ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история ... — С. 58—62; Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV... — С. 137, 160.

²⁰ Борзунов В.А. Отчёт о НИР: Археологические раскопки могильника Сайгатинский IV в зоне реконструкции нефтепровода «Усть-Балык – Нижневартовск» у д. Сайгатина Сургутского района ХМАО – Югры в 2009 г. (раскоп 5). – Екатеринбург, 2010. – Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. – Ф. II. – Д. 696, 696А. – Кн. 1; 2.

²¹ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история... – С. 37. Ил. 13 – 14; Борзунов В.А., Стефанова Н.К. Кулайский «посёлок из одного двора» на Барсовой горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – Рис. 2 – 8; 3 – 1.

²² Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история... – С. 37.

²³ Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга). – Екатеринбург, 2005. – С. 225–228; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... – С. 91–93.

²⁴ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история... – С. 35, 37; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... – 208 с.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... – С. 80–81.

²⁵ Борзунов В.А. Отчёт об исследовании в 2001 г. селища Барсова Гора II/36 (раскоп № 4) в зоне строительства подъездных путей к автомобильному мосту через р. Обь на участке 111–114 у пос. Барсово Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа (хоздоговор № 15 от 5 июня 2001 г.). – Свердловск, 2001. – Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. – Ф. II. – Д. 618. – С. 35.

²⁶ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история... – С. 37; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... – С. 81–84, 91.

²⁷ Косинская Л.Л., Фёдорова Н.В. Археологическая карта Ямalo-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1994. – С. 56; Малозёмова О.В., Морозов В.М. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТГУСУР, 1997. – С. 190–203; Фёдорова Н.В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник. – Салехард: Администрации ЯНАО, 2000. – Вып. 3. – С. 7; Фёдорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиря // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 60–61; Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – С. 126.

²⁸ Фёдорова Н.В. Новые исследования на городище (жертвеннем месте) Усть-Полуй // Археологические открытия 1994 г. – М.: Наука, 1995. – С. 309–310.

²⁹ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история... – Рис. 12 – 9, 14, 18; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... – Рис. 64; 65; 66; 67 – 15.

³⁰ Например: Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – Рис. 9 – 13; 16 – 26.

³¹ Сыркина И.А. О бронзовых пластинах из Истяцкого и Сургутского кладов // Сов. археология. – М.: Наука, 1973. – № 4. – С. 255–266; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... – С. 87.

³² Чемякин Ю.П. Барсова Гора... – С. 80; Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – № 90–94.

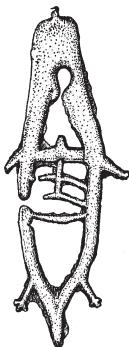

³³ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история... — С. 59.

³⁴ Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. — СПб.: СПбГУ, 2000. — С. 203–206; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — № 319, 366, 368, 369, 373, 374, 378, 381, 383–385 и др.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 84.

³⁵ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2001. — С. 110; Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV... — С. 146–148. Ил. 5 – 7.

³⁶ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). — Новосибирск: Наука, СО, 1986. — 192 с.; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таёжного края. — Новосибирск: Наука, СО, 1989. — 176 с.

Археологические раскопки могильника Ендырского I в 2012 г.

Е.А. Жирных, О.С. Абакумова

г. Екатеринбург

Угорский научно-исследовательский центр

Уральского федерального университета

В августе 2012 г. отрядом Югорской археологической экспедиции УрФУ были проведены археологические раскопки могильника Ендырского I, расположенного на левом берегу р. Ендырь (левый приток р. Оби) в Октябрьском р-не ХМАО — Югры Тюменской обл., в 70 км к юго-юго-востоку от г. Нягань и в 23 км к западу от городского поселения Талинка.

Могильник Ендырский I занимает участок надпойменной террасы р. Ендырь, ограниченной с запада склоном берега, с востока геофизическим профилем (просекой). Растительность представлена тёмнохвойным (елово-лиственнично-кедровым) лесом с небольшой примесью сосны и берёзы. Поверхность покрыта лесной подстилкой — зелёными мхами и хвойным опадом. Весной 2012 г. лесная подстилка на памятнике сильно пострадала во время мощных низовых пожаров.

Памятник исследовался в 1997 и 1998 гг. археологическими раскопками под руководством С.Ф. Кокшарова. В 1997 г. в центральной части памятника был разбит раскоп I площадью 136 кв. м, в котором были исследованы остатки 13 средневековых погребений, 4 очагакостища (кремационные площадки) и несколько хозяйственных и столбовых ямок. В 1998 г. на памятнике были заложены раскопы II (13 кв. м) и III (102 кв. м), прилегавшие к раскопу 1997 г., соответственно с восточной и южной сторон. В них были изучены остатки 16 погребений, различные ямы, прокалы и очаги-костища.

Цель раскопок 2012 г. заключалась в продолжении археологических исследований, проведенных в 1997–1998 гг. Для этого на могильнике Ендырском I был заложен раскоп IV площадью 58,8 кв. м, примыкающий к северо-восточному краю раскопа 1997 г. и захватывающий северную часть памятника.

В раскопе IV изучено 4 погребения позднего Средневековья, получившие № 33–36.

Погребение 33 чётко фиксировалось на поверхности в виде подпрямоугольной ямы размерами 2,6x1,4 м, вытянутой по линии север–северо-запад — юг–юго-восток. Глубина ямы составляла до 0,6 м от уровня современной поверхности.

После расчистки погребения были прослежены остатки от сооружённой внутри ямы деревянной конструкции из брёвен. Размеры конструкции составляли 2,06x0,8 м. Несколько деревянных плах и фрагменты щепы были зафиксированы на дне могильной ямы. Часть конструкций погребения фиксировалась по остаткам щепы от деревянных стенок, разрушенных в ходе ограбления могилы.

Захоронение, вероятнее всего, было совершено по обряду ингумации — на верхних уровнях в переотложенном слое было зафиксировано несколько фрагментов необожжённых костей человека.

Вещевой инвентарь погребения представлен двумя медными полыми паяными пуговицами и железной иглой.

Погребение 34 до раскопок прослеживалось по яме близкой овалу формы, размерами 2,70x0,65 м, вытянутой по линии север–северо-запад — юг–юго-восток. Глубина ямы составляла 0,6 м от современной поверхности.

После расчистки погребения выявлены остатки от деревянной конструкции размерами 2,5x0,8 м, практически аналогичной погребению 33. Несколько деревянных плашек и фрагменты щепы фиксировались на дне могильной ямы. Как и в погребении 33, часть деревянных конструкций прослежена по щепе от разрушенных в ходе ограбления деревянных стенок.

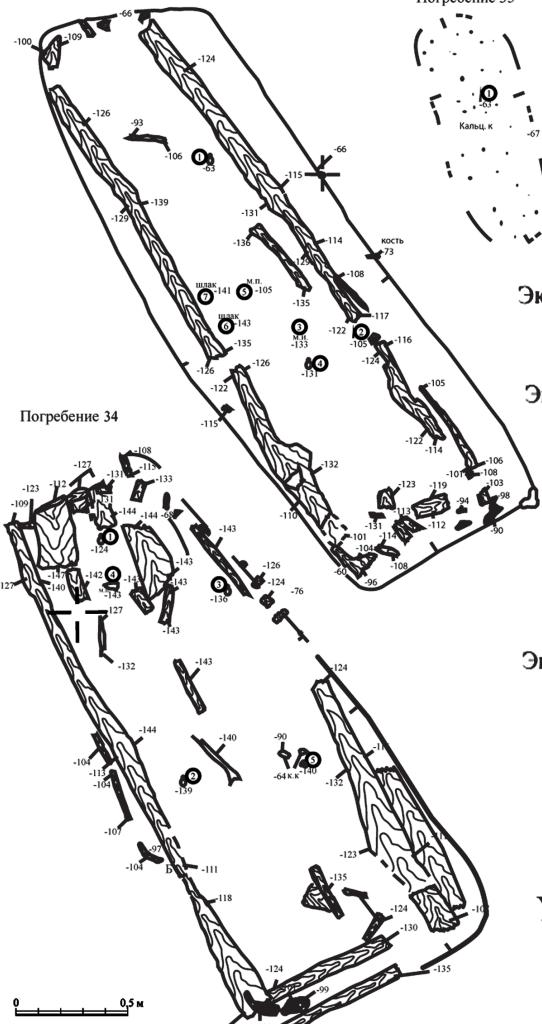
Захоронение, вероятнее всего, было совершено по обряду ингумации — в могильной яме обнаружены два фрагмента трубчатых необожжённых костей человека, лежавшие вне анатомического порядка.

Из погребения происходят 3 медные полые паяные пуговицы и 2 фрагмента медных пластин, вероятнее всего, являющихся обрезью медного котла.

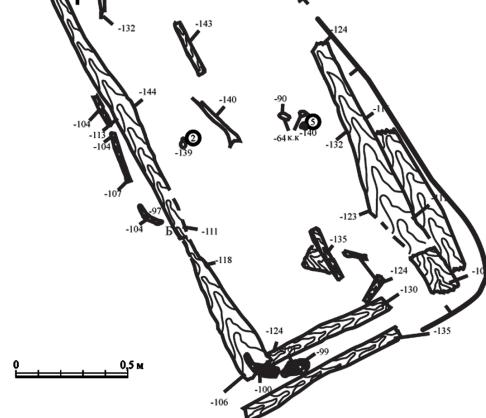
Погребение 35 было выделено по плотному скоплению кальцинированных костей. Захоронение совершено по обряду кремации в неглубокой ямке. При этом кремированные останки были принесены извне.

Из погребения происходит 1 железная игла.

Погребение 33

Погребение 34

Погребение 36 (?) первоначально по углистому слою и слою бурой прокалённой супеси было интерпретировано как возможная кремационная площадка (такие площадки были зафиксированы С.Ф. Кокшаровым в ходе предыдущих исследований памятника). Впоследствии ввиду отсутствия слоя прокала под объектом последний был условно отнесён к погребениям. Он имел аморфные очертания, вытянутые по линии север — юг и достигавшие размеров 2,6x1,2 м.

Из погребения (?) происходит фрагмент металлического изделия.

Вероятно, захоронение кремированных останков было совершено практически на поверхности, при этом останки были взяты с одной из кремационных площадок памятника вместе с частью слоя самой площадки.

Кроме погребений, на площади раскопа изучены угол неглубокого жилища периода раннего железного века, несколько ям и столбовых ямок. Из межмогильного пространства происходят фрагменты керамики, медные полые паяные пуговицы, серебряная серьга и фрагменты металлических изделий.

В целом результаты работ 2012 г. полностью подтверждают выводы, сделанные при предыдущих исследованиях памятника: его датировку периодом втор. пол. XV — XVI в. и биритуальность погребального обряда, в котором сочетаются ингумация и кремация на стороне. Кроме того, по итогам работ 2012 г. можно сделать вывод о том, что два из изученных в раскопе погребений были ограблены ещё в эпоху Средневековья, что подтверждается не только разрушенными деревянными конструкциями, но и стратиграфической картиной — в соседних с погребениями профилях древняя поверхность перекрыта слоем выкида из могильных ям. Обнаруженный в заполнении погребений и в межмогильном пространстве вещевой инвентарь также является характерным для могильника Ендырского I.

Археологические поисковые работы в Октябрьском районе ХМАО - Югры

С.Ф. Кокшаров, Н.К. Партанов

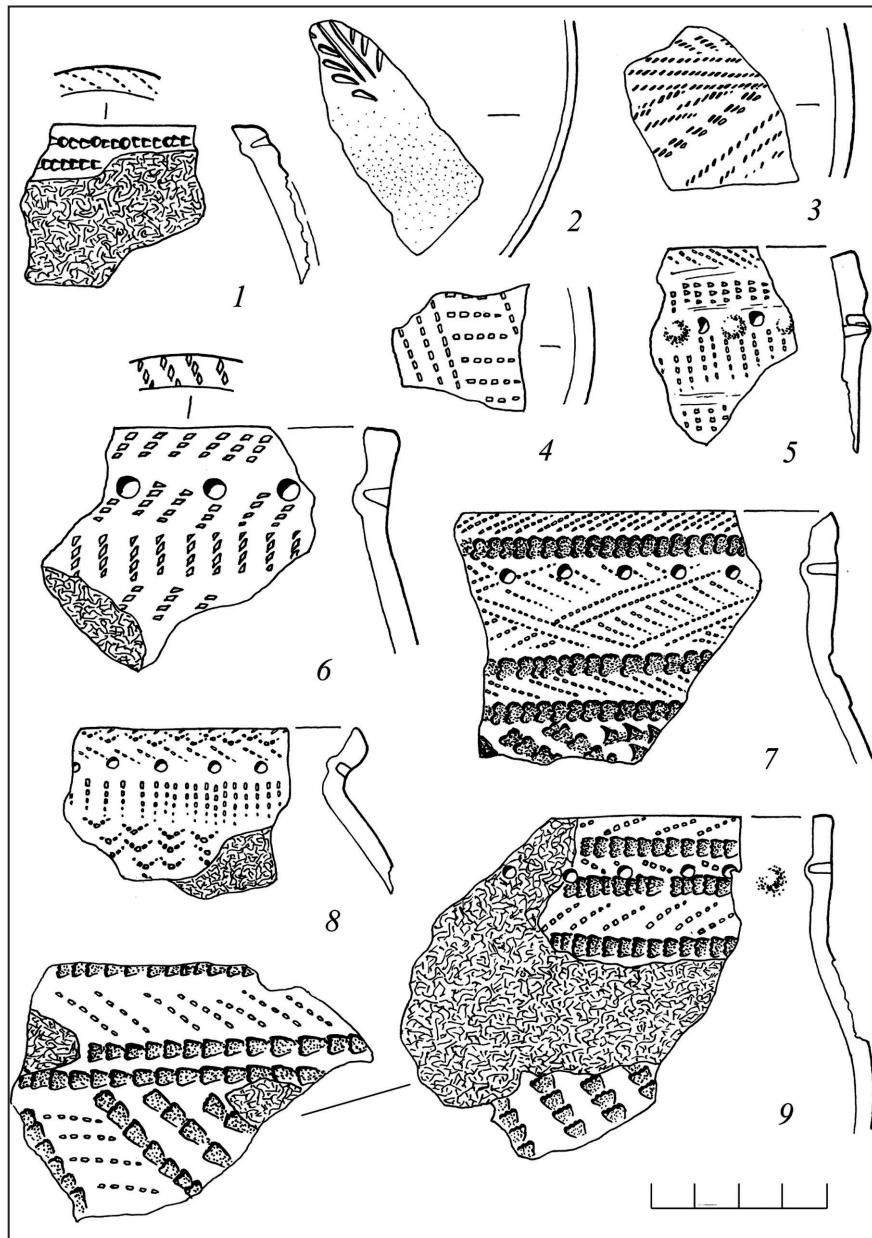
г. Екатеринбург

Институт истории и археологии УрО РАН

В августе 2012 г. Югорской археологической экспедицией ИИА УрО РАН и УрФУ при участии сотрудника Этнографического музея под открытым небом «Торум маа» Н.К. Партанова проведена археологическая разведка в Октябрьском р-не ХМАО – Югры Тюменской обл. Цель исследований состояла в поиске городищ и иных объектов, связанных с историей средневековых остыко-вогульских «княжеств». Маршруты пролегали по р. Ендырь (левый приток р. Оби в южной части указанного административного района), а также по окрестностям п. Вежакары.

В ходе работ на р. Ендырь было открыто неизвестное городище, а также осмотрены городища Ендырское I, Ендырское IX и территория кладбища нежилых Ендырских юртов. Они оказались в зоне сплошного лесного пожара 2012 г., следствием которого явился мощный лесоповал. Последнее обстоятельство позволило, не прибегая к шурфовке, собрать на перечисленных памятниках коллекции археологических находок и уточнить возраст некоторых объектов.

Новый памятник – мысовое двухплощадочное городище – расположено на оконечности 80-метровой левобережной террасы р. Ендырь. Слоны мыса эскарпированы и оконтурены неглубоким рвом в основании. С напольной стороны городище ограничено рвом глубиной до 3 м, прерывающимся в месте расположения выхода; ров между площадками достигает 2 м. Поверхность памятника заросла сосновым лесом, который со временем исследований выгорел. Обе площадки изрыл неизвестный кладоискатель. В одной из таких ям, заложенной на месте оборонительной стены, оказались выброшенными обломки сгоревших жердей. При осмотре памятника найден неорнаментированный фрагмент керамики. Учитывая его облик и незначительную гумусирован-

Ил. 1. Вежакарское городище. Найдены. 1–4, 7–9 – керамика кинтусовского типа; 5–6 – обломки куляйских сосудов

ность культурного слоя, можно предположить, что городище относится к раннему железному веку. Скорее всего, крепость просуществовала короткий период, после чего сгорела при набеге или пожаре.

При осмотре позднесредневекового городища Ендырское I (былинный городок Эмдер) пресечена деятельность жителя г. Нягань, раскапывавшего площадку памятника. При обследовании собраны фрагменты сосудов кинтусовского и сайгатинского типов, лячки, изделия из металлов.

При осмотре площадки городища Ендырское IX удалось обнаружить бронзовый наконечник кулайского типа. Таким образом был конкретизирован возраст неисследованного памятника.

Масса поваленных пожаром деревьев отмечена на месте расположения заброшенного кладбища д. Ендырские Юрты. На юго-западной оконечности береговой террасы, где кладбище подходит к городищу Ендырское V, удалось найти остатки разрушенного позднесредневекового погребения (?), связанного, возможно, с Эмдером. Под корнями упавшего дерева лежали сильно корродированная железная пряжка от ремня и три лапчатые подвески из бронзы. Кости погребённого не обнаружены. Данный факт может указывать на то, что на средневековом некрополе позднее возникло хантыйское кладбище.

В ходе исследований правого коренного берега Оби при впадении в неё р. Усынья был снят план позднесредневекового Вежакарского городища. Информация о нём содержится в путевых заметках Г.Ф. Миллера, известных работах И.А. Талицкой и В.Н. Чернецова. Объект находится почти напротив нежилого п. Вежакарские Юрты. Поверхность памятника покрыта луговой растительностью, кустами шиповника и крапивой. К сожалению, городище почти полностью уничтожено подмывом берега. Судя по сохранившимся остаткам, оно было двухплощадочным, мысового типа. Его высота над уровнем р. Оби составляет 29 м. Площадки разделяет оплыvший ров шириной 6 м, глубиной до 1 м. Подъёмный материал, собранный на берегу, представлен керамикой кулайского (IV в. до н. э. – III в.) и кинтусовского (XI–XII вв.) типов (ил. 1), а также куском металлургического шлака с прикипевшими фрагментами глиняной обмазки печи. При зачистке осыпи жилой площадки выявлены четыре слоя, которые могут указывать на функционирование объекта в более позднее (сайгатинское) время. Примечательно, что в XVII в. юрт Вежакор упоминается в числе 13 городков княжества Кода.

Работы по выявлению и изучению памятников, связанных с историей остяко-вогульских «княжеств» Приобья, планируется продолжить в 2013 г.

Археологическая разведка в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах ХМАО – Югры в 2012 г.

А.В. Соколков, Е.Е. Васильева

г. Ханты-Мансийск

АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

Согласно уставной деятельности, а также в соответствии с соглашением (договором) на выполнение государственного задания в 2012 г. автономным учреждением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия» проводились работы в зонах хозяйственной деятельности; инвентаризация ранее выявленных археологических памятников и оценка их состояния; уточнение привязок на местности; выявление новых ранее неизвестных объектов культурного наследия с целью постановки их на учёт и государственную охрану; определение охранных мероприятий на территории ХМАО – Югры (Октябрьский и Ханты-Мансийский р-ны).

Октябрьский район

В нач. 1990-х гг. от жителя г. Нягань инженера-геофизика В.В. Долганова была получена информация о том, что на одном из ручьёв, впадающих в реку Ендырь с правой стороны, находятся объекты с признаками объектов культурного наследия.

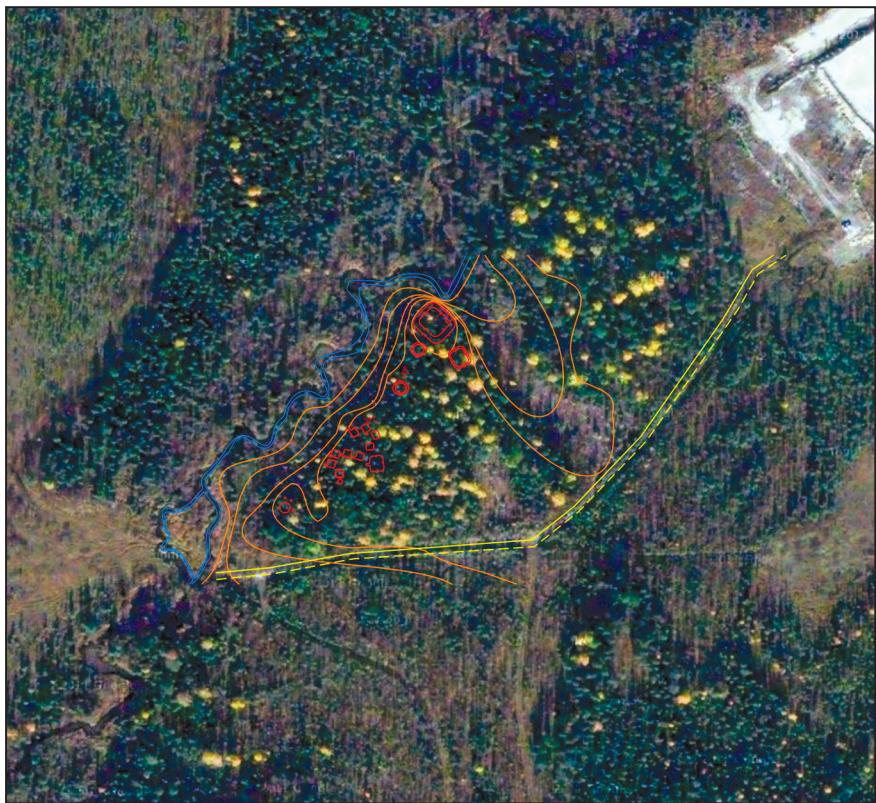
В 1992 г. разведочная группа из УрГУ под руководством С.Ф. Кокшарова зафиксировала 7 памятников в нижнем течении р. Ендырь около п. Пальяново и на р. Ем-ёга – *Пальяново I, Пальяново II, Пальяново III, Пальяново IV, Пальяново V, Тал I, Тал II*.

В полевой сезон следующего года работы продолжились в большой излучине р. Ендырь в окрестностях одноименной заброшенной деревни. В результате было обнаружено 11 разновременных селищ и стоянок, 2 могильника эпохи железа и 8 городищ (в том числе *городище Ендырское I* – былинный средневековый городок Эмдер)². В последующие годы (1994–1999 гг.) экспедицией ИИА УрО РАН и НПМП «Волот»

исторического факультета УрГУ велись стационарные исследования *городища Ендырского I* и *могильника Ендырского II*.

В 2002 г. екатеринбургский исследователь А.В. Ермоленко обнаружил 4 археологических памятника эпохи железа (III—VII вв.) ниже устья р. Хора (бассейн р. Ендырь), в окрестностях п. Талинского Октябрьского р-на — *Xora 1*, *Xora 2*, *Xora 3*, *Xora 4*³.

Учитывая вышеизложенную информацию и факт активного хозяйственного освоения данной территории, в 2009 г. была сформирована исследовательская группа Центра охраны культурного наследия под руководством А.В. Соколкова для поиска объектов культурного наследия на ручье Тарьёх, протекающим вдоль правого берега р. Ендырь. В результате было обнаружено *поселение Тарьёх 1*. В полевом сезоне 2012 г. в ходе проводившихся здесь же работ по выявлению объектов культурного наследия было обнаружено *поселение Тарьёх 2*.

Ил. 1. Совмещенный с космоснимком глазомерный план поселения Тарьёх 2

Поселение Тарьёх 2. Расположено на правом берегу р. Ендырь у устья ручья Тарьёх, на небольшом возвышенном участке – высотой до 2 м (ил. 1). Состояние хорошее.

Поселение включает в себя 15 жилищных впадин различной конфигурации и 10 впадин (возможно, могильных) размерами 1x2 м, ориентированных в одном направлении. Все объекты локализуются на краю террасы ручья Тарьёх на протяжении 180 м.

В 230 м северо-восточнее поселения Тарьёх 1 находится куст скважин «К–259», принадлежащий ООО «ТНК Нягань».

На основании сравнительного анализа форм и размеров жилищных впадин на территории Севера Западной Сибири памятник предварительно можно датировать эпохой бронзы – Средневековьем. Разрушений и повреждений культурного слоя на памятнике не зафиксировано.

Таблица
Характеристика объектов поселения Тарьёх 2

№	Наименование объекта	Форма объекта	Размеры объекта, м	Глубина объекта, м
1	Впадина № 1	Подпрямоугольная с обваловкой (шир. – 3,0 м, выс. – 0,5 м)	16,0×14,0	1,0
2	Впадина № 2	Подпрямоугольная с обваловкой (шир. – 2,0 м, выс. – 0,4 м)	10,0×8,0	0,8
3	Впадина № 3	Округлая с обваловкой (шир. – 1,0 м, выс. – 0,5 м)	Диам. 9,0	0,5
4	Впадина № 4	Округлая с обваловкой (шир. – 1,0 м, выс. – 0,5 м)	Диам. 9,0	0,3
5	Впадина № 5	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	5,0×4,0	0,8
6	Впадина № 6	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	5,0×4,0	0,8
7	Впадина № 7	Подпрямоугольная	5,0×4,0	0,8
8	Впадина № 8	Подквадратная	4,0×4,0	0,8
9	Впадина № 9	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	10,0×8,0	0,8
10	Впадина № 10	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	5,0×4,0	0,8
11	Впадина № 11	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	5,0×4,0	0,8
12	Впадина № 12	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	5,0×4,0	0,8
13	Впадина № 13	Подпрямоугольная с фиксируемым входом	5,0×4,0	0,8
14	Впадина № 14	Подпрямоугольная с обваловкой (шир. – 1,0 м, выс. – 0,3 м)	8,0×6,0	0,5
15	Впадина № 15	Округлая	7,0×7,0	1

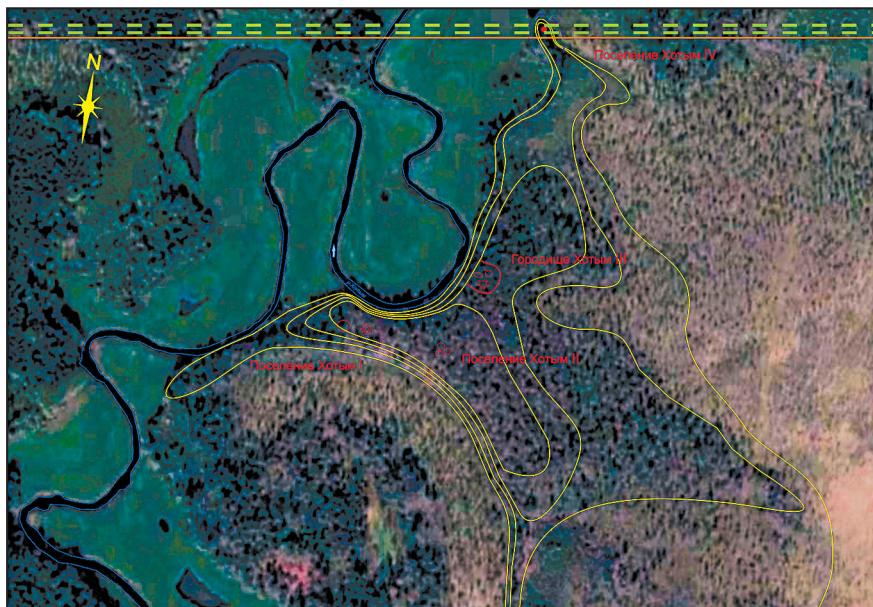
Ханты-Мансийский район

Район обследования находится на левом берегу р. Хотым — левого притока р. Сеуль, которая, в свою очередь, является притоком протоки Горной и входит в бассейн р. Оби (ил. 2). Коренная терраса р. Хотым на данном участке представляет собой песчаную поросшую сосняком гравию высотой до 6 м в наиболее возвышенной части и 1–2 м по краям.

В ходе археологической разведки было выявлено 4 объекта культурного наследия: *поселение Хотым I*, *поселение Хотым II*, *городище Хотым III* и *поселение Хотым IV*.

Поселение Хотым I расположено на высокой коренной террасе (6 м) и представлено на поверхности двумя визуально выраженными объектами:

- объект № 1: место — на краю склона террасы, форма — округлая впадина, размеры — 12,0x12,0 м, глуб. — 1,5 м;
- объект № 2: форма — приподнятая площадка подквадратной формы с углублением в центре глубиной 0,1 м, размеры — 6,0x6,0 м, выс. — 0,2 м; по краю площадки расположены округлые впадины глуб. 0,3 м.

Ил. 2. Совмещенный с космоснимком глазомерный план группы памятников Хотым I, Хотым II, Хотым III, Хотым IV

Поселение Хотым II находится в центральной части высокой (6 м) коренной террасы и представлено тремя жилищными впадинами. Все они имеют округлую форму размерами 4,0x4,0 м, глубиной 0,4 м.

Городище Хотым III находится на краю высокой (4 м) коренной террасы и представлено тремя жилищными впадинами:

- впадина № 1: форма — округлая, размеры — 6,0x6,0 м, глуб. — 0,4 м; по окружности расположены небольшие впадины глуб. 0,2 м;
- впадина № 2: форма — округлая, размеры — 6,0x6,0 м, глуб. — 0,4 м;
- впадина № 3: форма — овальная, диам. — 7,0 и 4,0 м, глуб. — 0,4 м.

Жилищные впадины окружены неглубоким рвом глубиной 0,2 м с видимыми переходами.

Поселение Хотым IV расположено в месте пересечения коридора коммуникаций (дорога, нефтепровод, ЛЭП) и р. Хотым. Располагается на невысоком (1,0–1,5 м) мысу коренной террасы вышеупомянутой реки, в 20 м к югу от промысловой дороги. Южнее терраса повышается до 6,0 м. Терраса хорошо дренируемая, поросла сосновым лесом.

При обследовании было установлено, что в результате строительства коридора коммуникаций объект культурного наследия поселение Хотым IV был разрушен. На месте обследования были собраны фрагменты керамики (ил. 3).

На основании сравнительного анализа форм и размеров жилищных впадин, морфологических и декоративных свойств обнаруженной керамики поселение Хотым IV, как и соседние поселения Хотым I, Хотым II и городище Хотым III, предварительно можно датировать эпохой раннего железного века.

В связи с явными визуальными признаками объектов культурного наследия шурфовка на месте расположения ОКН не производилась.

Изучение выявленных объектов культурного наследия даёт дополнительную информацию к ранее проведённым исследованиям по реконструкции жизнедеятельности и этапов заселения микрорайонов, охватывающих бассейн р. Ендырь, Сеуль и Казым.

Разрушение объекта культурного наследия поселение Хотым IV является одним из примеров недобросовестности организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность, — случай, когда проектные материалы оформляются уже после строительства промышленного объекта. Подобная практика приводит к уничтожению исторической информации об объектах культурного наследия Российской Федерации.

В дальнейшем зону поиска на исследуемых участках планируется расширить. Полученные данные о выявленных объектах культурно-

го наследия переданы в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры для включения в список вновь выявленных объектов и проведения специальных мероприятий по сохранению историко-культурного наследия.

Ил. 3. Поселение Хотым IV. Керамика

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических работах, проведённых на территории Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) в 1992 году. — Екатеринбург, 1993. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — И nv. № 4855. Д. 39.

² Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Октябрьском районе Тюменской области в 1993 г. (Ханты-Мансийский автономный округ). — Екатеринбург, 1994. — Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». — И nv. № 4852. Д. 46.

³ Ермоленко А.В. Отчёт о разведках в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области в 2002 году. — Архив АУ ХМАО-Югры «Центр охраны культурного наследия». — Екатеринбург, 2003. — И nv. № 4297. Д. 67.

Археологические исследования в окрестностях д. Согом в 2012 г.

Т.Н. Собольникова

г. Ханты-Мансийск

Югорский НИИ информационных технологий

Археологические исследования в окрестностях д. Согом (Ханты-Мансийский р-н ХМАО – Югры), проведённые в 2012 г., являются продолжением программы изучения Согомского археологического микрорайона. Последний характеризуется высокой концентрацией разновременных археологических объектов на достаточно ограниченном пространстве. На сегодняшний день здесь выявлено около 200 памятников археологии. В 2010–2011 гг. на территории сп. Согом был осуществлён мониторинг объектов археологического наследия, в ходе которого сняты топографо-геодезические планы и составлена первичная учётная документация на 150 объектов археологического наследия¹.

Следующим этапом археологического исследования данного микрорайона является культурно-хронологическая атрибуция выявленных памятников. Следует отметить, что большая их часть была датирована по внешним признакам, по аналогии с известными комплексами северо-таёжной зоны Западной Сибири. В полевом сезоне 2012 г. археологические работы (шурфовка) проводились на территории тех памятников, датировка и культурная принадлежность которых были определены условно либо требовали уточнения.

В рамках настоящей работы представляются полученные находки и сделанные на их основе выводы (находки переданы на хранение в БУ ХМАО – Югры «Музей природы и человека»).

Всего было исследовано 6 памятников археологии. Поселение Чебачий Бор 8/3 (Чебачий Бор 10) и городище Чебачья Пристань 2 были открыты в ходе исследований нач. 1990-х гг., позднее идентифицированы в ходе мониторинга 2011 г.² Первое по сборам было датировано В.М. Морозовым эпохой поздней бронзы; городище Чебачья Пристань 2

Н.Ю. Поршуковой отнесено к эпохе Средневековья. Поселения Согом 11, Согом 26 и Согом 41 были выявлены в последние годы, шурфовка на памятниках не проводилась, датировка не была определена³.

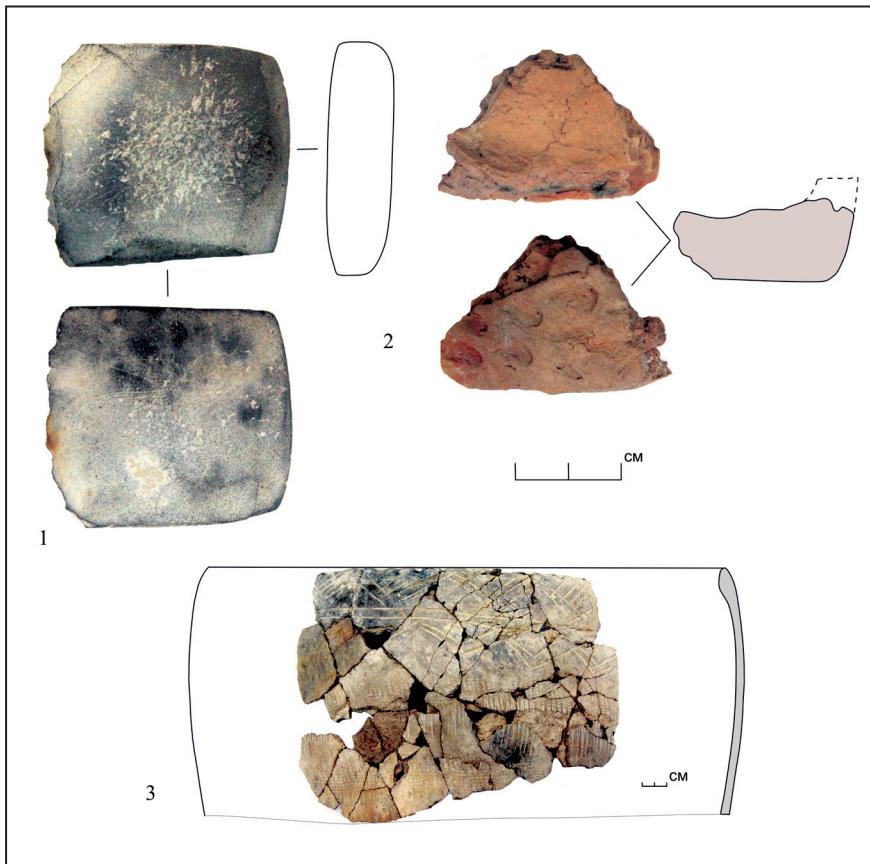
Поселение Согом 41

Располагается на восточном берегу оз. Домашний Сор, в урочище «Мыс Бор». В современном рельефе представлено в виде 4 впадин подпрямоугольной формы, компактно расположенных в виде квадрата. В центральной части поселения рельеф повышается на 0,5–0,7 м. Симметричность в расположении впадин, сходные форма и параметры позволяют рассматривать поселение как единовременный комплекс.

В заложенном шурфе были найдены: развал сосуда, 12 разрозненных фрагментов керамики, обломок изделия из глины (лошила?), каменное шлифованное тесло подпрямоугольной формы (ил. 1–1). На одной из плоских сторон тесла фиксируются характерные следы, оставленные при его вторичном использовании.

Общее представление о керамике поселения Согом 41 можно составить по скоплению фрагментов (развалу) сосуда, обнаруженному в предматериковом слое (ил. 1–3). Это была банка с диаметром устья 28 см и с наплытом на внутренней стороне венчика. Орнаментальная схема представляет собой чередование взаимопроникающих заштрихованных зон с горизонтальными линиями и горизонтальными рядами шагающего гребенчатого штампа.

В целом керамика поселения Согом 41 по своему облику производит впечатление ранней (наплыv на внутренней стороне венчика, разреженность узоров и др.) и предварительно может быть датирована эпохой неолита⁴. Аналогии ей можно найти в материалах как памятников данного региона, так и сопредельной территории. В пределах Согомского археологического микрорайона группа гребенчатой керамики была получена при раскопках ранних (неолитических) слоёв городища Старики Мыс 1 (стоянка Старики Мыс 1а, жилище 3)⁵. Ю.П. Чемякин сопоставляет данную керамику с поздненеолитическими комплексами сосновоостровского типа⁶. Собственно сходство между этими группами ограничивается использованием техники «шагающей» гребенки. Отличий гораздо больше. Так, в керамике стоянки Старики Мыс 1а, наряду с печатной и «шагающей» техникой, применялась отступающе-накольчатая; нет наплыvов на венчиках; характерны пояса из ямочных вдавлений.

Ил. 1. Поселения Согом 41 (1, 3) и Согом 11 (2). Находки. 1 – каменное тесло; 2 – фрагмент плоского днища сосуда; 3 – реконструкция сосуда

Более близкие аналогии керамике поселения Согом 41 можно обнаружить в группе гребенчатой керамики из неолитических комплексов поселения Еныя 12 (верховья р. Конды)⁷ и городища Амня 1 (Нижнее Приобье)⁸. Их объединяет чередование печатных и шагающих узоров, наличие наплыva на венчике, использование геометризированных схем (сетка, зигзаги и т. п.). Гребенчатую группу керамики с городища Амня 1 Л.Л. Косинская связывает с еттовским типом (ранний неолит), выделенным ею по материалам одноименного поселения (Надымско-Пурровский водораздел)⁹. По мнению исследователя, этот тип демонстрирует местную линию развития и позднее проявляется (оказывает

влияние?) в неолитических комплексах Нижнего (городище Амня 1) и Сургутского (стоянки Барсова Гора I/8а, Барсова Гора IV/5, Барсова Гора II/9) Приобья¹⁰. Сходство керамики поселения Согом 41 с данными комплексами прослеживается в следующих моментах: толстостенность; использование длинного многозубчатого штампа с прямоугольными зубцами; орнаментальные мотивы (горизонтальные зигзаги в верхней части и ленты шагающей гребенки внизу); наличие наплыва на внутренней стороне венчика; волнистый край венчика.

Таким образом, полученные материалы позволяют считать поселение Согом 41 весьма перспективным в плане изучения неолита Севера Западной Сибири. Особо хотелось бы отметить оригинальную планировку поселения. На сегодняшний день среди памятников северотаёжной зоны пока удалось найти единственный пример поселения со сходными внешними характеристиками в планиграфии и параметрах. Это поселение Юкуньёган 1, выявленное в ходе проведения экспертных работ в верховьях р. Агана¹¹. Основным отличием между ними является отсутствие возвышения в центре поселения. Датировка памятника не определена.

Поселение Согом 11

Располагается на северо-восточном берегу оз. Домашний Сор, в западной части урочища «Звероферма» и включает в себя 2 объекта — впадину и наземную площадку, — расположенных на расстоянии 11,7 м друг от друга. В шурфе к северу от впадины обнаружено 3 отщепа кварца и 11 фрагментов керамики (ил. 1—2).

Состояние керамики очень плохое, большая часть фрагментов без орнамента. Облик сосудов в целом реконструировать не удалось. Коллекцию составили: небольшой фрагмент слегка отогнутого наружу венчика с пояском из ямок, фрагмент плоского днища с рядами крупных наколов. Несмотря на малочисленность сборов, даже визуальный анализ позволяет отметить неоднородность керамики по технологическим признакам (примесям в тесте и др.). Орнамент, присутствующий на единичных фрагментах, слабо выражен в рельефе; это ряды «шагающей» гребёнки, горизонтальные прямые линии, выполненные в отступающе-прочерченной технике.

Аналогии данной керамике можно проследить в материалах эпохи позднего неолита—энеолита и ранней бронзы севера Западной Сибири. ТERRиториально наиболее близки немелский (бассейн р. Конды)

и барсовогорский (Сургутское Приобье) типы керамики¹². Кроме того, нужно отметить, что исследователи при описании указанных материалов также указывают на их неоднородность¹³. По внешнему облику памятника определённые параллели можно провести с ранними барсовогорскими поселениями, представляющими собой, как правило, небольшие полуземлянки, рядом с которыми располагались наземные хозяйствственные постройки.

Поселение Согом 26

Располагается на северо-восточном берегу оз. Домашний Сор, в восточной части урочища «Звероферма», на кромке гривы, вдающейся в болото. Поселение включает в себя 5 впадин разных форм и размеров, рядом с которыми зафиксированы «ямы» меньших размеров. Наибольшими размерами отличается впадина № 1 подквадратной формы размерами 18,0x20,2 м и глубиной 0,8 м. По периметру она окружена обваловкой, на которой фиксируются 7 небольших ям.

Шурф был заложен в северной части обваловки, где она фактически нивелируется с общим рельефом. Выявлен культурный слой мощностью до 0,95 м, представленный мешанной коричнево-серой супесью с углистыми включениями. Общее число находок из шурфа весьма внушительно — 78 ед. В основном это фрагменты керамики — 75 ед. Остальное — отщеп (сланец?), фрагмент шлифованного каменного орудия подтреугольной формы (на одной стороне фиксируются следы ретуши), часть каменного шлифованного изделия (грузила?). Следует отметить, что большая часть находок была сделана в верхних слоях, фактически сразу после снятия дернового слоя.

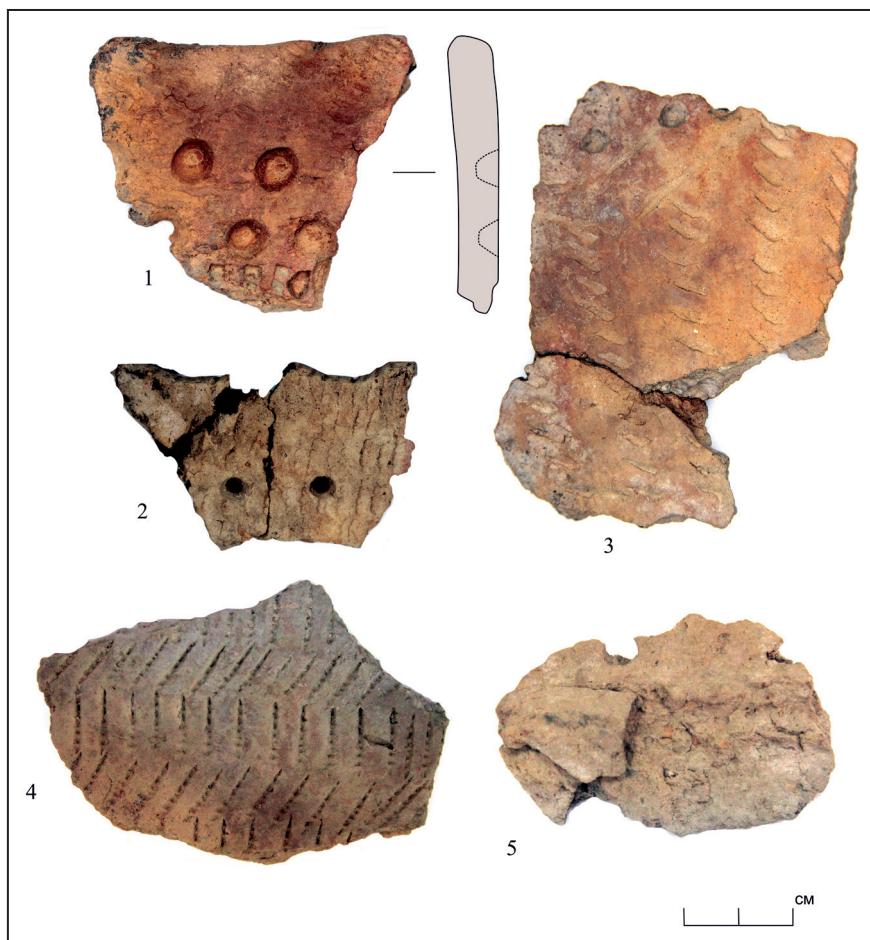
В ходе камеральной обработки было установлено, что обломки керамики происходят примерно от 40 сосудов баночной формы. Фрагмент днища только один — окружной формы. Все венчики в коллекции украшены стандартно — одним (в одном случае двумя) рядом ямочных вдавлений. На тулове сосудов пояски из ямок фиксируются в единичных случаях. По своим технологическим признакам (примеси в тесте и др.) коллекция выглядит однородной. Различия в облике сосудов связаны в основном с характером обработки поверхности и особенностями используемых орнаментиров. По этим признакам посуду поселения Согом 26 можно разделить на 3 группы.

Группа 1 (ок. 13 сосудов) хорошо выделяется визуально по наличию на внешней поверхности следов «текстильной» (точнее «псев-

дотекстильной») обработки поверхности, возможно прокат (ил. 2–1). Основной декор — монотонные горизонтальные ряды «шагающей» гребёнки, нанесённые близко друг к другу (иногда даже с наложением) и кое-где чередующиеся с зигзагом. Судя по некоторым фрагментам, в придонной части сосудов орнамент не наносился.

Группа 2 (ок. 20 сосудов) отличается от предыдущей более тонкими стенками; поверхность этих сосудов ровная, тщательно заглаженная. Орнаментальные композиции схожи с декором на керамике группы 1: горизонтальные ряды «шагающей» (реже печатной) гребёнки; перпендикулярные или разнонаправленные ряды «шагающей» гребёнки. Го-

Ил. 2. Поселение Согом 26. Керамика

ризонтальные зоны разделяются двойным зигзагом из оттисков штампа или разреженными оттисками наклонной гребёнки (ил. 2–4).

Группа 3 самая немногочисленная, но также хорошо выделяемая визуально, представлена 4 венчиками и фрагментом стенки сосуда. Основным отличительным признаком её является штамп, используемый для декорирования, — короткий (0,7–0,9 см), с тонкой нарезкой зубцов и линзовидной формой в сечении. Отличаются и орнаментальные композиции, это — вертикальные ряды, состоящие из наклонных или горизонтальных оттисков гребенчатого штампа (ил. 2–2, 3).

При описании керамического комплекса поселения Согом 26 нельзя не упомянуть об одном фрагменте верхней части сосуда с налепным валиком (ил. 2–5).

Аналогии керамике поселения Согом 26 можно провести с группой гребенчатой керамики, выделенной в раннем (неолитическом) комплексе (объекты № 3–5) городища Старикив Мыс 1 (стоянка Старикив Мыс 1а). В.М. Морозов сопоставляет данную группу с неолитической керамикой барсовогорского (Сургутское Приобье) и сумпаньинского (бассейн р. Конды) типов¹⁴. Ю.П. Чемякин в своей публикации, посвящённой данной керамике, видит наиболее близкие аналогии ей с посудой сосновостровского типа (Тюменское Притоболье)¹⁵. Хронологическим показателем для атрибуции поселения Согом 26 является группа так называемой псевдотекстильной керамики. Её появление в таёжных районах Западной Сибири относится к раннему бронзовому веку и связывается с культурным влиянием более южных районов (лесостепного и южно-таёжного Обь-Иртышья)¹⁶. Подобная керамика была найдена на поселениях Чилимка 4, Чилимка 10 (низовья р. Конды — Иртыша), которые датируются кон. III — нач. II тыс. до н. э.¹⁷ Сходство с ними керамика поселения Согом 26 обнаруживает в следующих моментах: вертикальные и наклонные пояски; использование короткого гребенчатого штампа, монотонность узоров, ямочные вдавления в зоне венчика. На поселении Чилимка 10 были найдены сосуды с формованными валиками. Отличает чилимские комплексы от согомского отсутствие узоров, выполненных «шагающей» гребёнкой¹⁸.

Таким образом, аналогии керамическому комплексу поселения Согом 26 прослеживаются по отдельным признакам и деталям — «псевдотекстильная» обработка, «шагающая» гребёнка, отдельные декоративные мотивы, налепной валик. На сегодняшний день памятник с наибольшей долей вероятности можно датировать эпохой ранней бронзы (нач. II тыс. до н. э.), хотя нельзя исключать вариант того,

что остальные объекты могут относиться к другим хронологическим периодам.

Поселение Чебачий Бор 8/3 (Чебачий Бор 10)

Располагается на западном берегу оз. Домашний Сор, в урочище «Чебачий Бор», на южной оконечности узкой гривы, вытянувшейся вдоль берега озера. Поселение представлено 3 впадинами. Одна из них отличается большими размерами: диаметр — 12,6 м, глубина 0,9 м. Две другие, примыкающие к ней на расстоянии всего лишь 1,3–2,5 м, почти вполовину меньше.

В шурфе размерами 2х2 м, заложенном на межжилищном пространстве, были найдены: фрагменты керамики (74 экз.); часть глиняного грузила (сигаровидного?) (ил. 3—1); обломок каменного изделия (возможно, заготовки для наконечника или скребка); кусок каменного шлифованного орудия (кварцевая галька); отщеп (кварц); бруск (углисто-глинистый сланец?) (ил. 3—2). Подобные бруски были найдены в поселенческих комплексах эпохи поздней бронзы Сургутского Приобья¹⁹.

В керамической коллекции, несмотря на её фрагментарность, было реконструировано несколько сосудов оригинальной формы с

Ил. 3. Поселение Чебачий Бор 8/3 (Чебачий Бор 10). Найдки. 1 — грузило (глина); 2 — бруск (сланец?).

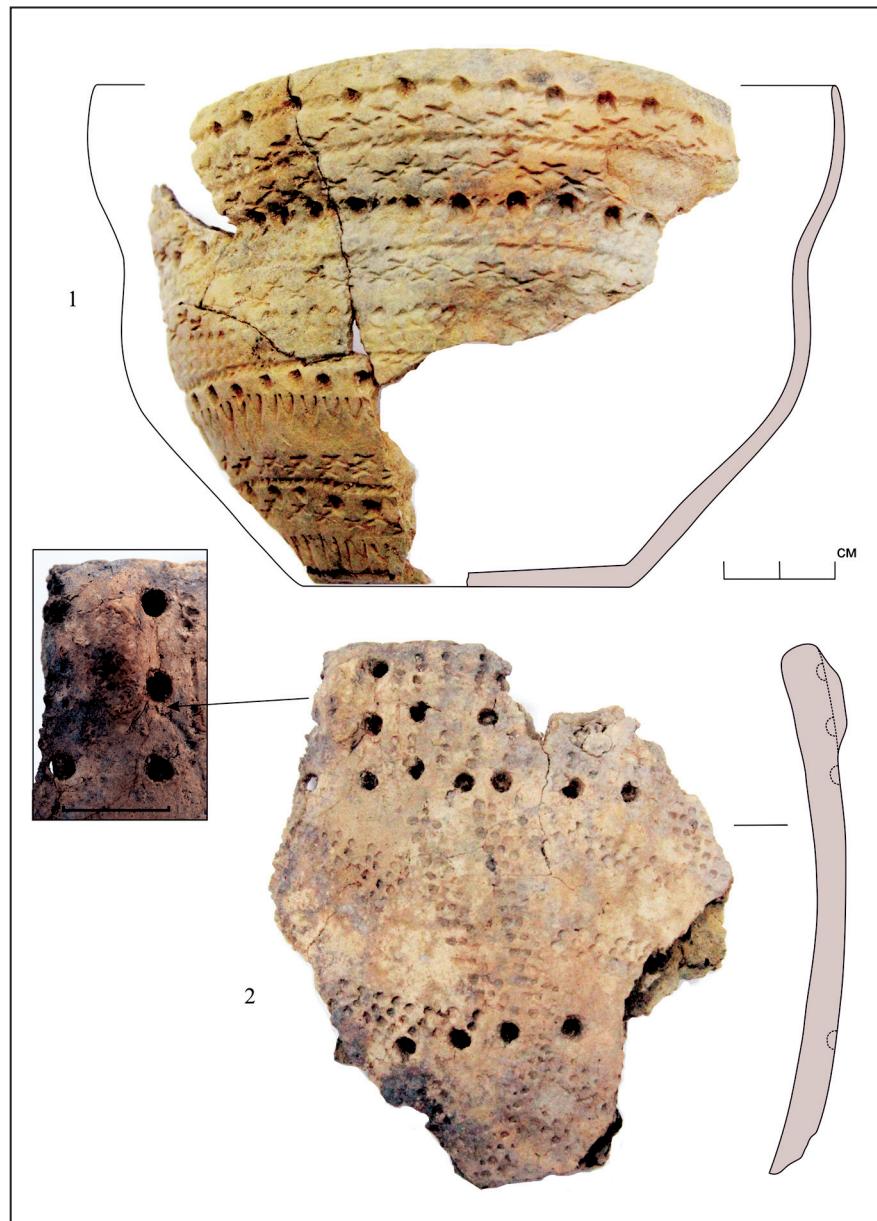
дугобразной выгнутой шейкой и плоским дном или с вертикальной шейкой и плавным переходом в туло́во (ил. 4—1). Первые являются характерными для атлы́мской культуры эпохи поздней бронзы. Посуда данной группы отличается тонкостенностью, их поверхность тщательно заглажена. Примеси в тесте — дресва, песок, шамот. Для декорирования использовался короткий гребенчатый штамп и круглая палочка (для нанесения ямочных вдавлений). Среди орнаментальных схем присутствуют как очень простые и монотонные (горизонтальные ряды из оттисков гребёнки, чередующиеся с рядом ямок), так и более сложные (ряды гребёнки чередуются с зонами, декорированными крестовым штампом). Ямочные вдавления глубокие (в некоторых случаях сквозные), с обратной стороны образуют «жемчужины».

По своим декоративным и технологическим характеристикам в керамической коллекции выделяются 3 сосуда, которые, судя по всему, имели более крупные размеры. Их основные отличия можно выделить визуально — это более толстые стенки, примеси в тесте в виде шамота, песка, талька. Орнаментальные композиции выглядят следующим образом: по венчику — горизонтальные ряды из оттисков гребёнки, поверх которых наносились два горизонтальных ряда из ямок; в зоне туло́ва — чередование зон из разнонаправленных рядов оттисков гребёнки. На одном из этих сосудов на венчике имеется налеп (зооморфное изображение?) (ил. 4—2).

Комплекс находок с поселения Чебачий Бор 8/3 (Чебачий Бор 10) можно соотнести с атлы́мской культурой эпохи поздней бронзы Западной Сибири (XII—VIII вв. до н. э.). Ареал её распространения охватывает Нижнее и Среднее Приобье. Памятники этой культуры известны и в Нижнем Прииртышье (поселения Чилимка XIII, Чилимка XXIII). При этом исследователи отмечали неоднородность атлы́мской керамики по технологическим и декоративным признакам. Данная ситуация в историографии объясняется особенностями генезиса этой культуры, активными взаимодействиями северотаёжных групп с населением южнотаёжных и северолесостепных районов Обь-Иртышья²⁰. Кроме того, атлы́мские поселения обычно состояли из одной-двух построек, что соответствует облику согомского поселения.

Городище Согом 12

Располагается на северо-восточном берегу оз. Домашний Сор, в западной части уро́чища «Звероферма», на краю террасы. В современ-

Ил. 4. Поселение Чебачий Бор 8/3 (Чебачий бор 10). Керамика. 1 – реконструкция сосуда; 2 – фрагмент венчика сосуда с зооморфным налепом (?)

ном рельефе представлено в виде площадки подпрямоугольной формы размерами 24,5x33,5 м, ориентированной по линии запад—юго-запад — восток—северо-восток, окружённой по периметру валом и рвом. В южной части фиксируется две линии рва. Линия обороны на четырёх участках прервана «переходами».

В 2012 г. на северном участке городищенской площадки был заложен шурф, который позволил выявить культурный слой мощностью до 0,24 м. Были найдены: 30 фрагментов керамики (из них орнаментированы 8), отщеп (кварц?); мелкие косточки животных в очень фрагментированном состоянии.

Керамическая коллекция очень фрагментирована. В ней присутствуют 3 венчика, фрагменты круглого днища, часть небольшого сосудика (диаметр 9 см) (ил. 5—I). Примеси в тесте: песок, мелкий шамот, дресва. Толщина стенок 0,4—0,6 см. Сосуды орнаментировались только в верхней части, тулоно и дно (как и внутренняя поверхность) заглачивались гребенчатым шпателем или щепой в разных направлениях. Схема орнаментации однообразна: по венчику — ряд оттисков косопоставленного короткого гребенчатого (в одном случае змейковидного) штампа, по шейке сосуда — линия ямок или «жемчужин» и разреженные оттиски гребенчатого штампа в зоне наибольшего расширения сосуда. На большинстве фрагментов на внутренней поверхности присутствуют следы мощного нагара.

На двух фрагментах стенок сосудов были зафиксированы следы «вторичного» использования, возможно в качестве лощила.

Близкие аналогии этому керамическому комплексу можно провести с керамикой белоярской культуры раннего железного века. Параллели прослеживаются не только в посуде, но и в характере расположения памятников (в глубине террасы)²¹. Хотя есть и отличие: на площадке городища Согом 12 в современном рельефе не выражены следы построек, которые в большом количестве фиксируются на белоярских памятниках Сургутского Приобья.

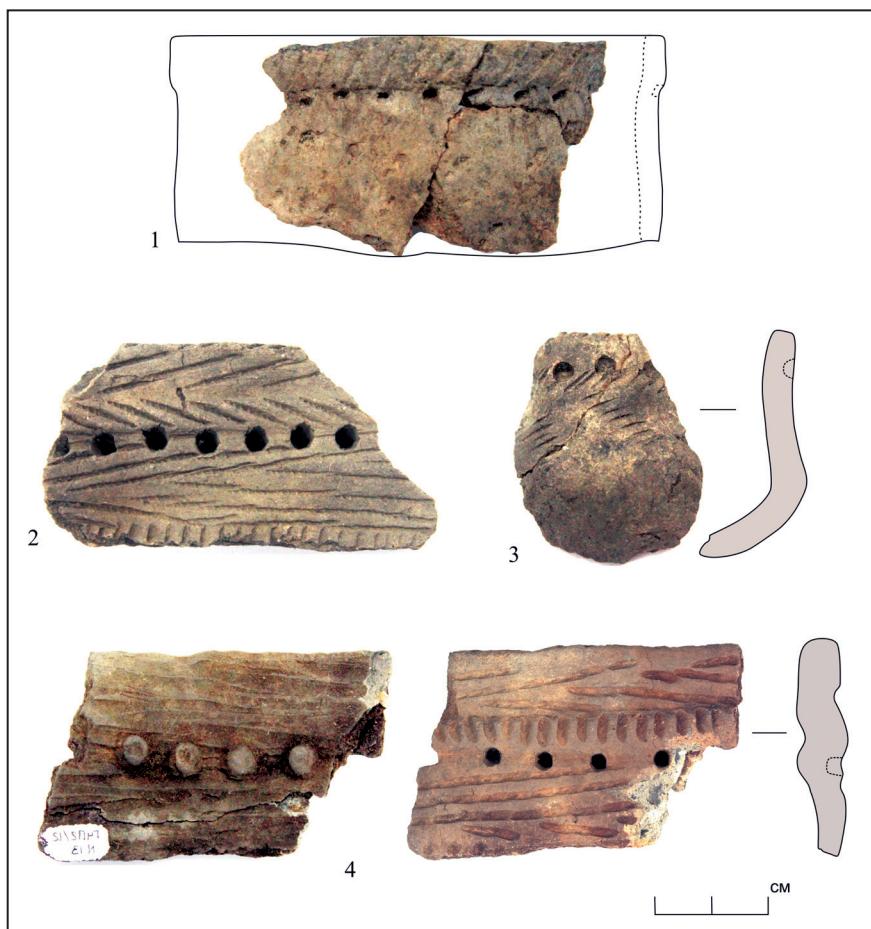
Городище Чебачья Пристань 2

Находится на западном берегу оз. Домашний Сор, в урочище «Чебачий Бор», на высоком участке береговой террасы, которая постепенно переходит в подболоченную пойму берега озера. Согласно планам прежних исследователей, городище представляло собой площадку округлой формы с тремя впадинами, окружённую по периметру двой-

ной системой обороны²². На сегодняшний день южная часть площадки городища и примыкавшая к ней фортификация разрушены — здесь проходит грунтовая дорога. Из впадин сохранилась только одна.

Во время мониторинга 2011 г. было выявлено поселение (Согом 93), примыкающее плотную к городищу с северной стороны. Рельеф в этом месте идёт на понижение, поверхность сильно заросла кустарниками — возможно, именно поэтому предыдущими исследователями оно не было зафиксировано. Пока сложно утверждать однозначно, но, скорее всего, этот объект связан с городищем Чебачья Пристань 2, поскольку впадины

Ил. 5. Городища Согом 12 (1) и Чебачья Пристань 2 (2). Керамика эпохи раннего железного века и Средневековья

располагаются в два ряда сразу за линией внешнего рва. Для ответа на вопрос, являются ли городище и поселение одновременным комплексом, необходимо проведение дополнительных исследований.

В 2012 г. с целью уточнения культурно-хронологической принадлежности и степени нарушения слоя на площадке городища был заложен шурф, в котором выявлен культурный слой мощностью до 0,6 м²³. При разборке последнего найдено 34 фрагмента керамики, в том числе: 7 венчиков и фрагмент небольшого сосудика высотой 4 см и диаметром устья 4 см (ил. 5–3). У трёх фрагментов были зашлифованы («сработаны») края; вероятно, они использовались в качестве лощил.

Это были сосуды баночной формы со слегка закрытой или прямой шейкой (в единичных случаях слабопрофилированные), декорированные только в верхней части. Срез венчика прямой, по краю нанесены насечки; толщина стенок – 0,3–0,5 см. Поверхность сосудов тщательно заглажена. Для орнаментации использовались гребенчатый и гладкий штампы (как правило, небольших размеров); отиски штампа глубокие и чёткие. По верхнему краю венчика наносился ряд ямок. Основные мотивы – горизонтальные полосы взаимопроникающих зон, состоящих из отрезков гребенчатого штампа, горизонтальные ряды вертикальных или наклонных оттисков штампа (ил. 5–2–4). Орнаментированная и свободная от декора зоны разделялись рядом разреженных наколов. Нагар присутствует на внутренней и внешней поверхности большинства фрагментов. На одном обломке венчика имеется налепной валик.

Близкое сходство данная посуда находит с керамикой кинтусовской археологической культуры (Х – нач. XII в.), для которой одним из характерных признаков является распространение узоров из взаимопроникающих зон²⁴. Наибольшее сходство керамика городища Чебачья Пристань 2 находит с комплексами 1-го этапа (по А.П. Зыкову)²⁵. Для городищ данного периода характерно наличие мощных оборонительных сооружений при достаточно небольших размерах закрытой площадки²⁶.

Таким образом, на данном этапе исследования городище Чебачья Пристань 2 можно отнести к развитому Средневековью – Х – нач. XII вв. (кинтусовская культура). Следует отметить, что памятники данной культуры концентрируются в основном на территории Сургутского Приобья. В пределах Согомского микрорайона к кинтусовскому времени был отнесён слой, полученный при раскопках городища Стариков Мыс 1²⁷. Дальнейшее изучение средневековых памятников низовий Иртыша позволит расширить ареал данной культуры, про-

вести сравнительный анализ с сургутскими памятниками, выявить их специфику.

* * *

Подводя итоги, отметим, что исследования 2012 г. позволили получить новые данные по разным периодам древности — от неолита до развитого Средневековья. Территория Нижнего Прииртышья на сегодняшний является слабоизученной в археологическом отношении. В связи с этим изучение памятников Согомского археологического микрорайона представляется весьма актуальным и перспективным направлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кениг А.В., Собольникова Т.Н., Зайцева Е.А. Мониторинг состояния и установление границ памятников археологии в Югре (проблемы, опыт и результаты работ в окрестностях д. Согом в 2010 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2011. — Вып. 9. — С. 408–420.; Зайцева Е.А. Отчёт о НИР: Мониторинг состояния и установления границ памятников археологии в районе д. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры, проведённый летом 2010 г. — Ханты-Мансийск, 2011: В 2 кн. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. № 6594, Д.1487; Собольникова Т.Н. Отчёт о НИР: Мониторинг состояния и установления границ памятников археологии в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры, проведённый летом 2011 года. — Ханты-Мансийск, 2012: В 2 кн. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. № 6627, Д.1500.

² Морозов В.М. Отчёт о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив ИА АН СССР. — Р. 1. № 17541. — С. 183–184; Поршукова Н.Ю. Отчёт о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 г. — Тобольск, 1991. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 14013. — С. 7. Рис. 12; Собольникова Т.Н. Отчёт о НИР: Мониторинг состояния и установления границ памятников археологии в Ханты-Мансийском районе...

³ Зайцева Е.А. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в районе д. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры, проведённая летом 2009 года. — Ханты-Мансийск, 2010: В 2 кн. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. № 6020. Д. 932.

⁴ Собольникова Т.Н. Поселение Согом 41 — новый памятник эпохи неолита в Нижнем Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. — Новосибирск, 2012. — С. 142–145.

⁵ Морозов В.М. Отчёт об исследовании городища Стариков Мыс I в окрестностях деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области. — Екатеринбург, 1998: В 2 ч. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. № 1285. Д. 51 а, б; Чемякин Ю.П. Неолитические комплексы на стоянке Стариков Мыс 1а // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут, 2011. — Вып. 26. — С. 221–230.

⁶ Чемякин Ю.П. Неолитические комплексы на стоянке Стариков мыс 1а... — С. 231.

⁷ Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н. Беспрозванный Е.М. Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита — энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005. — С. 61–65.

- ⁸ Косинская Л.Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — С. 19.
- ⁹ Косинская Л.Л. Керамика еттовского типа в неолите Западной Сибири // Угры. Мат-лы VI симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири». — Тобольск, 2003. — С. 95–101.
- ¹⁰ Косинская Л.Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири... — С. 19.
- ¹¹ Стародумов Д.О. Отчёт о НИР: Историко-культурные изыскательские работы (натурное обследование) на земельных участках, отводимых для ОАО «Славнефть – Мегионнефтегаз», ООО «Славнефть – Нижневартовск», ОАО «Славнефть – Мегионнефтегазгеология» в Нижневартовском районе ХМАО–Югры. — Ханты-Мансийск, 2008. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. № 5675. Д. 1080.
- ¹² Косинская Л.Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири... — С. 21.
- ¹³ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — Изд. 2. — С. 21–28; Косинская Л.Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири... — С. 20–21, 25.
- ¹⁴ Морозов В.М. Отчёт об исследовании городища Старикив Мыс I в окрестностях деревни Согом... — С. 24, 42.
- ¹⁵ Чемякин Ю.П. Неолитические комплексы на стоянке Старикив Мыс 1а... — С. 231.
- ¹⁶ Глушков И.Г., Собольникова Т.Н. Керамические комплексы низовий Конды эпохи ранней бронзы: анализ и интерпретация декоративных и технологических стандартов // Источники по археологии Западной Сибири. — Сургут, 2005. — С. 61.
- ¹⁷ Глушков И.Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири. — Сургут, 2005. — С. 44.
- ¹⁸ Собольникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита – ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1999. — С. 19–20.
- ¹⁹ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск, 2008. — С. 57.
- ²⁰ Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. — Сургут, 2000. — С. 28–30, 42.
- ²¹ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность... — С. 68–70.
- ²² Собольникова Т.Н. Средневековые городища Согомского археологического микрорайона // Вестник угрovedения. — Ханты-Мансийск, 2012. — № 3. — С. 129–138.
- ²³ Собольникова Т.Н. Отчёт о НИР: Мониторинг состояния и установления границ памятников археологии в Ханты-Мансийском районе... — С. 46–48.
- ²⁴ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 58.
- ²⁵ Зыков А.П. Средневековые таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — С. 118.
- ²⁶ Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 57.
- ²⁷ Морозов В.М. Отчёт об исследовании городища Старикив Мыс I ... — С. 11.

Поселение Чебачье 3: результаты исследований 2012 г.

А.В. Кузина

г. Ханты-Мансийск

Югорский НИИ информационных технологий

В течение пяти последних лет сотрудниками АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» систематически проводились археологические работы в окрестностях д. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры. Они включали в себя как выявление новых памятников археологии, так и идентификацию старых, выявленных здесь в 1960–1980-х гг. В ходе исследований собрана и систематизирована информация о более чем 200 археологических памятниках, а район д. Согом (включая берега оз. Домашний Сор и верховья р. Согом) вследствие высокой концентрации разновременных археологических памятников на достаточно ограниченном пространстве получил название Согомского археологического микрорайона.

Целью археологической разведки 2012 г. являлись идентификация и уточнение состояния памятника археологии поселение Чебачье 3, расположенного в пределах территории сельского поселения Согом. Выбор данного памятника, в первую очередь, был обусловлен потребностями мониторинга состояния археологических памятников в районе д. Согом, начатого в 2010 г¹. Вторым фактором для выбора этого памятника послужил недостаток информации о нём — в отчёте 1991 г. приведены лишь очень краткое описание и схематичный план памятника, отсутствуют географические привязки к постоянным ориентирам.

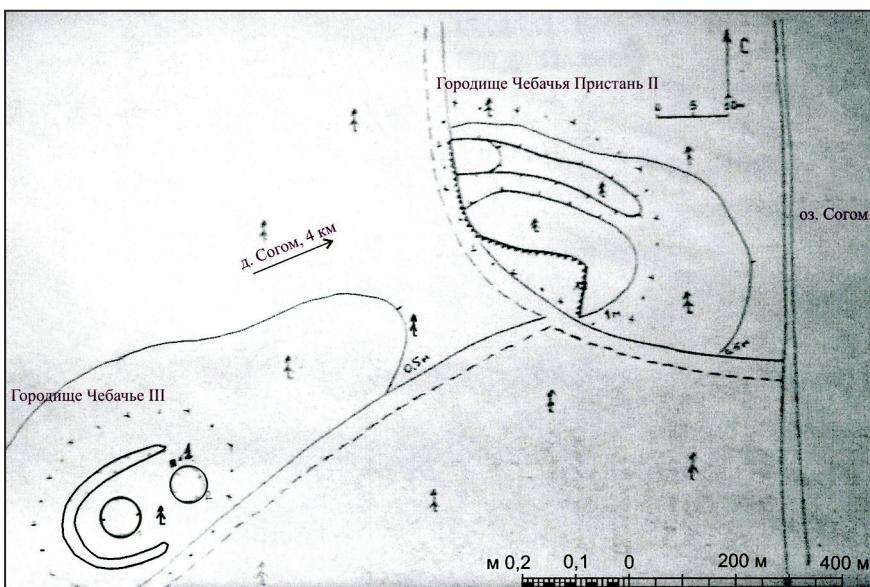
Поселение выявлено в 1989 г. экспедицией Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева под руководством Н.Ю. Поршуковой. В отчёте 1991 г. оно представлено следующим описанием: «Городище Чебачье III расположено в 50 м на ЮЗ от городища Чебачья Пристань II. Две впадины диаметром 6 м на небольшом возвышении с ЮЗ стороны ограничены рвом. С восточной

стороны ров не сохранился. В 5 м южнее проходит просёлочная дорога» (ил. 1)². Шурфовка на памятнике не проводилась, датировка не определена.

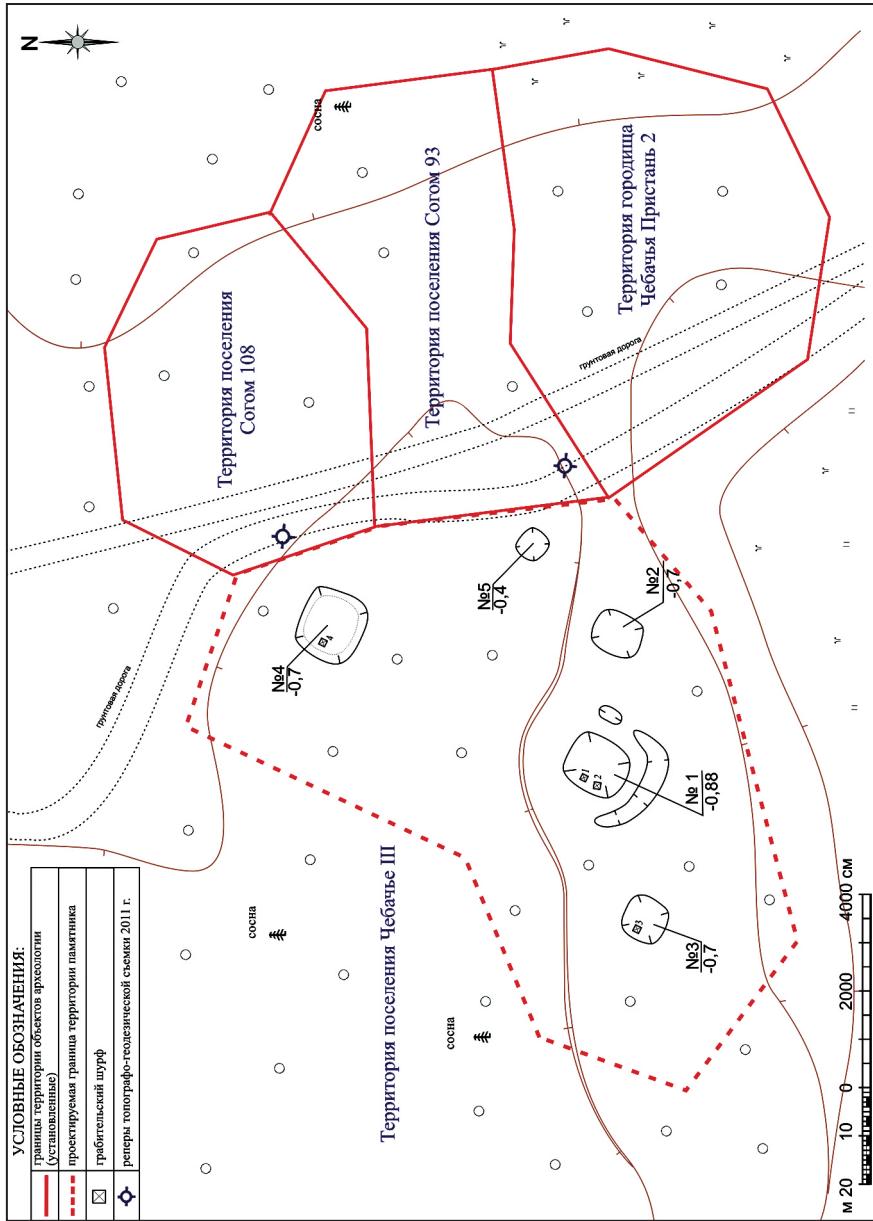
В 1997 г. памятник был поставлен на государственный учёт под наименованием «поселение Чебачье III»³.

Ввиду того, что план памятника был снят первооткрывателем достаточно схематично (ил. 1), а также из-за распространившегося мохово-лишайникового покрова в ходе мониторинга 2011 г. поселение обнаружить не удалось. Только в 2012 г. он был идентифицирован, а его план уточнён (дополнительно выявлено 3 объекта — впадины).

Поселение Чебачье 3 расположено в 78 км юго-западнее г. Ханты-Мансийска, в 3,3 км к западу — юго-западу от д. Согом, на западном берегу оз. Домашний Сор, на территории урочища Чебачий Бор, в непосредственной близости от городища Чебачья Пристань 2 (105 м — расстояние между центральными точками памятников) и поселений Согом 93 и Согом 108 (90 и 85 м — расстояние между центральными

Ил. 1. «План городищ Чебачье III и Чебачья Пристань II». По: Поршукова Н.Ю. Отчёт о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области по Открытому листу № 702 (форма № 2), выданному ОПИ ИА АН СССР 4 июля 1989 г. — Тобольск, 1991. — Архив АУ ЦОКН. — Инв. 1261. Д. 21. — Рис. 12. (Компьютерное дублирование легенд и масштаба внесено автором статьи)

Ил. 2. Поселение Чебачье 3. План

точками памятников соответственно) (ил. 2). Поселение расположено на небольшой невысокой граве, вытянутой по линии запад – восток. Памятник удален от оз. Домашний Сор на 178 м к западу.

Поселение представлено археологизированными остатками древних сооружений, фиксируемых в современном рельефе в виде 5 впадин подквадратной формы⁴. Расстояние между впадинами варьирует в пределах 15–18 м, лишь впадина № 4 расположена в 34 м от впадины № 5. В расположении объектов определённой системы не фиксируется, однако впадины № 1–3 образуют линию с запада на восток.

Характеристика впадин.

Впадина № 1: размеры – 10,7x11,4 м; глубина – 0,8 м; с юго-запада и юго-востока фиксируется ров шириной от 2,5 до 3,2 м, глубиной 0,2 м; с востока примыкает яма размерами 3,0x4,5 м, глубиной 0,2 м.

Впадина № 2: размеры – 8,2x9,8 м; глубина – 0,7 м.

Впадина № 3: размеры – 5,8x7,5 м; глубина – 0,7 м.

Впадина № 4: размеры – 12,1x13,5 м, глубина – 0,7 м.

Впадина № 5: размеры – 5,3x6,0 м, глубина – 0,4 м.

Площадь территории памятника примерно составляет 9538 кв. м.

На этой территории есть несколько поваленных деревьев. Во впадинах № 1, 3, 4 зафиксированы грабительские шурфы размерами от 0,6x0,6 до 0,9x0,9 м, глубиной 0,3–0,4 м (ил. 2). В непосредственной близости от объекта № 5 проходит грунтовая дорога, однако в связи с отсутствием движения транспорта угрозы памятнику нет. Состояние памятника хорошее.

Таким образом, в результате проведенных работ на поселении Чебачье 3 был снят уточнённый топографический план памятника, получены географические привязки к постоянным и времененным ориентирам на местности, определено его техническое состояние. Так как в ходе проведения разведки шурfovка не проводилась и находок не обнаружено, датировка поселения Чебачье 3 затруднена. По аналогии с памятниками Севера Западной Сибири, имеющими сходные внешние признаки и параметры, его предварительно можно датировать в широком хронологическом диапазоне – эпохой бронзы – Средневековьем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зайцева Е.А. Отчёт о НИР: Мониторинг состояния и установление границ памятников археологии в районе д. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры, проведенных летом 2010 г.: В 2 кн. – Ханты-Мансийск, 2011. – Архив АУ ЦОКН. – Изв. № 6594, Д. 1487; Собольникова Т.Н. Отчёт о НИР: Мониторинг состояния и установление границ памятников археологии в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведённых летом 2011 г.: В 2 кн. –

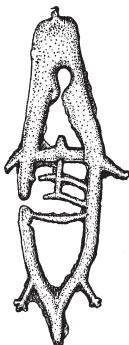

Ханты-Мансийск, 2011. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. 6627, Д. 1500 а, б.

² Поршукова Н.Ю. Отчёт о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области по Открытым листу № 702 (форма № 2), выданному ОПИ ИА АН СССР 4 июля 1989 г. — Тобольск, 1991. — Архив АУ ЦОКН. — И nv. 1261. Д. 21. — С. 8.

³ Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 г.). Утв. Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.1997., № 89 (№ 33 по списку Ханты-Мансийского района).

⁴ Порядковый номер дополнительно выявленных объектов поселения продолжил нумерацию, введённую Н.Ю. Поршуковой в 1989 г.

О полевых археолого-этнографических работах в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2012 г.

А.А. Рудь
г. Сургут
ООО «Гипербюрея»

В полевом сезоне 2012 г. автором статьи были проведены археологические и этнографические исследования. Археологические исследования проводились в рамках работ по историко-культурным изысканиям земельных участков, планируемых под строительство объектов нефтедобычи ОАО «Сургутнефтегаз» (НГДУ «Комсомольскнефть», «Фёдоровскнефть», «Сургутнефть», «Лянторнефть», «Нижнесортымскнефть», «Быстринскнефть») в Белоярском, Октябрьском и Сургутском р-нах ХМАО – Югры.

В результате работ было обнаружено 9 не известных ранее объектов культурного наследия (археологических памятников и этнокультурных объектов):

- в зоне деятельности НГДУ «Быстринскнефть» (Октябрьский р-н) – селища Большая Карымкарская 11, Большая Карымкарская 13, Большая Карымкарская 14, Большая Карымкарская 15, одиночная впадина Большая Карымкарская 12;
- в зоне деятельности НГДУ «Лянторнефть» (Сургутский р-н) – селища Котингтур 5, Котингтур 6;
- в зоне деятельности НГДУ «Нижнесортымскнефть» в (Сургутский р-н) – селище Тотымаявин 28 и кладбище хантов в верхнем течении р. Тотымаявин (ил. 1).

Помимо этого, в границах земельных участков, испрашиваемых ОАО «Сургутнефтегаз», повторно обследованы ранее выявленные археологические памятники: городища Барсов Городок II/15, Колывановское I; селища Чёрное 4, Барсова Гора II/39, Остяцкий Живец I, Остяцкий Живец II, Остяцкий Живец III, Колывановское 4, Колывановское 5; поселения Барсова Гора II/8, Барсова Гора II/9. В правобережье среднего течения р. Энть-Юхлынгъягин на территории Ульяновского месторождения был повторно обследован объект, обладающий призна-

Ил. 1. Кладбище хантов в верхнем течении р. Тотымаявин (левый приток р. Лямин). Ай-Пимское месторождение. Сн. с севера

ками объекта культурного наследия — каркасно-столбовая постройка хантов «чамэц кот». За пределами границ испрашиваемых земельных участков повторно обследовано селище Лянторское I.

По итогам историко-культурных изысканий даны рекомендации по сохранению перечисленных археологических и этнокультурных памятников, а также варианты смещения проектируемых ОАО «Сургутнефтегаз» объектов нефтедобычи. В целом нужно отметить, что вновь выявленные и повторно обследованные в 2012 г. археологические памятники имеют хорошую или среднюю сохранность. Мы заострим внимание на двух фактах частичной утраты объектов археологического наследия.

Так, в ходе историко-культурных изысканий, проведённых в Октябрьском р-не на месторождении им. Н.К. Байбакова, установлено аварийное состояние вновь выявленного объекта археологического наследия — селища Большая Карымкарская 11. Археологический памятник повреждён при прорубке просеки и работе гусеничного транспорта для обустройства вахтового посёлка. Помимо этого, одно из сооружений селища повреждено ямой для складирования мусора (ил. 2). Зафиксированы современные нарушения культурного слоя — поверхность на территории селища выравнивалась бульдозером. Отметим, что работы ОАО «Сургутнефтегаз» на участке в границах селища Большая Карымкарская 11 были проведены до историко-культурных изысканий, что и привело к частичному уничтожению памятника. Второй факт частичной утраты объекта археологического наследия связан с деятельностью «чёрных копателей». Так, при обследовании выявленного ранее городища Колывановское I на Лянторском месторождении в Сургутском р-не были зафиксированы точечные нарушения почвенного покрова, являющиеся следами грабительских вкопов с применением металлоискателя.

В 2012 г. в Среднем Приобье выдалось засушливое лето. В июле уровень воды во многих озёрах упал, в результате чего обнажилась прибрежная часть дна водоёмов. Во время исследований на стойбище С.В. Кечимова (бассейн р. Лимпаси — правого притока р. Тромъёгана), пользуясь низким уровнем воды в оз. Нёrimлор, мы предприняли попытку обследования восточного берега озера на предмет наличия объектов археологии. Это обследование не принесло положительных результатов, однако, по нашему мнению, подобные климатические аномалии и впредь необходимо использовать для исследования по-

Ил. 2. Селище Большая Карымкарская 11. Техногенные повреждения памятника — следы работы гусеничной техники и яма для складирования мусора. Месторождение им. Н.К. Байбакова. Сн. с севера — северо-запада

лосы уреза воды около прибрежных археологических памятников с целью поиска затопленного или подтопленного культурного слоя и артефактов.

Этнографические полевые работы 2012 г. являются продолжением систематических исследований, которые проводятся автором среди коренного населения Среднего Приобья и прилегающих территорий с 2002 г. К настоящему времени территория наших полевых работ охватывает бассейны рек Аган, Тромъёган, Пим, Лямин, Большой Юган, Демьянка, и ведутся точечные работы в бассейнах рек Пур, Казым, Назым. Помимо автора статьи, в полевых работах регулярно принимает участие руководитель Сургутского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок А.С. Сопочина. Сводный перечень этнографических полевых исследований 2010–2012 гг. представлен в таблице.

О полевых работах ...

Таблица

Этнографические исследования автора в 2010–2012 гг.

Месяц	Место исследований	Информанты
2010 г.		
Февраль	Р. Тромъёган (верхнее течение). Священное место <i>Сави Вэты</i> Рэп	Д.Н. Покачев, Л.Д. Покачев, Э.Н. Покачева, А.Н. Покачев, С.В. Кечимов, И.Н. Кечимов, В.Д. Ермакова, С.Ф. Русскин, В.А. Русскин, А.П. Мултанов, С.Г. Рынков, В.Г. Рынков
Март	Р. Малый Юган (среднее течение). Юрты Кинямины (посещение медвежьего праздника)	Е.П. Кинямин, Г.Н. Кинямина, И.С. Кинямин, А.И. Кельмин, Ю.А. Кельмин, Т.М. Кельмина, А.Н. Ачимов, С.В. Каюкова, З.Е. Каюкова, А.А. Каюков, С.В. Кечимов, Я.Н. Нимперов, И.Г. Кантеров
Июль	Р. Кедровая и Яумынгъяун (левые притоки р. Лямина)	А.С. Сопочина
	Р. Пим с левыми притоками Котингтур и Якъяун	В.Я. Кантеров, Я.А. Кантеров, Е.А. Тайбин, Е.А. Тайбина, А.А. Рынков, Е.А. Рынков, Л.С. Колыванова
Сентябрь	Р. Тромъёган (верхнее течение). Священное место Яун Той Кон Мыих	Б.К. Покачев, И.Б. Покачев, А.И. Покачев, А.А. Рускин, С.Г. Рынков, А.П. Мултанов
Декабрь	Устье р. Назыма (посещение священного места Сорни Кон Ики)	
2011 г.		
Март	Р. Энтль-Юхлынгъявин (правый приток р. Пима)	В.Я. Кантеров, Я.А. Кантеров, Г.А. Кантеров, Ф.Н. Востокин, К.Н. Нимперов, А.Ф. Каюкова, Н.Ф. Каюков
	Междуречье Пима и Тромъёгана (р. Ватьявин, Котингтур, Тутлеймъяун, Тапъяун, Лархни, Вынга)	Ю.И. Тайбин, И.И. Тайбин, Н.И. Тайбин, Б.Н. Тайбин, М.Н. Тайбин, И.Г. Тайбин, Ф.Г. Тайбин, А.Т. Итыков, А.А. Рынков, С.Н. Рынков, В.Я. Кантеров, К.Е. Кантеров
Сентябрь	Р. Тромъёган (нижнее течение) Священное место <i>Иымынг</i> рэп	
2012 г.		
Май	Р. Обь Священное место <i>Лукут Эвээт</i>	С.В. Кечимов, Б.А. Комтин, С.Г. Рынков, А.С. Сопочина
Июль	Р. Ютыеха, Войчельявин, Хотылта, Лямин Третий (левые притоки р. Лямина)	С.П. Нимперов, Р.П. Нимперов, Ю.В. Кантеров, Е.В. Кантерова, В.Я. Песиков, С.Е. Востокина, А.П. Кечимова, В.К. Кечимов, Н.В. Нимперов
Июль	Р. Лимпас (правый приток р. Тромъёгана)	С.В. Кечимов, В.Д. Ермакова, В.Л. Сопочин, Д.Н. Покачев, С.Г. Рынков, Э.Е. Рынков, В.А. Лебедич
Декабрь	Р. Тромъёган. д. Русскинская	С.В. Кечимов, В.Л. Сопочин, Д.Н. Покачев, Н.Н. Вылла, Ю.В. Тэвлин, Р.И. Тэвлина, Т.А. Тэвлина

Целью этнографических полевых исследований являлся сбор сведений о современном состоянии материальной и духовной культуры коренного населения Среднего Приобья. В рамках этих исследований, как и в прежние годы, проводились следующие работы:

1. Картографирование сведений об археологических, этнокультурных объектах, сбор топонимической информации.
2. Сбор сведений о материальной культуре и промыслах коренных жителей.
3. Сбор сведений о духовной культуре и ритуальных практиках коренных жителей.
4. Сбор фольклорных источников на хантыйском языке.

Актуальность данных работ заключается в фиксации и всестороннем изучении традиционных сторон культуры коренного населения Среднего Приобья в условиях мощного внешнего воздействия современного постиндустриального общества, а также выявлении механизмов адаптации традиционной культуры к сложившимся новым экологическим, экономическим и социально-демографическим условиям.

В 2012 г. работы проходили в бассейнах рек Пима, Лямина, Тромъёгана. Обследовано:

- 8 жилых стойбищ,
- 6 оставленных стойбищ,
- 5 промысловых объектов,
- 4 культовых и почитаемых объекта (в том числе святилища, священный лабаз),
- 4 объекта, связанных с традиционными коммуникациями,
- 1 некрополь.

В ходе исследований присутствовали при одном обряде жертвоприношения (*йыр*) и двух бескровных приношениях (*пори*). Со слов информантов отмечено на топографических картах местонахождение 157 объектов. В их число входят действующие и оставленные стойбища, некрополи, объекты, связанные с традиционными коммуникациями, промысловые объекты, святилища и почитаемые места, данные топонимики. Некоторые из полученных сведений требуют уточнения и более точной привязки. Во время полевых исследований проводилась GPS-фиксация этнокультурных объектов, фото-, видеосъёмка, диктофонная запись бытовых, промысловых, ритуальных и фольклорных сюжетов, а также отдельных предметов и объектов материальной и духовной культуры.

В выборе районов работ и информантов мы руководствовались несколькими посылами:

- заполнение в наших исследованиях на территории Сургутского Приобья «белых пятен» (как при опросе неохваченных предыдущими исследованиями информантов, так и при натурном обследовании территорий проживания коренных жителей);
- повторное посещение стойбищ коренных жителей с целью уточнения полученных ранее сведений и обследования территорий проживания коренных жителей в другое время года;
- непосредственные договоренности с информантами с целью записи фольклора, посещения ритуалов, обследования территории на предмет наличия этнокультурных объектов в сопровождении коренных жителей.

Из всего многообразия сохранившихся явлений традиционной культуры остановимся более подробно на нескольких сюжетах, связанных с захоронением пищевых отходов, переносом построек на новое место, оставлением стойбищ по мировоззренческим представлениям.

В ходе исследований в среде восточных хантов неоднократно приходилось сталкиваться с отдельным хранением пищевых отходов и тары от пищевых продуктов (стеклянных и пластиковых бутылок,

Ил. 3. Стойбище С.Е. Востокиной на р. Хотыпта (левом притоке р. Лямина Третьего). Общий вид на замкнутый водоём — место складирования пищевых отходов и тары. Сн. с севера

консервных банок)¹. Часто таким местом является огороженная жердями территория, находящаяся в священной («мужской») части стойбища за «спиной дома» (*котмуль*) к северу от жилой постройки². По сведениям информантов, ограждение делается для того, чтобы олени не могли пораниться об острые края стеклянной тары или консервных банок. Такой тип хранения пищевых отходов и использованной тары не единственный. В июле 2012 г. при обследовании стойбища С.Е. Востокиной (р. Хотыпта — левый приток р. Лямина Третьего) нами было осмотрено место складирования пищевых отходов и тары. Место было приурочено к бессточному заболоченному водоёму, находящемуся в 100 м к северу от жилого дома (ил. 3). В июле была засуха, на момент осмотра водоём пересох. У берегов, обращённых к стойбищу, были обнаружены бутылки, консервные банки, рыбья чешуя, перья птиц, кости животных. Наш информант С.Е. Востокина подтвердила, что в данное место она относит пищевые отходы. И объяснила это тем, что остатки еды нельзя выкидывать на свалку, находящуюся в «женской» части стойбища (южнее жилого дома). Отметим, что указанные действия в отношении пищевых отходов находят аналогии с другим распространенным у хантов ритуалом — захоронением костей добытого медведя в замкнутом водоёме, который направлен на возрождение добытого зверя³.

Помимо мировоззренческого аспекта в традиционной культуре восточных хантов, эта информация может быть полезной для определения границ археологических поселенческих объектов традиционных обществ. Отметим, что упомянутый замкнутый водоём находится в болоте, за пределами коренной террасы, на удалении около 100 м от жилого дома.

В следующем сюжете приведены примеры переноса деревянных построек на новое место. Они могут быть использованы в интерпретации материалов археологических раскопок и, наряду с плохой сохранностью дерева в подзолистых почвах, объяснить отсутствие или небольшое количество остатков деревянных конструкций на поселенческих объектах Западной Сибири.

Несмотря на широкое распространение у восточных хантов современных столярных инструментов и изобилие годного для строительства леса, многократно зафиксированы случаи переноса строений (жилых домов, лабазов и др.) со старого на новое стойбище. Нередко на старом стойбище остаются только непригодные части строений — подгнившие нижние венцы срубов либо вертикальные стойки лабазов. Перенос готового строения экономически оправдан: готовый сруб

можно быстро и с минимальными затратами возвести на новом месте. Широкое распространение у коренных жителей мощных снегоходов обеспечило транспортировку сруба на значительные расстояния. Один из многочисленных примеров переноса срубной постройки со старого на новое стойбище был зафиксирован нами в июле 2012 г. во время исследований на угодьях С.П. Нимперова в бассейне р. Ютыеха (левый приток р. Лямина) (ил. 4).

Однако в ходе наших работ мы неоднократно сталкивались с оставлением функционально исправных жилых построек по мировоззренческим представлениям. В традиционных представлениях восточных хантов после смерти человека жилой дом, вещи в нём, а иногда и само стойбище, положено оставлять покойному⁴. По сведениям, собранным нами у коренных жителей, в таких домах запрещено ночевать. Информанты объясняют этот запрет тем, что в таком строении поселяются «злые духи», «черти», «маячки» (*йэлэх канлэх отэт*). Одним из многих примеров оставления стойбища по мировоззренческим представлениям

Ил. 4. Старое летнее стойбище С.П. Нимперова на р. Ютыеха (левом притоке р. Лямина). Нижние венцы жилого дома, перенесённого на новое летнее стойбище. На фото наш проводник С.П. Нимперов и его сын И.С. Нимперов. Сн. с юга

является зимнее стойбище В.Д. Востокина (р. Хотыпта — левый приток р. Лямина Третьего), обследованное в июле 2012 г. (ил. 5).

Другим мотивом оставления стойбищ является нанесение вредоносной магии на пространство жилой постройки (либо стойбища) кем-либо из людей. Так, в марте 2011 г. во время обследования этнокультурных объектов в среднем течении р. Энтль-Юхлынгъавин (правый приток р. Пима) наш информант Ф.Н. Востокин показал оставленное по этой причине своё осеннее стойбище, пояснив: «Я здесь жил, где-то 4–5 лет – до 2005–2006 года. А потом оставил это стойбище, потому что первая тёща порчу наслала. Она у нас какое-то время жила. Нехорошее что-то наколдовала – ребёнок каждую ночь плакал. Вот, ребёнок первую ночь в доме нормально спит, а вторую ночь уже плачет... И всё уже – каждую ночь плачет. А днём нормально... Может маячки или ещё что-то такое нехорошее... А до того как она приехала сюда – всё нормально было. Мы это стойбище оставили пять лет назад. Потому что, когда Светка родилась, мы уже

Ил. 5. Старое зимнее стойбище покойного В.Д. Востокина на р. Хотыпта (левом притоке р. Лямина Третьего). Стойбище оставлено по мировоззренческим представлениям. На фото наш проводник В.Я. Песиков. Сн. с юго-запада

боялись туда ехать...»⁵. Небезынтересно отметить, что, по словам этого информанта, на указанном стойбище всё-таки время от времени проживает его русский друг-охотник, на которого вредоносная магия не действует.

Ещё одним вариантом оставления стойбища по мировоззренческим представлениям является его нахождение в месте проживания духов или божеств против их воли. Информанты сообщают, что поселение в таких местах чревато для человека потерей здоровья, сумасшествием и даже смертью. В июле 2010 г. на р. Котингтур (левый приток р. Пима) Е.Т. Тайбин во время обследования одного из брошенных стойбищ, рассказал следующее: «*Про это стойбище нам рассказывала историю Колыванова Л.С. Здесь раньше священное место было – Кот Мых⁶. Люди тут совсем не жили, нельзя потому что. А потом Тайбин Михаил Ефимович и Итыкова Софья Дмитриевна сюда переехали, стойбище поставили. А на самом высоком месте туалет сделали. Они жили здесь в этом месте 6 лет. А потом у них у обоих что-то случилось... Михаил был несколько лет уже без памяти. Пошёл к электростанции зачем-то, там что-то коротнуло, свет потух. А когда жена спохватилась, пришла – он лежал мёртвый возле электростанции. Это было в декабре 2004 г. А потом у неё тоже что-то с головой случилось. И её не стало. У них сын остался – Яша*⁷.

Информация о подобном случае с р. Тромъёгана была получена в феврале 2003 г. В верхнем течении этой реки, на территории Тянской группы месторождений ОАО «Сургутнефтегаз» находится одно из главных святилищ тромъёганских хантов – Яун Той Кот Мых. Для того, чтобы помешать захвату этой священной территории нефтяниками, рядом со святилищем в кон. 1990-х гг. поселился хант В.Г. Рынков с семьёй. Хотя в соответствии с традиционными представлениями хантов делать это было нельзя. Через год у него случилось несчастье – скончалась супруга. Этот факт местным сообществом был воспринят в качестве кары за нарушение запрета селиться рядом со святилищем⁸.

Последним примером оставления стойбища служит его непреднамеренное расположение на месте старого кладбища. В феврале 2004 г. мы были свидетелями шаманского камлания в среднем течении р. Тромъёгана⁹. Ритуал проводился по просьбе одного из тромъёганских хантов¹⁰. Обратившийся человек пожаловался на череду неудач, постигших его в последнее время: «*У меня в посёлке*¹¹

снегоход «Буран» украли. На стойбище без видимых причин то баня загорится, то олений дом. Или нехорошие вещи случаются: подъезжаю к стойбищу – дети бегут меня встречать, а слышно, что ещё кто-то, кроме детей, бежит встречать...». В результате шаманского камлания было определено, что стойбище обратившегося человека стоит на месте старинного захоронения ребёнка. Также было определено, что стойбище необходимо перенести южнее¹².

В следующем полевом сезоне археологические и этнографические работы в Среднем Приобье будут продолжены. Также планируется камеральная обработка уже полученной информации: пополнение электронной базы данных этнокультурных объектов на территории Сургутского р-на, расшифровка аудио- и видеозаписей, обобщение и анализ информации, связанной с культовыми объектами и ритуальной деятельностью восточных хантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рудь А.А. Из полевого дневника экспедиции: на стойбище М.И. Мултановой // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 100.

² Традиционное деление территории стойбища на «мужскую» и «женскую» части неоднократно рассматривалось исследователями хантов. См.: Головчёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угротов. — Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. — С. 278; Песикова А.С. Ландшафт для слабых и сильных // Бахлыковские чтения — 2003: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию угутского просветителя Петра Семёновича Бахлыкова (22 января 2003 г., с. Угут). — Сургут: Сургутская типография, 2003. — С. 59–62.

³ Рудь А.А. Сведения о медвежьем промысле в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. — Вып. 4. — С. 105.

⁴ Тема традиционных представлений хантов об оставлении жилого дома умершему хозяину уже поднималась исследователями. См.: Головчев А.В. Говорящие культуры... — С. 276 — 277; Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. — С. 44.

⁵ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Март 2011. Сведения Ф.Н. Востокина. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

⁶ Хантыская лексема *Кот Мых*, входящая в состав наименований многих культовых объектов, имеет дословный перевод «Дом — Земля», однако смысловое значения её необходимо переводить как «Вместилище / Место ауры божества».

⁷ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Июль 2010. Сведения Е.Т. Тайбина. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

⁸ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Февраль — Март 2003 г. Сведения Е.Н. Сопочиной, В.А. Покачевой, Г.Д. Рынкова, К.И. Рынковой, С.Г. Рынкова. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

⁹ Камлание проводил Еремей Антонович Тэвлин.

¹⁰ По просьбе информанта мы не публикуем его личные данные.

¹¹ д. Русскинская.

¹² Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Февраль 2004. Сведения А.С. Сопочиной, Е.А. Тэвлина. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

Библиографическое наследие

Няксимвольское городище (Предварительное регистрационное описание)*

М. Копотилов
г. Тобольск

От гр. Трапезникова А.К. О[бществ]ом изучения края получено краткое регистрационное сообщение о городище, находящемся близ с. Няксимволь Берёзовского р[айона] Тобольского округа.

Городище расположено в 0,5 км от с. Няксимволь к северо-востоку, на левом высоком обрывистом берегу р. Сев[ерной] Сосьвы.

Высота берега реки 10 м, поверхность по направлению от городища к с. Няксимволь ровная, а на север и северо-восток берег значительно снижается, переходя в 200 м от городища в болото.

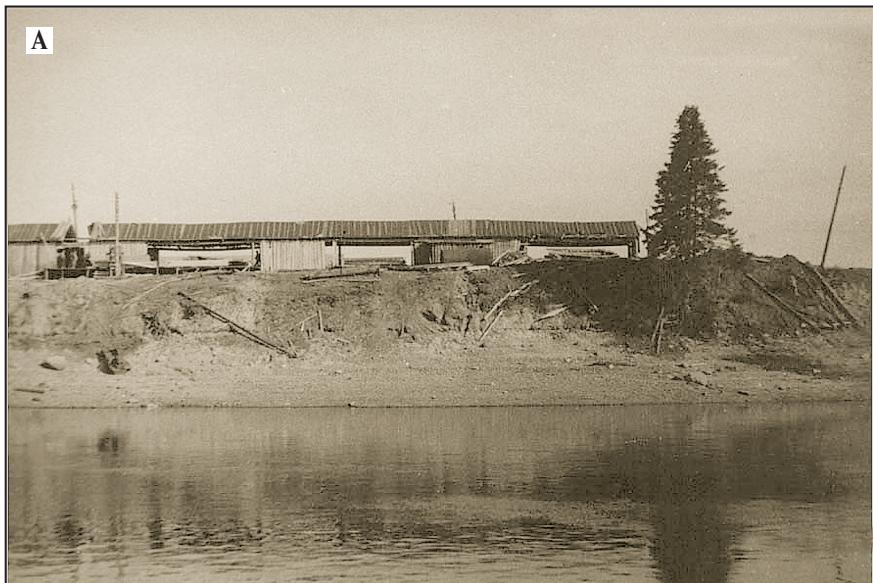
Площадка городища имеет в длину по берегу реки 110 м и в ширину от 30 до 40 м. Раньше городище было, несомненно, больше, так как ежегодно берег обваливается в реку, и, по словам местных жителей, даже за последние 10–15 лет смыло берега до 15 м.

Городище окружено с береговой стороны валом и рвом, сейчас значительно разрушенным.

Высота вала в настоящее время достигает до 1 м, глубина рва 1,5 м и ширина до 4 м. В средине городища заметен довольно правильный четырёхугольник 6х6 м с углублением в землю до 0,3 м.

Городище несколько лет назад частично распахивалось года 2–3 под пашню и огород. При вспахивании, по словам местных жителей, находили почти целые глиняные сосуды, костяные наконечники для стрел и др. предметы, но сейчас от этих находок ничего не сохранилось. А.К. Трапезников собрал на берегу реки и на поверхности городища,

* Печ. по: Копотилов М. Няксимвольское городище (Предварительное регистрационное описание) // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. — Тобольск, 1930. — № 1 (январь — март). — С. 29–30. О дальнейшей судьбе городища см.: Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2012. — Вып. 10. — С. 137–154.

Ил. 1. Здесь когда-то находилось городище и хантыйское святилище.
А – 1989 г., фото: А.Н. Панфилов; Б – 2003 г., фото: Д.О. Стародумов

а также в небольших шурфах, сделанных им для определения глубины залегания культурного слоя, глиняные черепки, железное кольцо, медное украшение, медный обломок какой-то вещи, изделия из кости и обломки кости. Культурный слой с находками залегает на глубину до 0,75 м, почва чернозёмная. Ниже культурного слоя песок. Так как все эти находки А.К. Трапезников выслал в Уральский об[астной] музей, то сказать о них что-либо определённое можно будет лишь по получении из Свердловска материала по их обработке.

У окружающего русского и зырянского населения названия городища не имеется. Остяки зовут его Ялпын-ма — «Святое место» и передают о нём следующее предание: «Жил когда-то в этом городище весьма богатый и уважаемый остяками князь, на которого напало большое войско самоедов. Князь не мог отбиться от врагов и тайком ночью ушёл с остатками своих войск из городища через болото, считавшееся непроходимым, закопав в городе в большом железном ящике все свои сокровища, не имея возможности захватить их с собой. И часто, говорят остяки, и в настоящее время по ночам на месте клада виднеется синий огонёк, но найти клада никто не может».

Князь, говорят, был очень высокого роста и громадной силы. Оставшиеся от него кольчуга и громадный лук со стрелами хранятся будто бы и сейчас где-то в юртах по р. Ляпину, передаваясь потомками этого богатыря из рода в род.

Сейчас во время своих проездов на лодке мимо городища остяки всегда держатся противоположного правого берега; если же когда и проезжают левым берегом, то только без женщин.

Хотя мы и не имеем в настоящий момент под руками собранного на городище материала, но, однако, можно с большей уверенностью сказать, что это одно из старинных остяцких городищ. Об этом говорят и сохранившееся только у остяков название городища, и имеющаяся о городище только остяская легенда, и почитание этого места у остяков.

Рецензии и библиография

Сделаем усилие и... приблизимся к истине
(Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии
Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время /
Отв. ред. А.Я. Труфанов; рецензенты А.В. Головнёв,
С.Ф. Кокшаров – Екатеринбург: Уральский рабочий,
2012. – 232 с.: ил.)

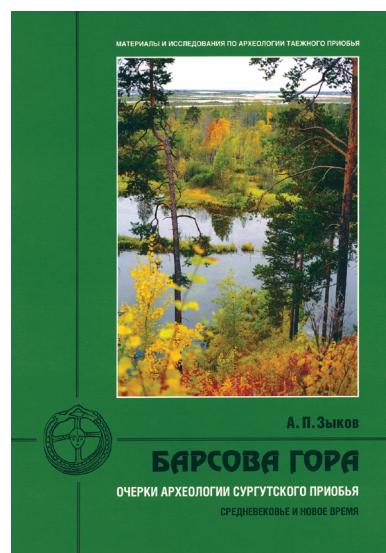
К.Г. Карабаров
г. Екатеринбург
Индивидуальный предприниматель

*Я могу ошибаться, а вы можете
быть правы; сделаем усилие, и мы,
возможно, приблизимся к истине.*

K. R. Поппер

Получилась так, что рецензируемая работа в большей степени обращена ко мне. В ней я выступаю как основной объект критики и оппонирования. Поэтому с моей стороны было бы невежливо оставить её без внимания.

При написании настоящей рецензии мне было очень сложно удержаться от дискуссии на уровне презумпции собственной непогрешимости и продвижения своего взгляда на предмет. Осознавая бесплодность этого в рамках рецензии, я попытался отвлечься и взглянуть на труд Алексея Павловича со стороны. Допускаю, что мне не всё удалось понять в книге, и поэтому к настоящей

рецензии следует относиться с точки зрения философского принципа Бритвы Хэнлона¹.

Введение

Как правило, описание объекта и предмета исследования, цели и задачи, а также его актуальность излагаются во введении. Когда читаешь этот раздел рассматриваемой работы, появляется уверенность, что речь в ней пойдет о непревзойденной роли автора в развитии археологии Севера Западной Сибири. На мой взгляд, всё же неплохо было бы написать введение в соответствии с требованиями жанра, а рассматриваемый текст вынести в предисловие или в самостоятельную главу: «Место А.П. Зыкова в западносибирской археологии». Неясно, почему ни рецензенты, ни редактор не обратили внимание автора на это.

Конечно, я не исключаю, что автор, вопреки моему пониманию, имел цель максимально представить в книге свои заслуги. Ведь действительно, не только во введении, но и по всему тексту этому уделяется большое внимание. И именно поэтому книга получилась такой очень личной — в ней отразились переживания, обиды и неудовлетворенные притязания автора...

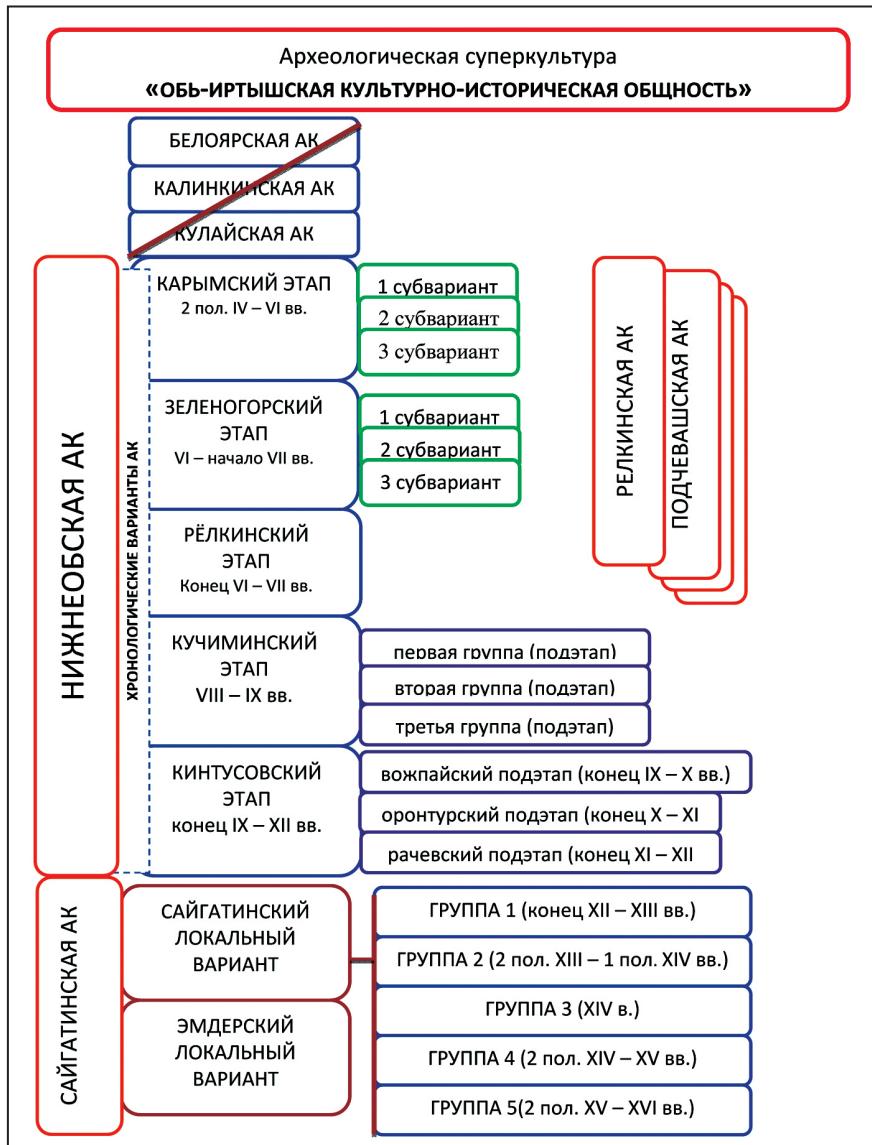
Глава 1

История изучения Средневековья Сургутского Приобья

Здесь подробно рассмотрены эпизодические археологические работы в регионе кон. XIX – нач. XX в. с упором на работы на Барсовой горе В.Ф. Казакова и Ф.Р. Мартина. Этому посвящено более 14 страниц текста. Систематическим исследованиям последних 50 лет посвящено чуть меньше страницы. Оставшиеся 7 страниц текста повествуют о создании схем периодизации и дискуссиях вокруг этого.

В последующих главах делается попытка представить новую схему периодизации.

На первый взгляд «новая» схема, которую предлагает А.П. Зыков, мало чем отличается от схемы, которая была предложена в 1991 г. и дополнена в 1993 г.² Однако в 1993 г. была предложена схема, по которой на уровень археологической культуры было выведено «высшее проявление степени генетического сходства археологических комплексов северо-западной Сибири эпохи железа» под названием «объ-ирышская культурно-историческая общность», которая включила в себя памятники от начала железного века до Средневековья. Внутри нее было выделено 7 хронологически последовательных подкультур

Ил. 1. Схема периодизации археологических культур по концепции А.П. Зыкова, построенная на основе текста его монографии «Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время»

(«этапов—периодов»), которые, в свою очередь, были объединены в 3 группы («стадии»), «характеризующие принципиальные изменения в основных сферах культуры»:

стадия 1 — «переходный переход от эпохи бронзы к собственно железному веку» — VII—III вв. до н. э.:

- белоярско-васюганский этап (VII—III вв. до н. э.);

стадия 2 — «железный век I» — III до н. э. — нач. VIII в.:

- кулайский этап (III в. до н. э. — III в.);

- карымский этап (III—IV — нач. VI вв.);

- зеленогорский этап (VI в. — нач. VIII в.);

стадия 3 — «железный век II» — VIII—XVI вв.:

- кучминский этап (VIII—IX вв.);

- кинтусовский этап (кон. IX — сер. XII в.);

- сайгатинский этап (середина XII в. — XVI в.)³.

В новой схеме периодизации А.П. Зыков отказался от деления на стадии. В ней он полностью игнорирует памятники железного века («раннего железного века») и оперирует только памятниками эпох Средневековья и Нового времени. «Обь-иртышская культурно-историческая общность» преобразована им в археологическую суперкультуру, которая включила в себя все средневековые культуры лесной зоны Западной Сибири. Для Средневековья Среднеобской низменности («Сургутского Приобья») были выделены две археологические культуры — «нижнеобская» и «сайгатинская»⁴.

В нижнеобскую археологическую культуру А.П. Зыков включил четыре хронологических варианта (этапа) из старой схемы — карымский, зеленогорский, кучминский и кинтусовский, добавил к ним рёлкинский этап (между зеленогорским и кучминским). При этом автор несколько скорректировал датировку этапов: кучминский и кинтусовский были разделены им на хронологические подварианты (подэтапы), а внутри карымского и зеленогорского выделил субкультурные элементы (ил. 1).

«Новая» сайгатинская археологическая культура разделена на два локальных варианта: сайгатинский (для «Сургутского Приобья») и эмдерский (для «Зауралья»). Сайгатинский локальный вариант разделен на 5 хронологических вариантов (групп).

Памятники Нового времени рассматриваются А.П. Зыковым вне рамок археологических культур. При этом они разделены на 2 этапа. Первому этапу отведено чуть больше 50 лет (эпоха «Сибирского

взятия»), а второму — 250 лет («Сургутское Приобье» в составе Российского государства).

Глава 2

Обь-Иртышская культурно-историческая общность

В этой главе А.П. Зыков декларирует археологическую суперкультуру под названием «обь-иртышская культурно-историческая общность»: «Обь-иртышская культурно-историческая общность — это группа средневековых археологических культур и типов памятников Западно-Сибирской равнины, возникших на родственной кулайской основе (локальных вариантов кулайской культуры или археологических культур кулайской культурно-исторической общности)... В состав общности в разные периоды её существования входили нижнеобская, рёлкинская, верхнеобская культуры, группа памятников Северного Прииртыша (обычно выделяемых в потчевашскую и усть-ишимскую культуры), типы памятников субарктической зоны (тиутейсалинский, яртынский, типа поселения Хаэн-Сале), позднесредневековые памятники эмдерского и сайгатинского типов Нижнего и Сургутского Приобья, кыштовской культуры Северной Барабы» [с. 34].

Глава 3

Нижнеобская археологическая культура в Сургутском Приобье

Здесь А.П. Зыков определяет территорию, для которой он использует термин «Сургутское Приобье». Из описания становится ясно, что она полностью совпадает с территорией Среднеобской низменности. Целеполагание такого переименования никак не объяснено и поэтому кажется нелогичным. В целом можно отметить, что А.П. Зыков очень небрежно относится к географическим названиям и названиям, от них образованным, — часто они искажены или некорректно сокращены. Например, это касается названий рек Большой Балык, Большой Салым, Тапатьега... Это же относится и к названию урочища в районе деревни Сайгатина, которое очень часто упоминается в тексте. А выделяемый А.П. Зыковым географический регион «Северо-Западная Сибирь» [с. 44] вообще поставил меня в тупик. Справедливости ради этот упрёк следует в равной степени отнести и к редактору, и к рецензентам издания.

В начале главы дается определение нижнеобской культуры: «*Нижнеобская культура в том понимании, которое я в ней вкладываю, представляет собой тип памятников таёжной зоны Северо-Западной Сибири, для которых характерна круглодонная керамическая посуда с фигурно-штампованной орнаментацией, синхронно и сходно эволюционирующая во всем ареале культуры...»* [с. 44].

То есть всем остальным культурным явлениям, включаемым им в обь-иртышскую культурно-историческую общность, – рёлкинской, верхнеобской (археологическим) культурам, группе памятников Северного Прииртышья, обычно выделяемых в потчевашскую и усть-ишимскую культуры, типам памятников субарктической зоны (тиутейсалинский, яртинский, типа поселения Хаэн-Сале), позднесредневековым памятникам эмдерского и сайгатинского типов Нижнего и Сургутского Приобья, кыштовской (археологической) культуре Северной Барабы – он отказывает в наличии круглодонной и/или «фигурноштампованной» керамики. Не совсем ясно, почему А.П. Зыков отказывает во включении в нижнеобскую культуру памятникам белоярской, калинкинской и кулайской культур, которые как нельзя лучше удовлетворяют условиям круглодонности и фигурноштампованности. Вероятно, они не удовлетворяют условиям эфемерной средневековости и принципу возникновения «на родственной кулайской основе».

Дальнейшие рассуждения А.П. Зыкова ещё больше сбивают с толку. Так, далеко не все выделяемые им керамические типы удовлетворяют принципу наличия *фигурно-штампованной орнаментации* (гребенчатый штамп он не считает фигурным). Говоря о плавной эволюции, он вдруг пишет, например, что «орнаментальный декор карымской посуды резко отличает её как от предшествующей керамики кулайской культуры, так и от более поздних этапов нижнеобской культуры» [с. 53]. Далее он пишет, что «по орнаменту керамика карымского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья чётко делится на три типа» [с. 54]. Несмотря на наличие памятников с «чистыми» керамическими комплексами одного (например, 3-го) типа, он не считает возможным задуматься о существовании в Средневековье на рассматриваемой им территории различных историко-культурных областей, где керамическая посуда не совсем «сходно и синхронно эволюционировала». Понятно, что признание этого даже на уровне локальных вариантов пресловутой «нижнеобской культуры» нарушило

бы принципы, изначально заложенные в определение этой культуры. Если я правильно понимаю ход рассуждений автора, то все выделяемые им типы керамики внутри карымского и зеленогорского этапов (хронологических вариантов) он относит к отражению существовавших в этот период субкультур, которые сложились под влиянием «мигрантов, быстро инкорпорированных в автохтонную среду». В связи с тем, что керамика 3-го типа есть и в карымском, и в зеленогорском комплексах, эта «быстрая инкорпорация», исходя из предложенной датировки этапов, заняла не менее 200 лет.

Вызывает много вопросов и «новый» рёлкинский этап. Если исходить из описания, то керамика практически идентична зеленогорской (в пределах стилевой вариативности). Хронологическая последовательность не подтверждена ни стратиграфическими наблюдениями, ни представительной выборкой датирующих находок, ни абсолютными методами датирования. Даже допуская выделение рёлкинского варианта нижнеобской культуры, я не вижу приоритетов для его отнесения к локальному или хронологическому варианту. А если следовать упомянутым выше построениям А.П. Зыкова, то нельзя исключать и того, что он является отражением очередной субкультуры.

Часто сложно уловить логику, положенную в основу некоторых выводов. Например, отнесение вожпайской керамики с редуцированным (упрощенным) декором к 3-му подэтапу кучминского этапа нижнеобской культуры обь-иртышской культурно-исторической общности. А.П. Зыков сам же пишет, что «известно несколько случаев взаимонахождения керамики третьей группы (кучминского этапа) и вожпайской посуды в одних и тех же комплексах» [с. 83], в том числе в «вожпайских» группах погребений и даже в одних и тех же погребениях [с. 88]. Кроме того, во всех вожпайских керамических комплексах, на которые ссылается автор новой периодизации, в обязательном порядке представлены сосуды с упрощенным декором [с. 83, 88–90]. На этом основании он делает вывод, что эта посуда «в целом старше комплексов с вожпайской керамикой» (!?).

Глава 4

Сайгатинская археологическая культура в Сургутском Приобье

Выделение сайгатинской археологической культуры противоречит критериям, выдвинутым самим же А.П. Зыковым. Либо автор неясно

выразил свои мысли. Так, он пишет, что «в конце периода бытования рачёвской керамики в её составе появляются формы сосудов, более характерные уже для сайгатинского типа памятников», что «свидетельствует лишь о неразрывной преемственности комплексов конца XI – XII веков и ранних сайгатинских конца XII – XIII веков» [с. 93]. Далее он заявляет: «Хотя этот сайгатинский тип и являлся закономерным эволюционным этапом, наследующим и прямо продолжающим линию развития памятников кинтусовского этапа, всё же не следует включать его в нижнеобскую культуру. Финалом культуры как элемента археологической систематизации следует признать кинтусовский этап. А более поздний тип памятников, для выделения которого керамическая посуда уже не является сколько-нибудь важным критерием, хотя бы уже в силу её малочисленности, следует выводить за рамки культуры» [с. 99]. Уважаемый автор нигде не пишет о том, сколько должно быть керамики для того, чтобы она была тем самым критерием. Приводимые факты того, что керамическая посуда в кон. XII – XIII в. реже используется в погребальном обряде — в 47,7% погребений [с. 101], — не кажется веским аргументом. Так, например, в погребениях «кучиминского этапа нижнеобской археологической культуры обь-иртышской культурно-исторической общности» керамическая посуда встречена лишь в единичных случаях. Что не помешало автору оставить этот этап в составе нижнеобской культуры.

Для определения верхней границы сайгатинской археологической культуры археологические материалы не использовались. Археологическая культура «оборвана» произвольно по историческим событиям, связанным с началом русской колонизации Сибири.

Глава 5

Археологические памятники Сургутского Приобья конца XVI – 1-й половины XVII вв.

В главе приводится пересказ исторических и эпических событий, связанных с обозначенным периодом. Он занимает более половины объёма текста. Кроме того дается описание нескольких археологических комплексов. Однако основного ответа на вопрос, чем они отличаются от археологических памятников предшествующего и последующего времени, в главе не содержится.

Глава 6

Археологические памятники Нового времени в Сургутском Приобье (2-я половина XVII – начало XX вв.)

Этот раздел, как и предшествующий, носит не аналитический, а описательный характер. Поиск характерных черт и выделение индикаторных признаков археологической культуры этого времени А.П. Зыков оставляет за читателем.

Заключение

В этом разделе я ожидал увидеть некое обобщение, краткие выводы по результатам проведённых исследований, в том числе взято сформулированные достижения методологического и методического характера, обобщенную схему новой периодизации, оценку достижения цели и выполнения задач исследования.

Однако основная часть очень короткого текста отведена повторению нескольких фрагментов из истории исследования. И лишь последние два абзаца говорят о том, что «эта книга является полным изложением... сегодняшних взглядов» автора, и о том, что у него нет никаких сомнений об единой линии развития материальной культуры, об единых нижнеобской и сайгатинской археологических культурах в Нижнем Приобье, таёжном Зауралье и Нижнем Прииртышье [с. 135–136].

Иллюстративный ряд

Иллюстрации в книге чрезвычайно бедны и не дают представления о материальном комплексе среднеобского Средневековья и Нового времени. Не ясно, почему в книгу не были включены рисунки или фотографии основных категорий металлических предметов: украшений, оружия, орудий труда и т. п. Создаётся впечатление, что рисунки подобраны случайно из того, что автор имел непосредственно под рукой. Планы памятников представлены глазомерными абрисами 30–40-летней давности, хотя на большинство из них к моменту написания книги были выполнены инструментальные топографические планы. Ярким примером может служить городище Кучминское IX, инструментальный план которого кардинально изменил представление об этом памятнике (ил. 2).

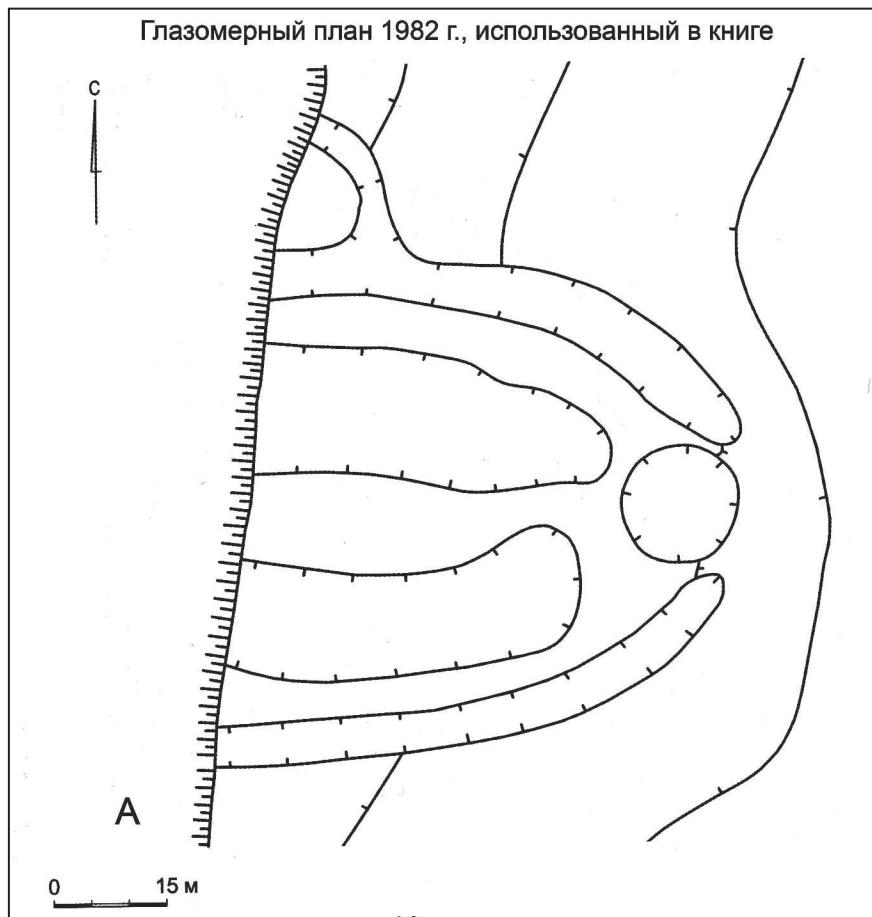
Доказательство наиболее спорных моментов проиллюстрировано материалами из смешанных или недатированных комплексов. В некоторых случаях датировка просто проигнорирована. Например, в трёх разных хронологических группах (этапах) представлены сосуды из нерасчленённого комплекса находок с городищ Барсов Городок I/31 и Барсов Городок I/32; рисунками сосудов из «кинтусовских» погребений X–XI вв. могильников Барсовского I и Сайгатинского I проиллюстрирован «кучиминский этап» (VIII–IX вв.); на иллюстрацию с «кучиминской» керамикой попал рисунок сосуда белоярской археологической культуры железного века; среди котлов позднесредневековой «сайгатинской археологической культуры» (XIII–XVI вв.) «затесался» котёл XVII в. К сожалению, это не исчерпывающее перечисление досадных ошибок, которые оказались не только на иллюстративном ряде, но и на выводах, сделанных в работе.

Монография А.П. Зыкова изобилует логическими нестыковками, некорректным или ошибочным использованием фактов. Для полного их разбора потребовалось бы написать целый труд не меньшего объема. В целом книга производит впечатление очень сырого предварительного наброска. Во многих случаях даже подготовленному читателю, имеющему представление о регионе и рассматриваемых материалах, приходится лишь догадываться о том, что имел в виду автор. Имея претензию на улучшение предшествующих схем, новая периодизация не добавляет понимания о развитии средневековой культуры региона, а скорее сбивает с толку. Для неё характерен априорный подход. В большинстве случаев излагаемые факты практически не проверяются (автор, за редким исключением, оперирует собственными воспоминаниями и вторичными публикациями, а не фактами, изложенными в полных публикациях памятников и научных отчетах).

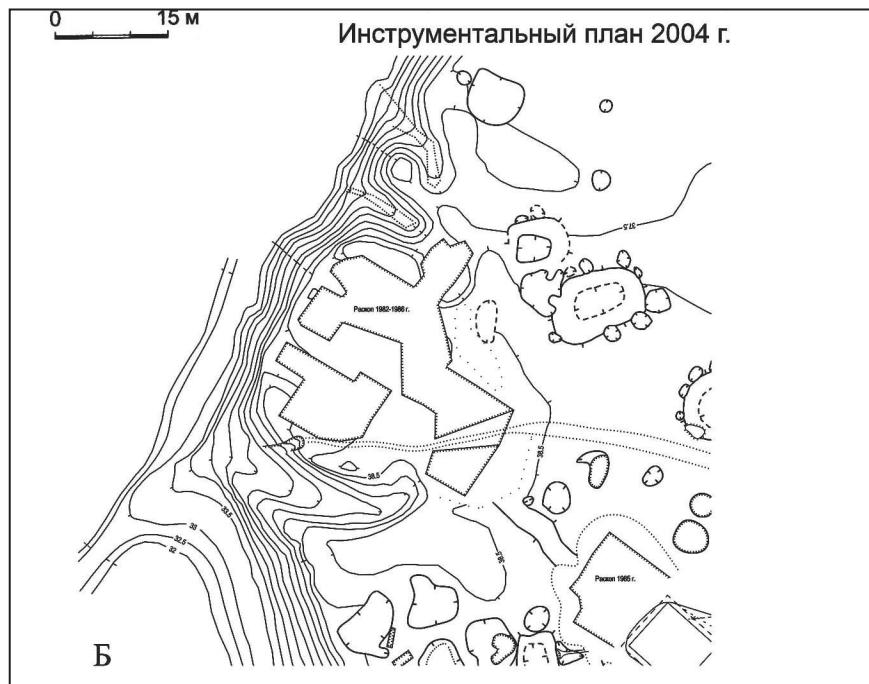
Удивительно, но эта работа была выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Ведущим учреждением, ответственным за издание, обозначено Учреждение Российской академии наук «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук». Кроме него, ответственность за качество научной монографии разделили МАУ СР «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора» и Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина. То есть, кроме рецензирования уважаемыми учёными - чл.-корр. РАН А.В. Головнёвым и канд. ист. наук С.Ф. Кокшаровым, — она наверняка рассматривалась соответствующими

учёными советами (к сожалению, в выходных данных нет ссылок на их протоколы).

Тем не менее книга полезна тем, что она как нельзя лучше проиллюстрировала кризис в археологии Средневековья Западной Сибири. В ней до гротеска проявился свойственный археологам априорный подход (я не исключаю себя из их числа), когда на первом этапе исследования, сообразуясь в большей степени с интуицией, из предмета исследования создается понятие, и в дальнейшем оно становится незыблемым для предмета исследования, который всеми силами подгоняется под идеальный образ.

Ил. 2. Городище Кучиминское IX. Планы памятника разных лет

Стало понятно, что многие, казалось бы, очевидные истины, следуют излагать подробно (не забывая о логическом принципе экономии) с представлением полной системы доказательств. То есть если для утверждения в рассматриваемой теории существует доказательство, то оно должно быть представлено. Набор аксиом или постулатов теории при логических построениях не должен приводить к противоречию. При этом не следует забывать: научное знание не является окончательным, а есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая последующую замену на лучшую интерпретацию.

При оценке рассматриваемого труда не следует забывать о его биографическом характере. Благодаря ему будущие историографы археологических исследований на севере Западной Сибири вряд ли упустят из вида немалый вклад в них А.П. Зыкова.

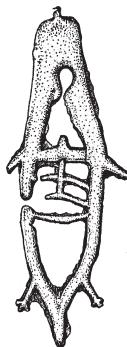
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Never attribute to malice that which can be adequately explained by stupidity (досл. с англ.: Никогда не приписывайте злому умыслу то, что вполне можно объяснить глупостью).

² Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 126–145; Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. — Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. — С. 65–66.

³ Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Обь-иртышская культурно-историческая общность... — С. 65–66.

⁴ Здесь и далее в рецензии я следую терминологии, предложенной А.П. Зыковым.

С Днем
Юбилея!

Изучать и сохранять! (К 60-летию со дня рождения Е.М. Беспрозванного)

Евгений Мирович Беспрозванный родился 11 июня 1953 г. в самом центре г. Москвы — на углу улиц Садово-Кудринской и Алексея Толстого. Старинный пятиэтажный дом XIX в. бывшего московского адвоката, квартира на 5-м этаже, семья соседей за стенами, восемь керогазов на общей кухне, очередь в ванную... — короче говоря, все признаки социалистического общежития были впитаны с молоком матери. Отец Мир Абрамович Беспрозванный — химик, альпинист, горный

и водный турист, душа компании — все отпуска проводил вне мегаполиса (да и любого «полиса» вообще), предпочитая Кавказ, Полярный Урал, Карелию и т. д. В 55 лет, когда турпоходы стали тяжеловаты, он на протяжении 10 лет ездил в археологические экспедиции на территорию Ханты-Мансийского округа. Мать, Алла Марковна Берлин, была под стать своему супругу — тоже химик, турист и альпинист. Даже со своим будущим мужем она познакомилась в альплагере на Домбае. Диссертацию защитила через месяц после рождения третьего ребёнка. Дядя Павел Абрамович Беспрозванный тоже альпинист, турист и бард с полевой профессией геолога. Так что выбор будущей профессии в пространстве науки, экспедиции и романтики полевой жизни был Е.М. Беспрозванному, видимо, предопределён ещё до его появления на свет.

Впервые об истории он услышал в туристическом походе на байдарках по р. Мологе в возрасте 8 лет. После этого любимыми книгами стали сочинения В.А. Обручева, Ж.А. Рони-старшего, В. Скотта, которые не одно поколение мальчишек и девчонок повернули в сторону серьёзного увлечения исторической наукой. В 11 лет Женя пошёл записываться в исторический кружок Московского дворца пионеров и случайно (?) записался в археологический кружок. Руководил тогда кружком археолог, выдающийся учёный, педагог, великолепный рассказчик Ростислав Леонидович Розенфельдт, работавший в Институте археологии АН СССР. С тех пор всё своё свободное время нынешний юбиляр проводил в этом кружке, где он с 12 лет и до окончания школы занимал лидерскую должность старосты, и в Институте археологии, где своим участием в обработке археологических коллекций получал уже далеко «не детские» навыки археологической профессии.

С 12 лет Е.М. Беспрозванный начал отсчёт своих полевых сезонов: 1965 г. — Дьяковское городище, 1966 г. — Сетуньское городище в Москве, 1967 г. — Старая Рязань, 1968 г. — курганы и жальники на оз. Шлино (граница Тверской и Новгородской обл.), 1969 г. — Иваньковский могильник (Чувашская Республика)... Благодаря учёбе в кружке и работе в экспедициях он познакомился со многими выдающимися археологами. Среди них — М.М. Герасимов, В.И. Громов, В.Ф. Зыбковец, А.Л. Монгайт, Г.Ф. Никитина, И.Г. Розенфельдт и многие другие.

В июле — августе 1969 г. он работал в отряде О.Н. Бадера на раскопках знаменитой ныне стоянки Сунгирь, что во Владимирской области, — и надолго заболел... каменным веком. В 1970 г. по совету

О.Н. Бадера выпускник школы Беспрозванный поехал в Свердловск и поступил на исторический факультет Уральского государственного университета, где с 1-го курса начал специализироваться по археологии. Его научным руководителем стал уникальный учёный и организатор В.Т. Петрин, который сам только за год до того закончил этот же вуз и работал в хоздоговорной лаборатории, возглавляемой лидером уральской археологии В.Ф. Генингом. В.Т. Петрин специализировался на изучении палеолита Урала и Западной Сибири, и потому Е.М. Беспрозванный принял участие в раскопках всех известных тогда палеолитических памятников региона: 1971 г. — Черноозерская стоянка в Омской обл., 1972—1973 гг. — стоянка Шикаевка в Курганской обл., 1977 г. — стоянка Могочино в Томской обл., 1981 г. — Игнатиевская пещера в Челябинской обл. и т. д. В 1976 г. он получил свой первый Открытый лист на право проведения разведок в Курганской обл. в низовьях р. Миасс. Дипломная работа Е.М. Беспрозванного была посвящена микролитическим индустриям Урала.

В 1977 г. после окончания заочного отделения истфака УрГУ молодой специалист Беспрозванный начал работать в археологической лаборатории Челябинского госуниверситета, возглавляемой Г.Б. Здановичем. За три последующих года он провёл самостоятельные работы и участвовал в раскопках стоянки каменного века на оз. Чебаркуль, курганов раннего железного века и поселения эпохи энеолита Ботай в Северном Казахстане, проводил археологические разведки в лесной и горно-таёжной зоне Челябинской обл.

В 1978 г. молодой учёный впервые задумался о вопросах сохранения археологического наследия. Как археолог он принимал участие в заседаниях ВООПИК Челябинской обл., подготовил проект первого Свода памятников Челябинской обл., проводил паспортизацию археологических памятников.

В 1981 г. Е.М. Беспрозванный вернулся в Свердловск и начал работать в УрГУ — сначала на кафедре истории СССР, затем в археологической лаборатории. С этого же года начались его археологические изыскания на территории ХМАО: он являлся ответственным исполнителем ряда хоздоговоров, исследовал первые мезолитические памятники таёжной зоны Западной Сибири (Леуши 7, Леуши 9, Леуши 13, Леуши 14), открыл и стал первым раскапывать сейминско-турбинский могильник Сатыга XVI... Полевые работы Евгения Мировича всегда отличались масштабностью и скрупулёзностью. В общей сложности им открыто более 500 объектов археологического наследия.

С кон. 1980-х гг. он активно и плодотворно занялся вопросами сохранения археологического наследия. В частности, именно он стал автором предложения о введении в первый Земельный кодекс РСФСР понятия «земли историко-культурного назначения». В 1991 г. Е.М. Беспрозванный перешёл на работу в предприятие Свердловского отделения Российского фонда культуры «АВКОМ» на должность исполнительного директора программы «Археология», а в 1997 г. занял должность директора научных программ ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие».

Это предприятие было создано в 1989 г. Г.З. Вайсманом, который до того занимал должность заведующего отделом технических средств обучения и учебного телевидения УрГУ. Знакомство, дружба и совместная работа с Г.З. Вайсманом на протяжении 21 года оказали колоссальное влияние на мировоззрение и направление деятельности Е.М. Беспрозванного. С 1982 г. они зачастую вдвоём уходили в разведочные маршруты, где было время поговорить об очень о многом — и «по работе», и «за жизнь». Союз практика-естественника и управляемца Г.З. Вайсмана и гуманитария-археолога Е.М. Беспрозванного дал достаточно неожиданный и интересный эффект — в 1988 г. ими был подготовлен проект организации под Свердловском археологического музеиного центра. Документ был рассмотрен и одобрен на заседании Свердловского облисполкома, и только развал СССР помешал его претворению в жизнь. В 1992 г. ими же была разработана концепция системы сохранения историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа, которая была рассмотрена и утверждена на заседании окружного совета народных депутатов и администрации автономного округа. Именно согласно этой концепции в ХМАО была выстроена система сохранения и контроля за состоянием объектов культурного наследия, которая — пусть и в изменённой форме — действует до сих пор. Во время разработки этой концепции Е.М. Беспрозванный два года работал в администрации ХМАО в должности заместителя начальника отдела по сохранению и использованию объектов культурного наследия округа.

Основные достижения юбиляра применительно к территории нынешнего ХМАО — Югры можно видеть в создании системы сохранения и контроля за состоянием объектов культурного наследия, в разработке и внедрении системы историко-культурной экспертизы и историко-культурного зонирования территории, в активном участии в придании статуса памятников этнологическим объектам, во внедрении современных методов изучения археологических объектов.

Под руководством и при участии Е.М. Беспрозванного проведены противоаварийные спасательные исследования десятков археологических памятников на площади свыше 30 тыс. кв. м; выявлены около 2500 объектов культурного наследия; разработаны геоинформационные системы по историко-культурному наследию, десятки нормативных и методических документов, концепции и технико-экономическое обоснование особо охраняемых территорий, музеев и выставок; проведены этнографические и экспериментальные экспедиции, социо-демографические исследования и многое другое.

Сегодня Е.М. Беспрозванный — генеральный директор ООО «Научно-аналитический центр «АВКОМ—Наследие».

В свои шестьдесят Евгений Мирович полон идей и проектов, энергичен, позитивен.

АВКОМовцы

Впервые с Е. Беспрозванным мне пришлось столкнуться в пору моей работы заместителем декана исторического факультета в нач. 1970-х гг., когда этот ершистый и неорганизованный студент нарвался на какой-то мелкий дисциплинарный конфликт. Неожиданностью для меня стало то обстоятельство, что этого пацана с московскими рождением, пропиской и «распальцовкой» в наш Уральский университет привёл осознанный выбор — оказывается, до того он в течение двух сезонов уже работал в археологических

экспедициях профессора О.Н. Бадера. А повторно я познакомился с ним в период его трудоустройства в археологическую лабораторию Г.Б. Здановича Челябинского государственного университета. Теперь, по прошествии времени, можно с основанием сказать, что Евгений внёс заметный вклад в становление южноуральской археологии: в его отрядах (точнее, в одних с ним отрядах) в Северном Казахстане на-

чиали свой путь в археологическую науку ныне маститые профессора В.С. Мосин, С.Г. Баталов, А.Г. Таиров. Эта дружба и сотрудничество с южноуральскими и казахстанскими археологами трепетно сохраняется Евгением Мировичем и его коллегами до настоящего времени.

Важным этапом в жизни Е.М. Беспрозванного стало создание организации, ныне известной как ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие». Это стало возможным в силу двух не связанных между собой обстоятельств. Став в 1987 г. председателем Свердловского областного отделения Советского фонда культуры, мне пришлось стать свидетелем мощного всплеска инициативы различных объединений так называемых неформалов. Наше отделение одним из первых в СССР зарегистрировало при себе несколько национально-культурных обществ и научно-производственных объединений, действующих в сфере сохранения историко-культурного наследия. Так в 1988 г. обрел свой негосударственный статус и НПЦ «АВКОМ». Появление этого творческого коллектива стало результатом моего своеобразного вхождения в tandem «Евгений Беспрозванный — Григорий Вайсман». Практически половина из моих 30 полевых сезонов связана с этими яркими и очень непохожими друг на друга закадычными друзьями. Уже первые три сезона в разведках по р. Сосьве и оз. Вагильскому Туману (сидя в одной мотолодке, хлебая из одного котелка и копая один шурф) убедили: «У них всё получится!», «АВКОМу быть!». И он жив поныне, хотя Григорий Вайсман ушёл, навсегда оставшись в наших сердцах!

А потом были трепетные зимние дни 1990 г., когда на московской квартире родителей Евгения мы втроём создавали текст будущего постановления Верховного Совета РСФСР от N 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР», которое уже 25 декабря того же 1990 г. было подписано Председателем Верховного Совета Б.Н. Ельциным. Этот документ больше десятилетия — вплоть до принятия в 2002 г. федерального закона — был главным правовым актом в сфере сохранения культурного наследия в России.

Не удивительно, что и первый аналогичный закон для Югры «О сохранении и использовании историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа», принятый в 1997 г., был подготовлен именно Е.М. Беспрозванным и Г.З. Вайсманом.

Северная Даниловка и лагерь археологов для многих студентов и выпускников истфака УрГУ (в том числе и для меня), многочисленных

гостей со всей России и из-за рубежа (например, из археологической лаборатории Белградского университета) стали своеобразной точкой «кум», местом выхода положительной энергии. А источником этой энергии всегда служили и служат скромная палатка «начальника», сам по-утреннему взлохмаченный Евгений Мирович, его решительная походка и громогласное «Подъём!!!», ночной костёр, гитара и идущее от нутра «Всё перекаты, да перекаты...».

*Ю.С. Кирьяков
канд. ист. наук, доцент*

Список сокращений

АН	Академия наук
АУ	автономное учреждение
в.	век
вв.	века
внс	ведущий научный сотрудник
ВООПИК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
втор. пол.	вторая половина
вып.	выпуск
выс.	высота
г.	год; город (<i>в зависимости от контекста</i>)
гг.	годы
гос.	государственный (-ая, -ое)
д.	деревня
д.	дело
диам.	диаметр
ДСП	для служебного пользования
ед.	единица
ИА РАН	Институт археологии Российской Академии наук
ИД	Издательский дом
изд-во	издательство
Изд-во Том. ун-та	Издательство Томского университета
ИИА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ин-т	институт
ИПОС СО РАН	Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИЭРЖ УрО РАН	Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
ил.	иллюстрация
ин-т	институт
исслед.	исследования
канд. биол. наук	кандидат биологических наук
канд. ист. наук	кандидат исторических наук
кв. м	квадратный метр
км	километр
кн.	книга
Коми НЦ УрО АН СССР	Коми научный центр Уральского отделения академии наук Союза Советских Социалистических Республик
комм.	комментарий
кон.	конец
конф.	конференция
Л.	Ленинград
ЛПДС	линейная перекачивающая диспетчерская станция
ЛЭП	линия электропередач
М	Москва
мат-лы	материалы
МАУ СР	муниципальное автономное учреждение Сургутского района
мл. науч. сотр.	младший научный сотрудник

МУ	муниципальное учреждение
МУ «ИКНПЦ «Барсова Гора»	Муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
науч.-практ.	научно-практическая
НАЦ	научно-аналитический центр
нач.	начало
НГДУ	нефтегазодобывающее управление
НИИ	научно-исследовательский институт
НИР	научно-исследовательская работа
НПМП	научно-производственное многопрофильное предприятие
НПЦ	научно-производственный центр
НЦ	научный центр
н. э.	наша (новая) эра
ОАО	открытое акционерное общество
обл.	область
облисполком	областной исполнительный комитет
оз.	озеро
ок.	около
ООО	общество с ограниченной ответственностью
отв. ред.	ответственный редактор
п.	пос.пок
пед.	педагогический (-ая, -ое)
перв. пол.	первая половина
ПНИАЛ УрГУ	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского государственного университета
ПНИЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ	Проблемная научно-исследовательская лаборатория Центра археологических исследований Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени Первого президента России Б.Н. Ельцина
пос.	посёлок
р.	река
РАН	Российская академия наук
РИО	редакционно-издательский отдел
рис.	рисунок
р-н	район
РФ	Российская Федерация
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
с.	страница
С.	север
сер.	середина
сн.	снято
с.н.с.	старший научный сотрудник
СО	Сибирское отделение
сов.	советский (-ая, -ое)
сп.	сельское поселение
СПб	Санкт-Петербург
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
Средневек.	Средневековье
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	статья
СурГПИ	Сургутский государственный педагогический институт
т.	том

табл.	таблица
ТГУСУР	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
тез. докл.	тезисы докладов
тыс.	тысячелетие (-ия)
УАЭ УрГУ	Уральская археологическая экспедиция Уральского государственного университета
ул.	улица
ун-т	университет
УНЦ	Уральский научный центр
УрГПУ	Уральский государственный педагогический университет
УрГУ	Уральский государственный университет
УрО	Уральское отделение
УрФО	Уральский федеральный округ
УрФУ	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
утв.	утверждён (-ный)
уч.	участок
Ф.	фонд
ч.	часть
шир.	ширина
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
чл.-корр.	член-корреспондент
экз.	экземпляр
ЯНАО	Ямало-Ненецкий автономный округ
GPS	Global Positioning System (глобальная система позиционирования)

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Список объектов культурного наследия ХМАО – Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (на 27 мая 2013 г.)	4
Д.О. Стародумов, Я.А. Яковлев. Концепция сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия бывшего села Самарова – исторической части города Ханты-Мансийска (проект)	17
А.В. Соколов, Т.В. Кожевникова. Проблемы формирования научно-производственного архива АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» как единого информационного ресурса в сфере государственной охраны, сохранения, использования и популяризации культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	78

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

В. И. Стефанов, Е. Н. Данилова. Кульёганские древности среднего Агана	84
П.С. Бахарев. Волки в зеркальном отражении	97
Ю.П. Чемякин, В.А. Борзунов. Аварийные раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в бассейне Большого Югана	101

Последние полевые сезоны: 2010–2011 гг.

М.Ю. Барапов, И.С. Чарусова. Работы по сохранению поселений Балинское 53, Балинское 54 и Балинское 56 на Приобском месторождении нефти в ХМАО – Югре в 2012 г.	130
В.А. Борзунов, О.Н. Корочкива, В.И. Стефанов. Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5)	142

Е.А. Жирных, О.С. Абакумова. Археологические раскопки могильника Ендырского I в 2012 г.	198
С.Ф. Кокшаров, Н.К. Партанов. Археологические поисковые работы в Октябрьском районе ХМАО – Югры	202
А.В. Соколов, Е.Е. Васильева. Археологическая разведка в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах ХМАО – Югры в 2012 г.	205
Т.Н. Собольникова. Археологические исследования в окрестностях д. Согом в 2012 г.	212
А.В. Кузина. Поселение Чебачье III: результаты исследований 2012 г.	227
А.А. Рудь. О полевых археолого-этнографических работах в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2012 г.	232

Библиографическое наследие

М. Копотилов. Няксимвольское городище (Предварительное регистрационное описание)	246
--	-----

Рецензии и библиография

К.Г. Каракаров. Сделаем усилие и... приблизимся к истине (Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время / Отв. ред. А.Я. Труфанов; рецензенты А.В. Головнёв, С.Ф. Кокшаров – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с.: ил.)	250
---	-----

Юбилей

АВКОМовцы, Ю.С. Кирьяков. Изучать и сохранять! (К 60-летию со дня рождения Е.М. Беспрозванного)	264
---	-----

Список сокращений	271
------------------------	-----

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ **В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО**

ВЫПУСК 11

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка ООО Фирма «Ацтек», г. Томск

Подписано в печать 01.08.2013 г. Формат 60x90¹/₁₆.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 17,25 + 1 вкл.; уч-изд. л. 17,82.

Тираж 300 экз. Заказ .

ООО «Издательство Томского университета». 634029, Томск, ул. Никитина, 4.